

Александр НЕФЕДОВ

ЖИЗНЬ ВО БЛАГО ОТЕЧЕСТВА

К 200-летию памяти
книгоиздателя
Николая Новикова

Александр НЕФЕДОВ

ЖИЗНЬ
ВО БЛАГО
ОТЕЧЕСТВА

**К 200-летию памяти
книгоиздателя Николая Новикова**

ТАМБОВСКИЙ
ПОЛИГРАФИЧЕСКИЙ
СОЮЗ

2018

УДК 655.4/5
ББК 76.17
Н58

Н58 **Нефедов А.В.**
Жизнь во благо Отечества. К 200-летию памяти книгоиздателя Николая Новикова. — Тамбов: ООО «ТПС», 2018. — 304 с.: ил.

**Издание книги осуществлено в рамках реализации
муниципальной программы
«Культура городского округа Ступино на 2018—2022 годы».**

В августе 2018 года исполнилось 200 лет со дня кончины книгоиздателя, титана эпохи российского Просвещения Николая Ивановича Новикова (1744—1818). Основоположник отечественной журналистики и педагогики, писатель-публицист и филантроп стал одной из немногих исторических персон, которому установлено сразу несколько памятников: в центре нашей столицы, в подмосковных Бронницах и в столице Нидерландов — Амстердаме. Великолепный бюст «ревнителя русского просвещения» вскоре украсит и одну из главных площадей города Ступино, расположенного в Московской области. В чем же загадка такого отношения к человеку, бурная деятельность которого протекала четверть тысячелетия назад? Почему мы помним о Н.И. Новикове, сохраняем его духовное наследие и отдаем ему дань памяти?

Многие ответы на эти вопросы уже дал нам Александр Нефедов в своих предыдущих книгах, увидевших свет в издательстве «Академия-XXI»: «Мастер слова и дела. Странности судьбы книгоиздателя Николая Новикова» (2010) и «Торжество слова и дела. Книгоиздатель Николай Новиков: возвращение из небытия» (2015). Венцом своеобразной трилогии стала эта книга, на страницах которой читатели найдут много интересного, порой удивительного, расширяющего наши границы познания отечественной истории.

В книге впервые представлены изображения всех известных на сегодняшний день портретов Н.И. Новикова. А очерк о том, как на протяжении почти двух веков собиралась и изучалась эта уникальная иконография, представляет собой настоящий культурологический детектив.

**На обложке: проект памятника Н.И. Новикову.
Скульптор И.В. Коржев-Чувелев.**

ISBN 978-5-907132-17-7

УДК 655.4/5
ББК 76.17

© А.В. Нефедов, текст, Приложения № 2 и 3, комментарии, 2018
© ООО «ТПС», издание, 2018
© Р.В. Гацко — Славацкий, сонет, 2018
© Т.М. Абрамова, Приложение № 1, 2018
© С.С. Панасян, обложка, 2018

ЖИЗНЬ
ВО БЛАГО
ОТЕЧЕСТВА

*Церковь Тихвинской иконы Божией Матери
в селе Авдотьино,
где похоронен Н.И. Новиков (1744–1818)*

ВИДЕНИЕ

Ты слышишь? В тишине на старой колокольне
какой-то странный гость до утренней зари
под шорохи шагов глядит на край раздольный —
не страж, а только тень — таинственный старик.

Ужели это он, властитель путеводный,
проходит в тишине, в пыли истертых плит, —
что в давний страшный год спас тысячи голодных,
что ведал тайный Смысл, и что теперь — забыт?

И видит на заре алеющий багрец —
московский Трисмегист — алхимик и мудрец...

Но скрыты клады книг, и логос изначальный
затоптан и листвою истлевшей занесен...
Потерт его камзол... С улыбкою печальной
вздохнет родная тень, и тает, словно сон.

Роман Гацко — Славацкий
Коломна, 19 февраля 2018
ночь на Великий пост

ОТ АВТОРА

Этот изящный томик, который вы, дорогой мой читатель, держите в руках, своим выходом в свет завершает задуманный десять лет назад проект по созданию документальной трилогии, посвященной жизни и деятельности «ревнителя русского просвещения» Николая Ивановича Новикова (1744–1818). Первые две книги, которые выпустило издательство «Академия — XXI» — «Мастер слова и дела. Странности судьбы книгоиздателя Николая Новикова» (2010 г.) и «Торжество слова и дела. Книгоиздатель Николай Новиков: возвращение из небытия» (2015 г.) получили в свое время большой общественный резонанс. Рецензии на них были опубликованы в различных изданиях, в том числе в «Литературной газете», «Общеписательской литературной газете», «Независимой газете», «Московском литераторе», «Тверской, 13», «Ежедневных новостях. Подмосковье», ряде «толстых» журналов, наконец, — в сети Интернет. Презентации книг состоялись на самых различных площадках — от школ и колледжей до Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, от книжных магазинов и районных и сельских библиотек до

Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы им. М.И. Рудомино. Книги стали поводом для организации ряда международных научных конференций, дальнейшей популяризации славных дел видного отечественного просветителя. Уже первая книга подвигла известного российского скульптора и группу меценатов на создание и установку памятника Н.И. Новикову в центре Москвы и в Амстердаме, а за вторую книгу автор был удостоен награды Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям, став лауреатом XI всероссийского конкурса «Малая Родина».

Работая над третьей книгой, автор не ставил перед собой амбициозных планов, не стремился получить очередные награды и положительные отклики строгих читателей и капризных СМИ. Задача была иной: «построить» своеобразный мостик между прошлым и будущим, постараться передать эстафету сохранения памяти о жизни и деятельности Н.И. Новикова новым поколениям историков, филологов, краеведов, независимых исследователей, которые уже приходят нам, «старой гвардии», на смену. А еще — опубликовать результаты самых последних исследований, поделиться новыми любопытными фактами.

Отрадно отметить два немаловажных факта, касающихся технического процесса появления на свет моего очередного исследовательского труда. Издание этой книги осуществлено на бюджетные средства в рамках реализации муниципальной программы «Культура городского округа Ступино на 2018—2022 годы». А все допечатные и типографские работы осуществил «Тамбовский Полиграфический Союз», что необычайно символично, ведь именно в замечательном городе Тамбове появилась одна из первых российских провинциальных типографий. И за

слуга в ее организации и оснащении принадлежит Гаврииле Романовичу Державину, который с 1786 по 1788 годы по указу Екатерины II был правителем Тамбовского наместничества, а также главному герою моего повествования.

Книга не случайно издается именно в 2018 году. В разгар революционных событий весны 1918 года в газете «Московский листок» вышла крошечная заметка, которую не всякий читатель и заметил. Но она и теперь, спустя сто лет, не утратила своей актуальности. Неизвестный автор писал: *«12 августа (31 июля ст.ст.) исполняется столетие со дня кончины первомученика русской свободы, основоположника первой вольной типографии в России и первого издательства полезных книг для борьбы с невежеством — Николая Ивановича Новикова. Ни о каких приготовлениях к достойному чествованию памяти замечательнейшего из наших общественных деятелей, — одного из стойких борцов с самовластьем, — пока не слышно. В неоплатном долгу остается русский народ перед Новиковым»...*

Захлестнувшая тогда Россию Гражданская война, разруха и голод не позволили достойно отметить столетие памяти книгоиздателя. Минул еще один век. В пылу борьбы с международными санкциями и в острых внутривластных баталиях мы вновь забыли в общероссийском масштабе отметить эпохальную годовщину памяти славного россиянина. Но неравнодушная общественность, администрация и депутатский корпус городского поселения Ступино нашли средства и в ближайшее время в центре этого крупнейшего подмосковного города будет открыт памятник «ревнителю русского просвещения». Его автором стал Заслуженный художник России скульптор-монументалист Иван Коржев-Чувелев, внук прославленного живописца «сурового стиля»

Гелия Коржева. Лучи света вопреки обстоятельствам все же пробивают мрак невежества и равнодушия.

Искренне надеюсь, что эта небольшая книга, своим форматом и художественным оформлением отчасти напоминающая книги, выпущенные «Изданием Николая

Новикова» и созданной им Типографической компании, станет маленьким маяком для каждого, кто идет по тернистому пути постижения Истины. И пусть этот путь будет для вас бесконечно долгим...

Свои отзывы о книге присылайте по адресу: appaalex2002@yandex.ru

*Издательский знак
Новикова*

*Александр НЕФЕДОВ
Малое Алексеевское, 22 июня 2018 года*

Глава 1

На берегу Северских вод

Двести лет тому назад, в последний день июля 1818 года, на рассвете, остановилось усталое сердце неутомимого человека, легенды о котором и по сей день не дают покоя искателям приключений и сокровищ, мистических откровений и философского камня. Его бурная просветительская деятельность, заставлявшая удивляться даже Екатерину Великую, начиналась в городе на Неве, достигла всероссийского масштаба в Первопрестольной столице, а завершилась в скромной подмосковной усадьбе Авдотьино на берегу очаровательной речки Северки.

А самым удивительным фактом всей жизни и деятельности стало то, что имя Николая Ивановича Новикова теперь одинаково близко и знакомо коммунистам и либералам, монархистам и масонам, академическим ученым и доморощенным гностикам. Правда, он широко известен в узких кругах. Одни ставят ему памятники и посвящают книги, а другие, и их большинство, никогда и не слышали о «ревнителе русского просвещения».

*Открытие бюста Н.И.Новикову в Москве.
В центре - скульптор И.В.Коржей-Чувелёв,
левее - литератор -А.В. Нефедов*

В далеком от нас 1830 году Александр Пушкин в основанной им «Литературной газете» сочувственно цитировал слова Ивана Киреевского о многих забытом уже тогда Николае Ивановиче Новикове как о человеке, который «всю жизнь употребил во благо отечества» и которому «сам Карамзин обязан, может быть, своею первою образованностью»¹. Четыре года спустя свое веское слово сказал столь популярный в советское время «неистовый» Виссарион Белинский: «... Царствование Екатерины II было ознаменовано таким дивным и редким у нас явлением, которого, кажется, еще долго не дожждаться нам, грешным. Кому не известно, хотя понаслышке, имя Новикова? Как жаль, что мы так мало имеем сведений об этом необыкновенном и, смею сказать великом человеке!»².

На протяжении двух веков после смерти Новикова о нем написано немало журнальных статей и книг, сняты

даже документальные фильмы. В советское время он числился борцом с крепостничеством и деспотизмом. В новой России ему отвели роль идеолога отечественного масонства с одной стороны и рьяного демократа с другой.

Однако биография Новикова все еще таит в себе немало белях пятен. Загадки, связанные с тайной типографией, с ролью розенкрейцеров в политической жизни России, с масонскими подземельями, с сокровищами, якобы зарытыми в армейских барабанах на окраине одной из новиковских усадеб, с мистическими водными знаками на страницах изданных им книг, продолжают будоражить умы не только серьезных кабинетных ученых.

Так кем же был Николай Иванович Новиков, прославившийся на всю Россию и нашедший свое последнее пристанище в подклете усадебного храма во имя Тихвинской иконы Божией Матери села Авдотьино-Тихвинское тож Коломенского уезда Московской провинции Московской губернии, а ныне — городского округа Ступино Московской области?

Новикова по праву называют основоположником отечественной журналистики. Издаваемые им в 1769—1774 годах сатирические журналы «Трутень», «Живописец» и «Кошелек» всколыхнули публику, ведь хлестко критиковали тогдашние общественные устои, крепостное право, преклонение дворянства перед западной модой и, говоря современным языком, — идеологией. Екатерина II эти журналы заметила и умело полемизировала с Новиковым в своем журнале «Всякая всячина». В дальнейшем финансово поддерживала ряд его издательских начинаний. Например, выпуск многотомного сборника архивных документов «Древняя российская вивлиофика». Это издание сделало Новикова еще и основоположником от-

ечественной историографии и исследователи с почтением относятся к его вкладу в науку, тем более что он опубликовал некоторые средневековые грамоты и летописи, оригиналы которых затем погибли в московском пожаре 1812 года.

Всероссийская слава пришла к Николаю Ивановичу после переезда в 1779 году из Санкт — Петербурга в Первопрестольную в связи с арендой им типографии Московского университета. Он начал издавать газету «Московские ведомости», продолжил выпускать первый философский журнал «Утренний свет», затеял новые журналы — литературные, естественнонаучные, даже журнал мод. А первый отечественный журнал для детворы — «Детское чтение для сердца и разума» пригласил редактировать молодого Николая Карамзина, которого таким образом ввел в мир русской литературы.

Новиков был во многом первым. Он составил первую российскую библиографическую энциклопедию «Опыт исторического словаря о российских писателях». В 1772 году в империи он насчитал всего 317 писателей. Причем отсчет велся от самого летописца Нестора. Сейчас в нашей стране их дело продолжают десятки тысяч членов только одного Союза писателей России. А сколько других «Союзов»? А сколько тех, кто наводнил своим творчеством Интернет. Да у нас теперь каждый третий — писатель. Но в екатерининскую эпоху не всякий даже умел читать. А те, кто умел — не имели возможности реализовать свои знания в полной мере — книги светского содержания, художественные произведения, лексиконы, издавались крайне редко, мизерными тиражами. Новиков стал в этом деле настоящим революционером. Его стараниями были переведены и впервые изданы на

*Портрет Н.И.Новикова в экспозиции
Музея-усадьбы Остафьево-Русский парнас*

русском языке произведения Бомарше, Сервантеса, Мольера, Прево. Он был первым, кто издал «Робинзон Крузо» Даниэля Дефо и «Путешествия Гулливера» Джонатана Свифта. Да, в тайной типографии он печатал масонские книги, но он первым в России издал памятник древнеиндийской культуры — «Бхагаватгиту», он открыл соотечественникам философский мир Платона, Аристотеля, Сократа, Паскаля. Наконец, слово «педагогика» —

чисто новиковское изобретение, а потому его считают основоположником и этой науки. А началось все с трактата «О воспитании и наставлении детей», где под словом «педагогика» автор охарактеризовал «особую и важную науку... о воспитании тела, разума и сердца». Кстати, он был в этом деле еще и практик — основал Александровское и Екатерининское училища для сирот и детей из обедневших дворянских семей. На счету Новикова учреждение первого в России студенческого общества — Собрания университетских питомцев, Переводческой семинарии и просветительско-филантропического «Дружеского ученого общества». А еще — первого в России акционерного общества — Типографической компании. И это притом, что он не имел никакого серьезного образования, иностранных языков не знал, за пределами славной, но многострадальной Родины никогда не был. Начал учиться в гимназии при Московском университете, но вскоре был исключен «за не хождение в классы». Кстати— вместе с Григорием Потемкиным... И это не единственный человек, вошедший в отечественную историю, которого Новиков знал достаточно близко. Екатерина II — отдельная история. Был, еще, к примеру, славный наш пиит Гавриил Романович Державин. Он ведь не только оды сочинял, за что получал от государыни перстни с бриллиантами и табакерки, набитые золотыми червонцами. В бытность тамбовским губернатором Державин организовал первую в России провинциальную типографию, о чем местные краеведы и полиграфисты помнят до сих пор. Как и о том, что в этом благом деле Державину помогал Новиков.

Заслуга Новикова и в том, что он открыл в Москве первую общедоступную библиотеку — читальню и первую,

говоря современным языком социальную, аптеку. Он открывал книжные лавки в крупных российских городах. На пике издательской деятельности его доходы от реализации книг составляли миллионы рублей, которые он инвестировал в долгосрочные проекты развития отечественной книжной индустрии. Потому и возникли позднее, как следствие ареста и тюремного заключения, столь фантастические долги...

За 13 лет издательской деятельности в Москве из нескольких новиковских типографий в свет вышло около 1000 названий книг! Наш выдающийся историк Василий Осипович Ключевский период с 1779 по 1789 годы нарекает «новиковским десятилетием» в России»³.

В полузабытом теперь очерке «Обозрение русской словесности 1829 года» Иван Киреевский писал: «Новиков не распространил, а создал у нас любовь к наукам и охоту к чтению. Прежде него, по свидетельству Карамзина, были в Москве две книжные лавки, продававшие ежегодно на 10 тысяч рублей; через несколько лет их было уже 20 и книг продавалось на 200 тысяч. Кроме того, Новиков завел книжные лавки в других и в самых отдаленных городах России; распускал почти даром те сочинения, которые почитал особенно важными, заставлял переводить книги полезные, повсюду распространял участников своей деятельности, и скоро не только вся европейская Россия, но и Сибирь начала читать. Тогда отечество наше было, хотя ненадолго, свидетелем события, почти единственного в летописях нашего просвещения: рождения общего мнения. Так действовал типографщик Новиков. Замечательно, что почти в то же время другой типографщик, более славный, более счастливый, типографщик Франклин, действовал почти таким же образом на противоположном

конце земного шара; но последствия их деятельности были столь же различны, сколько Россия отлична от Соединенных Штатов»⁴...

* * *

Более сорока лет жизни Новикова непосредственно связано с его подмосковным имением Авдотьино. Теперь о некогда обширной усадьбе напоминают лишь величественная Тихвинская церковь и полуразрушенный флигель, на фасаде которого в 1911 году стараниями депутатов тогдашней Московского городской думы была установлена утраченная ныне табличка с лаконичной надписью: «Здесь жил и умер Николай Иванович Новиков, ревнитель русского просвещения». От фруктового сада, хозяйственных построек, суконного и кирпичного заводиков, конюшен и прочих сооружений не осталось и следа. Здесь, в отцовской усадьбе, Новиков родился, здесь прошло его детство, протекала старость. Здесь он нашел свое упокоение.

Флигель в Авдотьино

Сюда приезжали именитые гости — историограф Николай Карамзин, архитекторы Василий Баженов и Александр Витберг, основоположник отечественной терапевтической школы Матвей Мудров, а еще — писатели, поэты, художники, музыканты, видные общественные деятели. Но навевались и тайные соглядатаи, и уполномоченные самой государыней следователи. Только теперь, внимательно изучая архивные документы, письма и следственные дела, неопубликованные мемуары, мы начинаем понимать, что именно здесь зарождалась либерально-демократическая мысль, здесь на протяжении XVIII, XIX и XX веков формировались масонские парадигмы, которые, как это ни парадоксально, в эпоху торжества квазизнаний находят все большее количество поклонников.

Российское общество эпохи Просвещения еще не знало такого емкого понятия, вернее — состояния души, образа мышления и поведения, как интеллигентность, но по вескому мнению академика Сигурда Оттовича Шмидта, именно Новикова и многих его сподвижников можно было без преувеличения назвать первыми интеллигентами⁵. Конечно, теперь, в современной России, к интеллигенции прошлых веков относятся настороженно или вовсе с пренебрежением. Да и рыночная экономика, к которой мы так рьяно стремились еще четверть века назад, полностью дискредитировала отечественную интеллигенцию: лицом к лицу с новыми экономическими реалиями эта прослойка канувшего в Лету советского общества показала свою полную беспомощность и не нашла ничего лучшего как из полуподпольного диссидентства мимикрировать в ангажированную Западом оппозицию. Не увенчался пока должным успехом и поиск на государственном уровне вождельных духовных скреп, которые могли бы консолидировать наше

нынешнее столь неоднородное общество. Любопытен факт: при всем своем старании ни сейчас, ни в эпоху Просвещения, Церковь так и не смогла сыграть своей решающей роли в единении всех слоев общества.

Во времена Новикова и Екатерины II аналогичный процесс обретения нравственных ориентиров в среде просвещенного дворянства породил повальное увлечение масонством, которое затронуло даже духовенство. Важно подчеркнуть, что четверть тысячелетия назад, равно как и теперь, масоном мог стать только истинный христианин. Нынешние российские масонские организации имеют свои сайты во всемирной паутине и официальный статус как зарегистрированные в Минюсте РФ общественные организации. Во второй половине XVIII масоны собирались тайком, но поначалу при дворе их терпели. Да и как иначе, если масонами были почти все придворные, министры и военачальники. Знаменитый реформатор Михаил Сперанский был масоном, прославленный светлейший князь Михаил Илларионович Голенищев — Кутузов — Смоленский не только успешно бил французов, но и обладал высочайшими градусами масонского посвящения. А декабристы? Большая часть заговорщиков были вольными каменщиками. Как, кстати, почти век спустя многие члены Временного правительства, сформированного после февральской революции 1917 года. Даже «наше все» — сам Александр Сергеевич Пушкин вступил в Кишиневе в ложу «Овидий», но ее официальная инсталляция так и не состоялась и формально поэт масоном не стал. Но именно этот эпизод биографии Пушкина особенно по душе современным искателям франкмасонской истины... В итоге, масонством заинтересовался даже столь неугодный Екатерине II родной сын — Павел Петрович. Позднее витиеватый поиск собственной «духовной

скрепы» позволит новоиспеченному императору приютить в России гонимый Наполеоном Мальтийский орден и даже стать его Верховным магистром. Но это произойдет еще не скоро, а пока будущий Павел I благоволит Новикову и его другу — архитектору Василию Баженову, другим московским мартинистам, которые ведь как в воду смотрели — уверены были, что станет все же «русский Гамлет» венценосцем. А потому, как позднее напишут в следственном деле, старались «известную особу» уловить в свои сети — провозгласить главой всех русских масонов — Провинциальным Великим Мастером и тем самым обрести влияние на будущего императора в государственных делах. Переписка масонов с цесаревичем, часть которой впоследствии обнаружили при обыске в Авдотьино, передача Павлу Петровичу изданных Новиковым книг, которые тот благосклонно принимал, самым роковым образом сказалась на дальнейшей судьбе «ревнителя русского посещения».

«Дело Новикова», которое началось в 1792 году, переположило общество обеих столиц. Под следствие попали и именитые сановники, и мелкие книгопродавцы. Новикову припомнили многое: издание книг о староверах, выпуск без особого дозволения учебников и литературы сомнительного содержания — переводных произведений французских энциклопедистов, «будоражащих умы» и попахивающих «революционной инфлюэнцией». Екатерина, испугавшаяся штурма парижанами Бастилии и дальнейших народных волнений во Франции, взялась преподавать урок всем доморощенным вольнодумцам, а заодно и сановитым масонам.

Гром разразился в апреле 1792 года, когда в Авдотьино прискакал эскадрон гусар. На глазах перепуганных детей хозяина усадьбы был произведен обыск. В конечном итоге

Новикова арестовали, из дома вывезли большое количество писем крамольного содержания и очень значительную сумму наличных денег ассигнациями. Следствие велось быстро. Екатерина Великая сама составила перечень вопросов, на которые Новиков подробно письменно отвечал сначала в московских застенках — в Тайной канцелярии у Мясницких ворот, а затем в Шлиссельбургской крепости, куда доставили его тайно, окольными путями. «Минерва на престоле» поначалу грозила казнить несчастного книгоиздателя, но 1 августа 1792 года подписала указ о заточении его на 15 лет. В Шлиссельбурге Новиков оказался в камере нижнего этажа крепости, где некогда содержался малолетний император Иоанн Антонович, убитый охраной во время попытки поручика Мировича освободить «царственного узника». Примечательно, но на добровольное заточение с Новиковым пошли его слуга, имя которого история не сохранила и доктор Михаил Багрянский — его судьба достойна пера романиста.

Смерть матушки-царицы прекратила мучения Новикова и его товарищей. Своим первым же указом Павел I велел освободить Николая Ивановича из заточения и вернуть его сподвижников из ссылки в отдаленные имения. Кстати, и Александр Радищев практически тем же указом был возвращен из Сибири. Но если автор «Путешествия из Петербурга в Москву», которого в 1790 году императрица назвала «бунтовщик хуже Пугачева», добирался до родных пенатов почти год, то Новиков, недолго погостив у друзей-масонов сначала в Тихвине, затем на берегах Невы и в Москве, довольно быстро добрался до Авдотьино. Видный мистик и переводчик с немецкого всех известных нам трудов Якова Беме — Семен Иванович Гамалея, оставшийся в имении и воспитывавший в период шлис-

сельбургского заточения детей Новикова, в одном из писем братьям — масонам спешил сообщить: «... Он прибыл к нам 19 ноября поутру, дряхл, стар, согбен, в разодранном тулупе. Доктор и слуга крепче его... Некоторое отсвечивание лучей оной радости видел я на здешних поселянах, как они обнимали с радостью и слезами Н.И., вспоминая притом, что они в голодный год великую чрез него помощь получали, и то не только здешние жители, но и от дальних чужих селений...»⁶.

Семен Гамалея не случайно вспомнил этот эпизод: 1786—1787 годы оказались для средней полосы России неурожайными. Подмосковные села буквально вымирали и помещики не могли спасти своих крестьян. И только вдохновленные Новиковым московские мартинисты, движимые чувством гуманизма — вот они истоки зарождения русского интеллигента, — собрали значительные средства и начали раздачу зерна и печеного хлеба крестьянам. Своеобразным гуманитарным центром стало Авдотьино, куда стекались толпы голодающего народа не только из окрестных сел и деревень, но и из Бронниц и даже Коломны.

Дом-связь

И эти события также в свое время оставили в душе матушки-царицы «мутный осадочек».

Усадьба оказалась еще и своеобразным полигоном для реализации утопического проекта, следы которого сохранились до наших дней. Николай Иванович потратил немало средств на строительство здесь для своих крестьян каменных «домов-связей». Нам сейчас сложно представить, что двигало помещиком, который критиковал в свое время крепостнические устои и работоторговлю, но отпускать своих собственных рабов на волю не спешил и даже пытался ими торговать, что подтверждают архивные документы, а особенно нерадивых — телесно наказывать. Менталитет русского дворянина в ту пору вмещал одновременно доброту и строгость по отношению к своим крепостным.

Строительство кирпичных изб под железной крышей, как их называл Новиков — «связей» — из разряда добрых дел: уже тогда помещик стремился воплотить идею объединения разобщенных, стремившихся к индивидуализму крестьян. Как показала история — напрасно. Дома эти и сейчас стоят в Авдотьино целой улицей. Каждая длинная каменная «изба» имела отдельные входы и была рассчитана на четыре семьи. На заднем дворе были построены каменные сараи и хлева для скотины. Именно об этих домах сохранилась загадочная записка Екатерины II: «Послать под каким ни есть видом кого посмотреть какие строения заводит у себя в деревне Новиков» — слух о невиданных доселе крестьянских избах дошел даже до Северной Пальмиры. Нынешний вид домов — «связей» привел бы просветителя-гуманиста в уныние. Его идея потерпела полный крах. Приватизированные потомками тех, новиковских крестьян, здания, пережившие револю-

цию и перестройку, представляют собой теперь пестрое зрелище: частично обветшавшие, частично покрытые металлочерепицей и облицованные канадским сайдингом, местами укрытые зеленью яблонь, а чаще — железными заборами...

После возвращения из заточения, Новиков почти безвыездно пребывал в Авдотьино. Жить было тяжело. Болезни, бедность, а одних только долгов разным лицам по состоянию на 31 мая 1801 года за Новиковым числилось на сумму 753537 рублей 43 и $\frac{1}{4}$ копейки, могли бы сломить любого человека. Обещанной помощи в ликвидации задолженностей, возникших из-за ареста и приостановки издательских проектов, от Павла I так и не последовало. Отмолчался на просьбы Новикова и его друзей и Александр I. Но с присущим ему христианским терпением Николай Иванович продолжал жить, бороться с тяготами и даже находить в себе силы помогать ближним. Например, он с удовольствием лечил своих крестьян. В письмах к друзьям просил прислать теперь непонятные нам вещества, из которых составлял «солнечную тинктуру». Становилось ли от такого снадобья лучше хворающим — история умалчивает. Зато доподлинно известно, что своим детям — сыну Ивану и дочерям Варваре и Вере он не смог помочь — во время гусарского налета на имение весной 1792 года дети так испугались, что весь остаток своей недолгой жизни страдали тяжелой эпилепсией.

События поздней осени 1812 года «на берегу Северских вод», а так Новиков частенько называл в письмах друзьям свое местопребывание, наделали столь много шума, что в дело даже вмешался тогдашний генерал-губернатор Москвы Федор Ростопчин. На этот раз Но-

виков «отличился» тем, что за рубль серебром выкупал у крестьян пойманных ими полуголодных французомародеров, отставших от своих отступавших из Москвы частей. Добрый помещик кормил, согревал и одевал несчастных, а затем отправлял их с сопровождающими в ближайший город — в Бронницы. И все было бы хорошо, но написал он об этом своим друзьям. И здесь, внимание, всплывает любопытный факт — перлюстрированное письмо вызвало подозрение у столичных властей: не шпион ли Новиков? Даже на старости лет, оправданный прежним государем, полностью оказавшийся не у дел, просветитель продолжал быть у власть предержащих «на карандаше». Впрочем, бронницкий капитан-исправник Давыдов, надо отдать ему должное, не стал раздувать скандал и доложил все честь по чести: да, помещик, отставной поручик Новиков, «тот самый», действительно выкупал у крестьян отставших французом. Затем их конвоировали в Бронницы, а оттуда — в Москву... Уж не благодаря ли такому доброму помещику после манифеста Александра Iв апреле 1815 года о прощении французом и разрешении всем пленным вернуться на родину, в России пожелало остаться несколько десятков тысяч солдат и офицеров «Великой армии». По данным переписи 1837 года больше всего бывших пленных осело в Первопрестольной и Московской губернии — 3229 человек. Это были теперь уже купцы, приказчики, гувернеры, ремесленники, мастеровые. Многие женились и имели детей. Однако незначительная часть бывших пленных вернулась во Францию после событий 14 декабря 1825 года и начавшихся в связи с этим «проверок благонадежности» и правительственных притеснений иностранцев.

Библиотека,

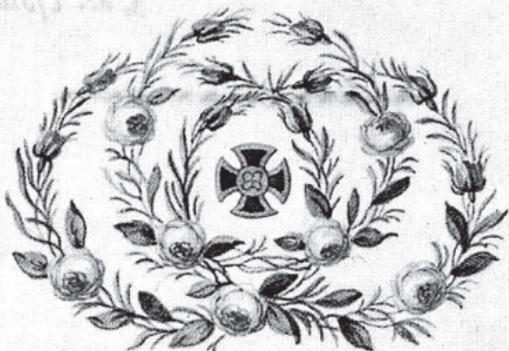
Содержащая въ себѣ нѣкоторыя
Герметическія, каббалистическія,
Магическія и иныя книги;

Такъ же Писанія
Высокохвалѣнныхъ брр. З. Р. К.
Истинныхъ свѣдѣн. Книжкв. дрвн.

Системы.

На Россійск. Яз. составл. и собр. изъ разн. Пере-
вод. для пользы тѣхъ, кои пожелають упражнять-
ся, въ познаніи Бога, Матуры и себя; и для пока-
занія истинн. между многими ложными, одного истин-
наго къ тому путя.

Томъ XX.

Въ С.л. М.х.в.н.с.к.м. 1811: Года.

«Гроза двенадцатого года» миновала, наступил черед увековечить память павших героев. Император Александр I распорядился возвести в Первопрестольной невиданный доселе памятник-храм. В конечном итоге автором первого проекта знаменитого Храма Христа Спасителя, который первоначально планировалось соорудить на Воробьевых горах, стал молодой архитектор Александр Витберг. Разработанный им проект поражал воображение и был совершенно не таким, каким реализовал его позднее и в другом месте зодчий также нерусского происхождения — Константин Тон. Если бы не тотальное казнокрадство и административные неурядицы, то заложенный в 1817 году храм стал бы еще и памятником дружбы начинающего зодчего и угасающего просветителя. Александр Витберг несколько раз приезжал в Авдотьино, привозил чертежи храма и советовался с Новиковым по вопросам мистической идеологии, заложенной им в оформлении здания. Итогом этих поездок стал дошедший до нас карандашный портрет Новикова в глубокой старости работы Витберга и его замечательные воспоминания, впервые опубликованные в 1872 году в журнале «Русская старина».

Эти мемуары рисуют любопытную картину того, как создавалась недавно вновь оказавшаяся на слуху таинственная Герметическая библиотека, которую с начала 1800-х годов Новиков приступил формировать, а точнее собственноручно переписывать и переплетать в отдельные тома. Рукописная пятидесятитомная Герметическая библиотека создавалась в двух комплектах. Стараниями нескольких поколений масонов и розенкрейцеров Библиотека пережила революции и войны, пожары и разграбления. Почти целиком свод этих уникальных книг

с сакральными знаниями сохранился. Один комплект находится в фондах Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге, другой — в Российской государственной библиотеке в Москве. И именно РГБ вышла с инициативой, получившей большой резонанс в кругу ученых и ... масонов: оцифровать уникальный свод мистических и гностических знаний, которые, как сокровенные тайны передавались адептами запрещенных со времен Александра I мартинистских лож. Масонам, конечно, такая затея не по душе — плохо, когда сокровенное знание, передаваемое из уст в уста как исключительно тайное, становится явным. А серьезные исследователи ликуют — для работы становятся доступны первые переводы Парацельса, Беме, египетских и европейских алхимиков и мистиков. Так, спустя века, продолжает жить дело, затеянное Новиковым в полуразрушенной теперь усадьбе «на берегу Северских вод». Впрочем, его дела продолжают жить и в книгах, журналах и газетах, которые мы читаем, совершенно не задумываясь о том, с чего начиналось печатное слово в России.

Примечания:

1. Пушкин А.С. Полн. собр.соч. М.,1949. Т. 11. С.104.
2. Белинский В.Г. Полн. собр. соч. в 12 томах / Под ред. С.А. Венгерова. СПб.,1900. Т. 1.С.343.
3. Ключевский В.О. «Воспоминание о Н.И. Новикове и его времени». Статья была впервые прочитана на заседании Общества любителей российской словесности 13 ноября 1894 г.; впервые издана в журнале «Русская мысль» 1895, № 1, стр. 49—60; переиздана во втором сборнике статей В.О. Ключевского «Очерки и речи». М., 1913. С. 248—282; а также в книге

В.О. Ключевского «Курс русской истории». Т. V. М., 1937. С. 424–455.

См. также:

Ключевский В.О. Новиков и коренные, исторически сложившиеся причины, обусловившие его деятельность /Покровский В.И. Николай Иванович Новиков: его жизнь и сочинения: сб. ист. — лит. ст./В. Покровский, сост.; Гос. Публ. ист. б-ка России. М., 2010. С. 199.

4. Киреевский И.В. Критика и эстетика. М., 1979. С. 56–57.

5. Шмидт С.О. Подвиг первого интеллигента (О Н.И. Новикове) // Шмидт С.О. История Москвы и проблемы москвоведения. В 2-х т. М., 2013. — Кн. 2. С.463–466.

6. Письма С.И.Г. Книжка III, М.: Унив. тип., 1839. С. 55–56.

Глава 2

В начале славных дел

Детство и юность Новикова были во многом типичными для представителей дворянских семейств средней руки. Николай родился в отцовском подмосковном селе Авдотьино-Тихвинское тож. Иван Васильевич Новиков служил в петровском флоте, затем воеводствовал в городе Алатыре. Своим детям он внушал, что Новиковы старинные столбовые дворяне, хоть и небогатые. А фамилию свою должны произносить с ударением на последнем слоге — Новикóвы — от слова «новíк». Именно так в петровские времена называли молодых дворян, вступавших в еще только зарождавшуюся регулярную армию. Весной 1755 года жизнь юного Николая резко изменилась. Едва узнав об учреждении Московского университета и гимназии при нем отец, человек передовых взглядов, поспешил записать, а вслед затем и отправить мальчика на учебу. Так Новиков оказался среди гимназистов первого набора. Одновременно с ним в разных классах гимназии учились Денис и Павел Фонвизины, Яков Булгаков, Сергей Домашнев, будущие

выдающиеся архитекторы: Василий Баженов и Иван Старов, Матвей Афонин, ставший впоследствии писателем и профессором естественной истории, еще не подозревающий о своем будущем фантастическом фаворе Григорий Потемкин. В это время родителям Николая Ивановича в Первопрестольной принадлежал

Герб дворян Новиковых

одноэтажный особнячок в Замоскворечье на Большой Полянке. А университет с гимназией располагались в «Аптекарьском доме», что на Красной площади, возле Воскресенских ворот. Учился юный Николай с увлечением во «французском классе». И так успешно, что в «Прибавлениях» к «Московским ведомостям» он был в числе других упомянут 12 мая 1758 года, как ученик, достойный награды. Но едва улыбнувшись, судьба отвернулась от него. Из-за тяжелой болезни отца он вынужден был, живя подолгу в Авдотьино, пропускать занятия. Правила в гимназии были суровыми и его отчислили «за нехождение в классы», «за отлучку, о которой никого не предупредил». Такая странная формулировка была опубликована в 1760 году все в тех же «Московских ведомостях», которые спустя два десятилетия ему предстояло издавать. В списке отчисленных он оказался не один. «Компанию» ему, например, составил Григорий Потемкин, которому этот эпизод не помешал со временем стать князем и богатейшим вельможей России. Любопытен факт: впоследствии бывший гимназист Г.А. Потемкин на протяжении многих лет отчислял

*Присяга Измайловского полка
Екатерине II.
С рисунка Кестнера,
сделанного по заказу
Екатерины*

доходы «с Ачуевской дачи, с ее рыбными ловлями, соляными озерами на умножение университетских капиталов».

По обычаю того времени отец записал с раннего детства Николая в Измайловский полк. Это был третий по старшинству и времени учреждения гвардейский полк после

знаменитых петровских Семеновского и Преображенского. Его сформировали в 1730 году по указу императрицы Анны Иоанновны. А название дали в честь подмосковного села Измайлова, летней резиденции многих царей династии Романовых.

Два года после возвращения из Первопрестольной в Авдотьино пролетели незаметно. Взошедший на престол в декабре 1761 года император Петр III, сын одной из дочерей Петра I и герцога Голштинского, приказал всем дворянам, приписанным к лейб-гвардейским полкам и находящимся до поры в отпусках, явиться на службу. В январе следующего года Новиков в сопровождении авдотьинских «дядек» отправился в незнакомый Петербург.

Не прошло и года, как Новиков стал свидетелем дворцового переворота и вместе с другими измайловцами присягнул новой государыне. Ночью на 30 июня (11 июля нового стиля) 1762 года Екатерина — супруга императора Петра III во главе внушительного войска отправилась в Петергоф с твердым намерением арестовать своего незадачливого мужа. Автор «Истории Екатерины Второй»

профессор дерптского университета А. Брикнер, используя документальные свидетельства очевидцев, так описывает этот поход: «Была ясная летняя ночь. Екатерина, верхом, в мужском платье, в мундире Преображенского полка, в шляпе, украшенной дубовыми ветвями, из-под которой распущены были длинные красивые волосы, выступила с войсками из Петербурга; подле императрицы ехала княгиня Дашкова, также верхом и в мундире: зрелище странное, привлекательное, пленительное. Эта сцена напоминала забавы Екатерины во время юности, ее страсть к верховой езде, и в то же время здесь происходило чрезвычайно важное политическое действие: появление Екатерины в мужском костюме среди такой обстановки было решающим судьбу России торжеством над жалким противником, личность которого не имела значения, сан которого, однако, оставался опасным до совершенного устранения его. Настала пора необходимости той диктатуры, которую Екатерина предвидела с давних пор: она достигла цели, к которой стремилась в продолжение многих лет».¹

Когда страсти успокоились, когда были прочитаны манифесты и новые указы, царица, что и следовало ожидать, не замедлила расточить свои милости. Больше всего были обласканы самые приближенные, участники тайного дворцового заговора. Григорий Орлов стал камергером, Алексея Орлова произвели в майоры Преображенского полка, обоих наградили орденами Александра Невского. Волконскому, Разумовскому и Панину была назначена пожизненная ежегодная пенсия в 5 тысяч рублей. Никита Панин к тому же получил графский титул. Княгиня Дашкова, которую в будущем ждали гонения и опалы, получила 20 тысяч серебром. Потемкину, еще только делавшему первые шаги по ступеням власти, дали вдвое меньше, но

Екатерина II

зато даровали 400 душ крестьян. Гвардейцев повесили в чинах. Унтер-офицером стал Николай Новиков.

Это факты достаточно известные. Но отечественные архивы и библиотеки еще хранят множество неизученной информации, касающейся личной биографии Н.И. Новикова. Например, в подшивке газеты «Московские

ведомости» за август — сентябрь 1764 года нашлось такое объявление: «Статского советника Ивана Васильевича Новикова вдова Анна Ивановна с детьми своими, продает недвижимое свое имение в Коломенском уезде, в Большом Микулине стану, село Лобково и сельцо Алфимово; в оном селе церковь с колокольнею каменною, двор помещицей, крестьян мужеска пола 5 душ; четвертные пашни 124 четверти в поле, с сенными покосы и со всеми угодья; да московский свой дом, состоящий за Москвою рекою, близ Серпуховских ворот, в приходе Екатерины мученицы. В оном доме хоромы новыя о 9 покоях, другия старыя о 5; изба людская, кухня, погреб, конюшня о 16 стойлах, анбар, на дворе колодезь. Длина оному двору и с огородом 95, а ширина 20 сажен; о цене спросить в том же доме»².

Пока безутешная вдова и матушка Николая Ивановича пыталась избавиться от обременительной недвижимо-сти, служба в полку шла своим чередом. Организаторские таланты молодого унтер-офицера заметили отцы-командиры и вскоре он был назначен на должность фурьера — заготовщика продуктов и фуража. Однако эти хлопоты не помешали ему заняться необычной для лейб-гвардейца деятельностью. В декабре 1766 года Новиков занял в Санкт-Петербургской конторе Государственного банка для дворянства 100 рублей сроком на один год, заложив принадлежавшую ему после смерти отца часть Авдотьиных. Вскоре в этом же банке он занял еще 500 рублей. А в феврале 1766 года 120 рублей серебром он получил по векселю у книготорговца Христиана Вебера. Эти средства пошли на первые три издания, выпущенные в свет стараниями Николая Ивановича. Ими стали книги «Дух Пифагоров, или нравоучения его, состоящие в стихах», «Две повести:

Аристоневы приключения и рождение людей «Промифеевых» и «Реестр книг, продаваемых в Большой Морской улице, у живущего там книгопродавца». Так началась его просветительская деятельность и практическая пропаганда книги и книжного дела в России. Но впереди его ждала еще и другая работа, открывшая в конечном итоге в Новикове, талант сатирического писателя, умело и едко высмеивающего пороки современного ему общества.

В начале своего царствования Екатерина II, отдавшая дань эпохе просвещенного абсолютизма, сделала внутриполитический шаг с оглядкой на Европу, о котором вскоре пожалела. Считая себя ученицей французских просветителей-энциклопедистов — Вольтера, Дидро, Монтескье и активно с ними переписываясь, она решила их утопические идеи воплотить в своей державе. Императрица понимала, что процветание государства зависит от совершенства законов, которые должны разработать их потенциальные исполнители — представители всех сословий, кроме, разумеется, крепостных. Так родилась идея создать Уложенную комиссию.

Это была воистину неслыханная затея. Кто бы мог подумать — окрепшая как политик молодая императрица решила пересмотреть Уложение — свод законов, составленный еще в 1649 году при царе Алексее Михайловиче и по которому на тот момент уже более ста лет жила Россия. Сформированная указом государыни Комиссия о сочинении Нового Уложения начала свою работу 30 июня 1767 года с торжественного богослужения в Успенском соборе Московского Кремля в присутствии самой императрицы, важных сановников и более чем 460 депутатов от разных сословий. Затем пестрая толпа депутатов, в которой соседствовали вельможи и генералы, провин-

циальные дворяне, купцы и свободные крестьяне, представители народов Поволжья, Сибири и Крайнего Севера в необычных национальных костюмах, проследовала в Кремлевский дворец для подписания присяги. В ней было клятвенное обещание «начать и окончить важное законотворческое дело, касающееся всех стон жизни общества в правилах богоугодных, человеколюбие вселяющих и добронравие к сохранению блаженства и спокойствия рода человеческого».

После торжественных речей депутатам были розданы регламентирующие работу Комиссии документы и знаменитый «Наказ» Екатерины II — солидная компиляция из трудов западноевропейских просветителей, приспособленный к особым условиям российского самодержавия. Он состоял из 22 глав и 655 статей, обосновывающих принципы «просвещенной монархии» как безальтернативного образа правления в России.

Комиссия депутатов впервые в отечественной истории являла собой представительный орган, объединивший самые широкие общественные слои: мещан и дворян, государственных крестьян и казачество, «некочующие народы» и ряд мелких групп населения империи. Интересы военных и духовенства представляли депутаты Синода, Военной и Адмиралтейств-Коллегий. Так же впервые депутаты получили возможность открыто высказываться по насущным вопросам тогдашней жизни. Результатом стали острые споры о правах купечества и дворянства и их взаимоотношениях, о судопроизводстве и положении крестьянства. Для непосредственной разработки предлагаемых в ходе дискуссий законопроектов по отдельно выделенным проблемам были сформированы частные комиссии. Начиная с восьмого заседания Комиссия приступила к работе

с депутатскими наказами. Екатерина задумала сохранить все этапы работы Комиссии для истории, а потому предусмотрела изрядный штат секретарей. В их числе, наряду с Гавриилом Державиным и другими прославившимися впоследствии россиянами, оказался командированный в Первопрестольную из Петербурга Николай Новиков. Он очутился сразу же в самой гуще событий став «держателем дневной записки» Комиссии «о среднем роде людей», да к тому же еще секретарем Большого собрания. Положение Новикова оказалось таково, что он смог общаться с императрицей лично зачитывая ей на аудиенциях фрагменты заседаний Большого собрания депутатов.

Нужно отдать должное Екатерине. Она пристально следила за работой Комиссии, давала указание по ходу ее работы. Иногда даже наблюдала за работой Большого собрания из специальной тайной комнаты, устроенной в верхней части Грановитой палаты Московского Кремля.

Комиссия проработала в Москве до середины декабря 1767 года, а затем перебралась в Петербург. В ходе дискуссий перед самой Екатериной, депутатами, секретарями, вельможами вскрылись глубочайшие язвы общества, ликвидировать которые было не так просто. К тому же интересы депутатов были настолько противоположны, что в разногласии суждений единых мнений по различным вопросам совершенствования российского законодательства выработать оказалось совершенно невозможно. Но Екатерину это не тревожило. Она добилась главного. В своих «Записках» императрица отмечала: «Комиссия Уложения... подала мне свет и сведения о всей империи, с кем дело имеем и о ком пещися должно». Она получила реальную картину настроений различных слоев общества и в дальнейшем при проведении своих реформ их старалась предусмотрительно учитывать.

В декабре 1768 года из-за начала русско-турецкой войны Большое собрание Комиссии было распущено. Однако частные комиссии проработали до октября 1771 года. Их члены подготовили законопроекты, которые впоследствии легли в основу важнейших законов екатерининской эпохи.

Работа в Комиссии принесла пользу и Новикову.³ Он многое узнал о состоянии общества изнутри, воочию ощутил противоречивость существующего в нем положения вещей. Но интересы его теперь устремились на другое поле деятельности — общественной. И он в начале 1769 года в чине поручика Измайловского полка решил выйти в отставку.

Распустив Комиссию, Екатерина задумала всерьез заняться нравственным преобразованием общества, просвещением умов и смягчением сердец своих подданных. Она решила устроить это посредством еще одного новшества — выпуска необычного для того времени нравоучительного еженедельного журнала. И дала ему незатейливое название: «Всякая всячина», став к тому же его негласным редактором. Поначалу журнал вызвал интерес у просвещенной публики, но изложенная на его страницах официальная программа сатиры ограничивала открытую, резкую критику бытовавших тогда общественных пороков, запрещала «целить на особ» и «знатных бояр», называть конкретных виновников бытовавшего зла. В скором времени у «Всякой всячины», выходявшей фантастическим для той поры тиражом в 1500 экземпляров, появились подражатели. В обществе явно назрела необходимость высказаться, понять «кто виноват» и что с виновным делать. Но на фоне появившихся журналов «Адская почта», «Ни то ни се», «И то и се», «Полезное с приятным», «Смесь»,

«Поденщина» самой яркой звездой засиял новиковский журнал «Трутень».

После увольнения из Комиссии по составлению Нового Уложения, Новиков начал работать переводчиком в Коллегии иностранных дел, хотя никаких документальных сведений о владении им других языков, кроме русского, нам отыскать не удалось. Служба чиновником не мешала ему заняться глав-

ным — выпуском остросатирического журнала. Первый номер еженедельного «Трутня» вышел в свет 26 апреля 1769 года тиражом в 626 экземпляров. Но к концу года в результате острой полемики с екатерининской «Всякой всячиной» тираж возрос до 1240 экземпляров. Эпиграф, взятый Новиковым из притчи Александра Сумарокова «Они работают, а вы их труд ядите», как нельзя лучше соответствовал названию журнала. Открывало номер насмешливое предисловие автора, обращенное к самому себе: «Причина сему изданию лень... От лени никакой еще и службы по сие время не избрал: ибо всякая служба несходна с моею склонностью. Военная кажется мне очень беспокойною и угнетающею человечество... Приказная хлопотлива, надобно помнить наизусть все законы и указы, а без того попадешь в беду за неправоe решение... Придворная всех покойнее, и была бы легче всех, ежели бы надлежало знать наизусть науку притворства гораздо

ТРУТЕНЬ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ

ИЗДАНИЕ,

на

1770 годѣ,

*Опасно настапленье строга,
Гдѣ звѣрства и безумства много.*

Принт. Г. Сумар.

Печашано
ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

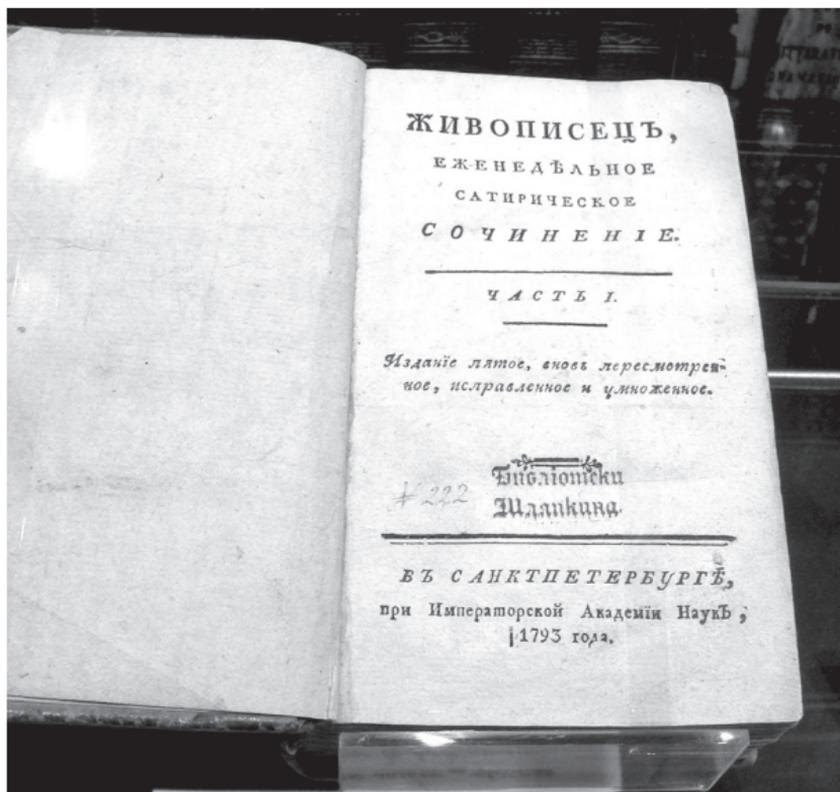
в вышней степени, нежели сколько должно знать ее актеру... К чему же потребен я в обществе?» На том этапе своей общественной деятельности он стал «потребен» как писатель-публицист. Спустя годы Николай Добролюбов

писал: «Новиков, как известно, был первый и, может быть, единственный из русских журналистов, умевших взяться за сатиру смелую и благородную, поражающую порок сильный и господствующий...»⁴.

«Трутень» имел вполне ожидаемый успех. И это не случайно. На его страницах смело изобличалось тунеядство господствующего класса дворян за счет тянущего непосильную лямку крестьянства, большей частью крепостного. Автор использовал еще невиданные до той поры литературные приемы. Например, публиковал такие объявления: «Молодого российского поросенка, который ездил по чужим землям для просвещения своего разума и который, объездив с пользою, возвратился уже совершенною свиньей: желающие смотреть, могут его видеть безденежно по многим улицам сего города». На страницах новиковского «Трутня» и екатерининской «Всякой всячины» разразился полемический бой, за которым с интересом наблюдали благодарные читатели. Но схватка оказалась неравной. Во второй части «Трутня», продолжавшего выходить в 1770 году, издатель сменил эпиграф, позаимствовав очередную цитату из притчи Сумарокова: «Опасно наставленье строго, где зверства и безумства много». Это был явный намек на екатерининские приемы в журналистике, стремящейся беззубо «журить» своих неразумных подданных. Вскоре государыня осознала тщетность своих потуг и благоразумно решила приостановить выпуск «Всякой всячины». А 27 апреля вышел последний номер «Трутня». Полемическая тема была исчерпана. 26 мая того же года Новиков предпринял попытку издавать новый журнал — «Пустомеля». На его страницах он планировал критиковать безрассудное увлечение всем французским и рассказывать об успехах русского театра. Однако в свет вышло

всего два номера журнала.читающая публика ждала более «зубастого» издания. Им стал журнал «Живописец». Он начал выходить с 1772 года, стал необычайно популярным и даже выдержал несколько переизданий в середине XIX и начале XX веков! Свой новый журнал Новиков посвятил якобы неизвестному автору комедии «О, время!», поставленной незадолго до этого на придворной сцене. Однако все знали, что этим инкогнито была сама императрица. В новом еженедельнике сатирик намеревался продолжить ранее взятый курс. Об этом он написал во вступительной статье: «Автор к самому себе. Ты делаешься Автором, ты принимаешь название живописца, пером изображающего наисокровеннейшие в сердцах человеческих поступки...». Большая часть статей в журнале принадлежит перу самого Нови-

Экземпляр журнала
Живописецъ в экспозиции музея в Остафьево

кова. Но наряду с ним здесь активно публиковались Денис Фонвизин, Василий Рубан, Александр Радищев, Екатерина Дашкова. Именно в «Живописце» были опубликованы сатирические шедевры XVIII века, принадлежащие определенно талантливым писателям, авторство которых пытаются определить литературоведы уже на протяжении двух столетий. Это «Письма к Фалалею» предположительно Д. Фонвизина и «Отрывок путешествия в *** И*** Т***» возможно А. Радищева или самого Н. Новикова. (Быть может *** И***Т*** — это имение Тихвинское? — Предположение А. Нефедова). Их лейтмотив — резкая критика дворянского произвола и безна-

дежная картина престонародной жизни. В июне 1773 года издание «Живописца» было приостановлено. Но от идеи издания журналов Новиков не отказался. В дальнейшем он выпускал «Кошелек», «Утренний свет», «Вечернюю зарю», «Покоящийся трудолюбец»...

30 марта 1772 года в «Санкт-петербургских новостях» появилось незатейливое объявление о том, что в продажу поступил «Опыт исторического словаря о российских писателях», собранного «из разных печатных и рукописных книг, сообщенных известий и словесных преданий» Николаем Новиковым. Занимаясь сочинением полемических и сатирических журнальных статей, Новиков трудился одновременно над составлением первого отечественного литературно-энциклопедического издания. Изящно оформленный томик включал в себя невиданную доселе работу, которая одна могла

уже навечно вписать имя Новикова в историю отечественной литературы и филологии. Под одной обложкой он представил сведения о 317 писателях, как современниках автора-составителя, так и предтеч российской словесности. Он сумел воскресить имена первых просветителей Руси — летописцев Макария и Нестора; Кирилла Белозерского, Симеона Полоцкого, Феофана Прокоповича, Дми-

О П Ы Т Ъ
ИСТОРИЧЕСКАГО
С Л О В А Р Я
о р о с с і й с к и х ъ
П И С А Т Е Л Я Х ъ.

Изъ разныхъ печатныхъ и рукопис-
ныхъ книгъ, сообщенныхъ извѣстій,
и словесныхъ преданій

Собралъ
Николай Новиковъ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ 1772 ГОДА.

трия и Антиоха Кантемиров, Артамона Матвеева, Андрея Лызлова, Леонтия Магницкого... Рядом с ними, в алфавитном, естественно, порядке помещались имена и сведения о сочинениях его современников: поэта Василия Майкова, изобретателя Ивана Кулибина, Григория Козицкого (личного секретаря Екатерины II, с пониманием относившегося к трудам Новикова), Дениса Фонвизина, первого русского ученого-естествоиспытателя с мировым именем Михайла Ломоносова, ученого и путешественника Ивана Лепехина, поэта и переводчика, сотрудника многих начинаний Новикова Василия Петрова, поэта Ипполита Богдановича, основателя русского театра Федора Волкова, Екатерины Дашковой и историка Василия Татищева, первейшего поэта той эпохи Александра Сумарокова, писателя и поэта Михаила Хераскова, историка и издателя Михаила Чулкова... И список этот можно еще долго продолжать. Побуждением к составлению «Опыта» было желание «сохранить память писателей и оказать услугу своему Отечеству». Цель была настолько благородна, что специальным распоряжением Екатерина II открыла перед составителем беспрепятственный доступ в библиотеку Эрмитажа и ряд государственных «древлехранилищ».

Выход книги имел большой резонанс и среди читателей, и в сообществе литераторов. «Опыт» стал в некотором роде сборником, подытоживающим развитие русской словесности эпохи Просвещения. Несколько десятилетий он оставался самым авторитетным биографическим справочником по истории отечественной словесности. И случайно, что гостивший в России по приглашению Екатерины II в 1773–1774 годах французский энциклопедист Дени Дидро в числе немногих книг, вывез на родину именно новиковский «Опыт».

В 1773 году свет увидела первая часть сборника «Древняя российская вивлиофика, или Собрание разных древних сочинений, яко то: Российские посольства в другие государства, редкие грамоты, описания свадебных обрядов и других исторических и географических достопамятностей и многие сочинения древних российских стихотворцев; и многие другие весьма редкие и любопытства достойные исторические достопамятности, в 10 частях состоящей, издаваемой помесечно г. Николаем Новиковым». Об этом издании рассказ пойдет в отдельной главе, отметим лишь, что в предисловии к своему новому изданию составитель пространно писал: «Не все у нас еще, слава Богу, заражены Франциею, но есть много и таких, которые с великим любопытством читать будут описания некоторых обрядов, в сожитии предков наших употребляющихся; с не меньшим увидят некое начертание нравов и обычаев и с восхищением познают великость духа их, украшенного простотою. Полезно знать нравы, обычаи и обряды древних чужеземных народов; но гораздо полезнее иметь сведения о своих прародителях; похвально любить и отдавать справедливость достоинствам иностранным; но стыдно презирать своих соотечественников, а еще паче и гнушаться оными... К тебе обращаюсь я, любитель российских древностей; для твоего удовольствия и познания предпринял я сей труд; ты можешь собрать с сего полезные плоды и употребить их в свою пользу».

Петербургский период становления Новикова — издателя ознаменовался созданием им первого в России частного издательского предприятия — «Общества, старающегося о напечатании книг» (1773 г.). Его девизом стала короткая, но емкая фраза — «Согласием и трудами». За время своего недолгого существования «Общество»

Герцен из своего эмигрантского далека так писал о первом русском журналисте: «Новиков, был одной из тех великих личностей в истории, которые творят чудеса на сцене, по необходимости погруженной во тьму, — одним из тех проводников тайных идей, чей подвиг становится известным лишь в минуту торжества этих идей. По профессии Новиков был типографом; во многих городах он основал книжные лавки и школы... Он заказывал переводы и печатал их за свой счет. Именно таким образом и появились в его время переводы «Духа законов», «Эмиля» и различных статей из «Энциклопедии», — произведения, которые современная цензура, конечно, не дозволила бы напечатать. Во всех этих предприятиях Новиков пользовался большой поддержкой франкмасонов, будучи великим мастером масонской ложи. Каким огромным делом оказалась эта смелая мысль — объединить во имя нравственного интереса в братскую семью все, что есть умственно зрелого, от крупного сановника империи, как князь Лопухин, до бедного школьного учителя и уездного лекаря!»⁵. Пытаясь обрести новых сторонников и единомышленников, бескорыстных меценатов, определить для себя новые нравственные ориентиры, Новиков обратил свои взоры к масонству.

Как невозможно теперь представить путь развития отечественной журналистики и книгоиздания без имени и дел Николая Новикова, так нельзя не упомянуть его и в связи с работой масонских лож, получивших широкое распространение в России во второй половине XVIII века. Об этой стороне кипучей деятельности издателя, виднейшего российского розенкрейцера, многие из нас также знают лишь понаслышке.

В силу жизненных обстоятельств с самого начала своей журналисткой и издательской деятельности Новиков был

знаком с некоторыми масонами, общался и сотрудничал с ними. По некоторым свидетельствам, масоны появились в России в 1730-е годы (хотя исследователи утверждают, что во время своего заграничного путешествия в конце XVII века сам Петр Алексеевич был принят в одну из западноевропейских лож) после поступления на русскую службу шотландского генерала Кейта. Учение распространялось по державе довольно медленно. По допросным листам Тайной канцелярии известно, что в 1750-е годы в России действовало лишь две ложи — «Молчаливости» в Санкт-Петербурге и «Северная звезда» в Риге.

Формой объединения масонов послужило копирование устройства цехов средневековых каменщиков, имевших независимое управление и даже собственный суд. От названия вольных каменщиков, по-английски freemasons и получило название мистическое движение франкмасонов. Переняли они и атрибуты своих предтеч: молоток, циркуль, отвес, мастерок, передник-запон, которым придали особое эзотерическое толкование. Мастерок напоминал о стене, которую нужно воздвигнуть ради ограничения сердца от нашествия пороков, белый передник — о чистосердечности и добропорядочности братства, циркуль — о необходимости соизмерить свои желания и возможности... По своей структуре английские, шотландские и западноевропейские ложи считались полусекретными организациями, хотя их членами нередко были представители правящих домов, военачальники, ученые, дворянская знать.

В 1770-е годы в России началось повальное увлечение масонством. Английская, шведская, тамплиерская, розенкрейцеровская, шотландская системы имели своих сторонников-адептов, которые нередко враждовали между собой, плели коварные интриги. Таинственные, но пыш-

ные церемонии, замысловатые обряды, занятие алхимией в тщетных попытках отыскать философский камень и добыть из ртути золото, ученые диспуты, возможность при посредстве высокопоставленных братьев-масонов продвигаться по государственной служебной лестнице — все это привлекало много людей как совершенно случайных, авантюристов, так и тех, кто пытался познать истину в себе, обрести новые духовные маяки. К последним относился и Новиков⁶.

Летом 1775 года Николай Иванович, поддавшись уговорам друзей, вступил в Санкт-Петербурге в ложу «Урания» английской или так называемой, по имени ее создателя И.П. Елагина, «елагинской» системы наблюдения. При этом он поставил условие, что он сразу не принимая никакой присяги станет мастером ложи, минуя степени или градусы ученика и товарища мастера. И еще — при первом же сомнении сможет покинуть ложу без каких-либо последствий для себя: «ежели я найду что противное совести, то чтобы меня не считать в числе масонов». Затем он примкнул к ложе «Астрея».

Однако работа в ложах английской системы мастера Коловиона (а именно так Новиков величался в масонско-розенкрейцеровских кругах) не удовлетворяла. Актуальная задача поиска «истинного» масонства привела Новикова и его единомышленников сначала в ложу так называемого рейхелевского Слабого наблюдения, а затем к розенкрейцеровству.

В основе учения о Древнем мистическом Ордене Розы и Креста лежали тайные знания древних мистерий. Розенкрейцерами были титаны мысли и искусства эпохи европейского Возрождения: Босх, Бэкон, Да Винчи, Декарт, Дюрер, Лейбниц, Ньютон, Паскаль, Пуссен, Спиноза. Организация розенкрейцеров возникла в России, в част-

ности, в Москве, в 1782 году в результате контактов с немецкими адептами учения о злато-розовом кресте. «Под именем истинного масонства разумели мы то, которое ведет посредством самопознания и просвещения к нравственному исправлению кратчайшим путем по стезям христианского нравоучения», — вспоминал впоследствии Николай Иванович.

В конце 1770-х — начале 1780-х годов Новиков особенно активно занимался масонскими исканиями, став постепенно признаннейшим деятелем российского масонства, в котором достиг вершин управления. Именно он создал уникальную «сиентическую» (то есть ориентированную на научный подход) ложу «Гармония». Истинный интерес к тайным наукам, мистике совмещался у Новикова с широкомасштабной издательской и филантропической деятельностью. Вокруг себя он сумел объединить не заумных мистиков, но людей практической деятельности, которые, после собраний в ложах спешили организовывать училища, аптеки, приюты, школы, семинарии.

Вступив на путь поиска истины в розенкрейцёрстве, Новиков уже не сойдет с него ни в Москве, ни в годы своего авдотьинского отшельничества, где создаст совместно с верным другом — Семеном Гамалеей уникальную рукописную пятидесятитомную Герметическую библиотеку. Примечательно, что его почитатели и последователи на сходе XX века, уже в постперестроечные времена, в августе 1991 года, одну из возрожденных в России и вполне официальных, юридически зарегистрированных масонских лож, назовут ложей «Новиков».

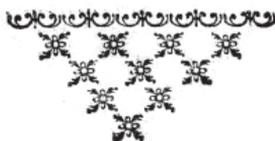
Осенью 1777 года Николай Иванович предпринял издание нового ежемесячного журнала «Утренний Свет», «содержащий в себе как оригинальные сочинения, так

УТРЕННІЙ СВѢТЪ,

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИЗДАНИЕ.

ЧАСТЬ II.

мѣсяцъ Январь.

печашано

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

въ Типографіи ИМПЕРАТОРСКАГО Сухо-
иушнаго Шляхетнаго Кадепскаго Кор-
пуса,

1778 года.

и переводы с разных языков»⁷. В предисловии к первому номеру утверждалось: «Издатели сего журнала, приступая к сему предприятию, толико были обременены страхом и надеждою, что и теперь не находят себя в состоянии вдруг открыть своего намерения. Собрание наше состоит только из десяти; а сложив вместе время нашей жизни, составитя не более тридцати лет. Таковая младость едва достигает и до Утреннего Света в нашей жизни». Представляющая это «предупреждение» словесная загадка была понятна лишь посвященному кругу читателей. Три года жизни было обычной масонской формулой ответа посвящаемого в таинства ложи на вопрос о его возрасте. Учредителями журнала стали петербургские масоны, среди которых были известные в ту пору литераторы Иван Тургенев, Михаил Херасков, Алексей Кутузов, Василий Майков. Посредством журнала они намеревались претворять в жизнь масонскую идеологию и мораль. Одновременно с этим в «предупреждении» сообщалось, что «все выручаемые деньги от продажи сего журнала определили к содержанию училищ для бедных детей». И действительно, очень скоро двери для малолетних сирот и детей малоимущих родителей распахнули Екатерининское и Александровское училища. Они названы были так в честь императрицы и ее внука, будущего императора Александра I, официально запретившего деятельность масонских лож в 1822 году. Екатерина встретила новую инициативу издателя более чем холодно. Что нельзя сказать о простых читателях. В первый же год по подписке было распространено 875 экземпляров «Утреннего Света». Доходы на 2 тысячи рублей превысили затраты на издание! Некоторые подписчики перечислили в фонд журнала суммы, значительно превышающие годовую цену подписки.

Меценат и библиофил П. Хлебников пожертвовал ровно сто пудов бумаги, «потребной для печатания «Утреннего Света». Журнал охотно выписывали и в обеих столицах, и в российской глубинке. Известный исследователь книги Иван Мартынов писал в 80-е годы прошлого века: «Примечательна география распространения «Утреннего света». Косная и глухая русская провинция словно на мгновение пробудилась от векового сна. В 58 городах и местечках России, куда порой и газеты приходили с полугодовым опозданием, у Новикова нашлись добровольные помощники и восторженные почитатели. Бескорыстная преданность идеалам просвещения и гуманизма связала его на многие годы деловыми узами с провинциальными комиссионерами, среди которых были люди разного социального положения и интеллектуального уровня: тверской вице-губернатор Н.А. Муравьев, коломенский и тамбовский воеводы П.Ф. Жуков и Н.А. Охлебнин, чиновники С.Н. Венищев (Калуга) и А.М. Кожевников (Псков), купцы Т.А. Маслеников (Вязьма) и И.Е. Бородин (Епифань), войсковой товарищ П.Ф. Паскевич из Полтавы и капитан И.В. Тибекин из Астрахани. Каждый месяц почтовые тройки развозили свежие номера новиковского журнала за тысячи верст от Петербурга. 43 подписчика в Тамбове, 42 — в Казани, 32 — в Нижнем Новгороде, 28 — в Астрахани, 20 — в Полтаве, подписчики в далеком Кунгуре, в забытом богом Царево-Кокшайске, во владимирском селе Починок... Такой широкой читательской аудитории не имел еще ни один русский журнал!

Издавна вся интеллектуальная жизнь русской провинции концентрировалась вокруг немногочисленных «культурных гнезд». Такими притягательными центрами были подмосковное поместье потомственных библиофилов Яньковых,

орловская усадьба супругов Плещеевых, дома Дмитриевых в Сызрани и Муравьевых в Твери, С.И. Тевяшева в Острогжске и С.М. Полянского в Казани. В богатейших библиотеках гостеприимных хозяев местные «цицероны» и «вергилии» черпали книжную премудрость, здесь выносились приговоры новым книгам и формировалось общественное мнение. Поэтому признание ими нравственных и литературных достоинств «Утреннего света» окончательно закрепило у современников авторитет журнала и его издателя»⁸.

Казалось бы дела Новикова и его друзей шли как нельзя лучше. Но неумная душа издателя не знала покоя. Судьба предоставила ему очередной шанс проявить себя. И он не преминул им воспользоваться, еще не представляя, какие камни преткновения ждут его на широком издательском пути.

Примечания:

1. Брикнер А. История Екатерины Второй. Спб., 1885. Том I. С. 113–127.

2. Московские ведомости. 1764 г. № 70. С. 6–7; № 72. С. 8; № 74. С. 6–7.

3. Занятия Новикова издательскими делами в бытность его фурьером измайловского полка. Протоколы, веденные им в комиссии о сочинении проекта новаго уложения. / Пекарский П.П. Дополнения к истории масонства в России XVIII столетия. СПб, 1869. С. 11–21.

4. Добролюбов Н.А. Собр. соч. в 9 т. М.; Л., 1962. Т. 5. С. 362.

5. Герцен А.И. Собр. соч. в 30 томах. Т. 7. О развитии революционных идей в России. Произведения 1851–1852 годов. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1956. С. 123–124.

6. Белявский В.С., Богданов А.В. Поиски «особого» масонства и дело Н.И. Новикова / Происхождение Ордена вольных каменщиков. Масонство в XVII—XVIII веках. Взгляд посвященных. М., 2015. С.301—359.

7. Подробнее: «Утренний свет» Николая Новикова.— М.: Центр книги Рудомино, 2012.

8. Мартынов И.Ф. Книгоиздатель Николай Новиков. М.,1981.С. 45.

Глава 3

Хранитель древностей

Сатирические журналы, которые на протяжении пяти лет издавал в Санкт-Петербурге Николай Новиков, принесли ему вполне заслуженную популярность. Но «Живописец», «Трутень» или «Кошелек» не могли выходить в свет вечно. Это были издания, сиюминутно отражающие, говоря современным языком, тренды в сфере развития тогдашней общественной мысли. Новиков, обладая удивительным издательским чутьем, понимал, что на критике увлечения молодым российским дворянством французской модой, далеко «не уедешь». Постепенно огонек полемического запала угасал и на страницах других столичных журналов, да и екатерининская «Всякая всячина» начинала явно увядать. Победы русского оружия в войне с Турцией, значительное расширение границ империи, а ведь именно тогда впервые и стал «Крым наш», наметили всеобщий патриотический подъем и обратили взор публики к истокам нашей государственности. В обществе начал формироваться интерес к отечественной истории. Но какой же был он еще слабый,

*Издательский знак
Н И Новикова*

робкий. Историей интересовались, но изучать ее по книжным публикациям россияне еще не умели, не были к этому готовы. И Новиков, сам на протяжении всей своей жизни интересующийся историей, решил попробовать свои силы в новом деле.

Сегодня можно взять на себя смелость утверждать, что Николай Новиков стоял у истоков формирования ряда вспомогательных исторических дисциплин, названия которых известны лишь определенному кругу специалистов. А именно археографии, палеографии, генеалогии, дипломатики, эпиграфики, сфрагистики и нумизматики. В изданных им фундаментальных исторических трудах были заложены и принципы формирования такого направления как историческая иконография. Издательская деятельность по развитию данного сегмента научной литературы вписывалась в общую жизненную парадигму просветителя, посвятившего себя общественному служению¹.

В 1773 году Н.И. Новиков предпринял выпуск много-томного сборника «Древняя российская вивлиофика, или собрание разных древних сочинений, яко то: Российские посольства в другие государства, редкие грамоты, описания свадебных обрядов и других исторических и географических достопамятностей и многие сочинения древних российских стихотворцев» (далее — «ДРВ»). Это десяти-томное издание стало по существу импульсом для зарождения таких вспомогательных научных исторических

дисциплин как кирилловская славяно-русская палеография, археография, а также геральдика, генеалогия, нумизматика и даже историческая иконография. Важность издания исторических документов понимала и императрица Екатерина II, которая не только официально разрешила Новикову пользоваться государственными архивами, но на начальном этапе даже щедро финансировала проект из средств «Кабинета ее императорского величества»². Например, 3 ноября 1773 года государыня пожаловала Новикову 1000 рублей, а 1 января 1774 года — двести голландских червонцев³.

В «ДРВ» опубликованы исторические источники начиная с эпохи Киевской Руси, духовные и договорные грамоты великих и удельных князей от времен Ивана Калиты и до Василия III, грамоты и договоры Великого Новгорода XIII—XVI веков, ярлыки золотоордынских ханов, царские указы и грамоты, многие другие документы внутриполитического характера.

Не менее значимый корпус документов, опубликованных в «ДРВ» относится к внешней политике России за несколько веков. Это памятники дипломатических сношений России с иностранными государствами: договоры, описания русских посольств и приемов иностранных посольств, царские грамоты и речи. Они ярко

демонстрируют широкие политические, экономические и культурные связи России со странами Западной Европы.

На протяжении многих лет Новикова привлекало изучение древнерусского быта, нравов, обычаев и обрядов наших предков. Ценность описания некоторых, например дворцовых, церемоний «Новиков видел в том, что эти обряды (вернее их «превеликие остатки») сохранились в послепетровскую эпоху в народе, среди небогатых дворян, купцов и особенно крестьян. Таким образом, он рассматривал их в качестве памятников народного быта...»⁴.

Применительно к истории и краеведению Московского региона особый интерес представляют публикации в «ДРВ» царских грамот XVI—XVII веков, ряда других архивных документов эпохи позднего средневековья, расширяющих наши знания о прошлом таких земель русского государства, которыми ныне являются Каширский, Коломенский, Озерский, Ступинский районы Подмосковья.

Характерный пример: в XVII части второго издания «ДРВ» за 1791 год привлекает внимание колоритное описание тревожных событиях 1552 года в хроникальной рукописи XVI века «Правление царя Ивана Васильевича». Особенно интересны факты, касающиеся третьего, как оказалось впоследствии последнего, Казанского похода Ивана Грозного, взявшего со своим войском штурмом Казань — столицу Казанского ханства и значительно расширившего таким образом территорию нашего государства. Приведем небольшой отрывок: «16 июня. Выезд царев в Коломну на лошади. В дороге пришла весть, что надобно ожидать воинского нападения от крымских татар, что они перешли уже и Донец Северский.

9 июня. Прибытие в Коломну. Прежнюю весть подтвердили; каждый день она возобновлялась; армия разде-

лена вдоль по Оке: Большой полк в Колычеве, Передовой в Ратиславе, Левая рука в Голутвине.

Шигалей⁵ призван в Коломну; (ибо царь охотно принимал его советы); но как он по толстоте своего тела не мог сидеть на лошади, то царь велел ему опять возвратиться в Касимов; Шигалей был острый человек, однако не отважен.

Царь осматривал состояние армии, и нашел, что все в добром порядке и все готово к сражению. Он писал к митрополиту Макарию, чтоб в церквах чинить о том богомолье.

... Вскоре после того из Тулы уведомляет кн. Григорий Иванович Темкин, что крымский хан Девлет-Гирей сам пришел с великою армиею, что он имеет у себя и артиллерию и турецких янычаров, что палит в город бомбами (огненными ядрами), что в городе мало народу, и пр.

В такой опасности царь, не медля, пошел в Коширу, где хотел было переправиться через Оку, чтоб с остальною армиею подать помощь городу. Но не приехав еще в Коширу, получил он известие, что хан уже отступил от города. Прибытие еще первых полков привело хана в такой страх, что он тотчас обратился в бег, оставив на месте и артиллерию и все припасы; ибо узнали, что сам царь со всею армиею в походе. Воеводы погнались за неприятелем, и получили великую добычу, освободили и многих ими полоненных.

... После толь благополучного окончания угрожающей опасности, царь возвратился в Коломну, где учинил торжество... Неприятельская артиллерия, полученная в добычу, отвезена в Москву.

1 июля. После уведомили, что ... хан на побеге столь спешил, что в один день перебежал от 60 до 70 верст. После того велено идти в поход на Казань...

3 июля. Царь выехал из Коломны». ⁶

ДРЕВНЯЯ
РОССІЙСКАЯ
ВИВЛІОΘИКА,

Содержащая въ себѣ
СОБРАНІЕ ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ, ДО
ИСТОРИИ, ГЕОГРАФИИ и ГЕНЕАЛОГИИ
РОССІЙСКІЯ КАСАЮЩИХСЯ,

И з д а н н а я

Николаемъ Новиковымъ,
Членомъ Вольнаго Россійскаго Собра-
нія при ИМПЕРАТОРСКОМЪ
Московскомъ Университетѣ.

Изданіе Второе,

Вновь исправленное, умноженное и въ порядокъ Хроно-
логической по возможности приведенное.

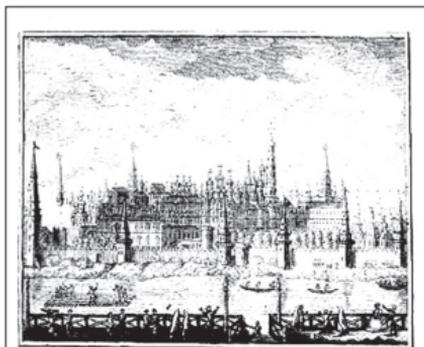
Ч А С Т Ъ ІХ.

М О С К В Л,
ВЪ Типографіи Компаніи Типографической,
1 7 8 9.

Размах археографической деятельности Н.И. Новикова, осуществившего два издания «ДРВ», сначала в Санкт-Петербурге, в 1773—1775 годах, в 10-ти частях, а затем, в 20-ти частях, в Москве в 1788—1791 годах, — огромен. Он издал большое количество прежде неизвестных рукописных документов и ввел в науку большой пласт новых материалов. В этом он видел не только «ученый труд», необходимый для будущих исследователей «российских древностей», но и свой патриотический долг. Кроме того, в ходе подготовки «ДРВ» и других сборников исторических документов, под влиянием Новикова в тогдашней научной среде сформировались приемы издания, оформления и комментирования памятников письменности. Из молодого окружения издателя вышли выдающиеся археографы конца XVIII — начала XIX веков, хранители и знатоки древнерусской литературы Н.Н. Бантыш-Каменский и А.Ф. Малиновский, причастные к первому изданию «Слова о полку Игореве», и автор «Истории государства Российского» Н.М. Карамзин, оказавший большое влияние на формирование исторических взглядов А.С. Пушкина.⁷

Но архивные документы рисуют и печальную картину того, как не благодаря, а вопреки складывающимся обстоятельствам, Новиков выпускал «ДРВ». В ту пору в издательской среде сложилась традиция распространять книги и, особенно, многотомные, периодические издания, не говоря уже о журналах, преимущественно по заранее организованной подписке. Такой подход гарантировал максимально полную продажу отпечатанного тиража. В первый год выхода «ДРВ» (1773), Новиков сумел собрать 198 подписчиков, которые получали 246 экземпляров издания. На следующий год подписчиков стало 133 и они получали 167 экземпляров исторического сборника. Наконец, в 1775 году, популярность

«ДРВ» упала до 57 подписчиков и 77 экземпляров. И это при том, что кабинет императрицы подписывал по 10 экземпляров издания. Такой печальный результат привел в уныние молодого издателя. Он писал кабинет-секретарю императрицы Григорию Козицкому 26 марта 1775 года: «... отъезд двора произвел в моих делах такое замешательство, что я не знаю, как могу окончить «Вивлиофику» на нынешний год. ... Что делать, когда усердие в оказании услуге моему отечеству согражданами моими так худо приемлется!». Но успешный царедворец ничем не помог Новикову. Козицкий и сам был в глубокой депрессии, он попросился в отставку и спустя полгода, едва преодолев пятидесятилетний рубеж жизни, совершил самоубийство. А Новиков вместо обещанных подписчикам в 1775 году шести полновесных томов «ДРВ», выпустил всего четыре книги. Но от новых проектов не отказался.

ДРЕВНЯЯ РОССИЙСКАЯ
ИДРОГРАФІЯ.

Въ началѣ книги сея написанъ
царствующій градъ Москва на
рѣкѣ на Москвѣ, на лѣвомъ бе-
регу; а рѣка Москва вытекла по Вл-
земской дорогѣ, за Можайскимъ вершиѣ
сѣ тридцать, или не много больше.

а

А

Сопредельные научные дисциплины — историческая география и картография, а также топонимика обязаны своим зарождением, в том числе и в связи с публикацией Новиковым в 1773 году уникального научного памятника: «Древняя российская идрография, Содержащая описание Московскаго государства рек, протоков, озер, кладязей, и какие по ним города и урочища и на каком оныя разстоянии». Это было первое печатное

издание рукописной «Книги Большому Чертежу», составленной в Разрядном приказе в 1627 году Афанасием Ивановичем Мезенцовым по списку, находившемуся в собрании коллекционера П.К. Хлебникова, с которым Новиков активно сотрудничал при издании многих документов в «ДРВ». В книге, посвященной теме гидрографии — «водоописанию» (тогда это слово писалось как «идрография»), мы находим интересные характеристики таких рек Среднерусской возвышенности как Москва, Клязьма, Волга. Не менее любопытна и глава, внесенная в рукопись уже во время правления царя Алексея Михайловича: «Монастырь Живоноснаго Христова Воскресения новый Иерусалим».

На счету Н.И. Новикова и попытка издания первого отечественного путеводителя — сборника «Сокровище российских древностей» (1775 г.). Сохранился лишь сигнальный экземпляр этого издания, который был обнаружен в коллекции, принадлежавшей одному из управляющих архивом Министерства юстиции — Н.Н. Бантыш-Каменскому.⁸ В сборник вошло первое подробное «Описание Архангельского московского собора и всех достопамятностей в оном находящихся», «Описание Благовещенского московского собора...» и «Описание Успенского московского собора...». Сведения о постройке и деятельности соборов взяты были автором-составителем (Н.И. Новиковым) из Новгородской, Софийской, Псковской и Воскресенской летописей, из духовных грамот и грамот Коллегии экономии, а также списаны со столпов и стен соборов, с гробниц, утвари и икон.⁹

В 1777 году выходом в свет периодического издания «Санктпетербургские ученые ведомости» Новиков заложил основы исторической библиографии. Из задуманных

СОКРОВИЩЕ
РОССІЙСКИХЪ
ДРЕВНОСТЕЙ.

I.

ОПИСАНІЕ АРХАНГЕЛЬСКАГО МО-
КОВСКАГО СОБОРА И ВСѢХЪ ДОСТО-
ПАМЯТНОСТЕЙ ВЪ ОНОМЪ НАХОДЯ-
ЩИХСЯ.

*построеніи Архангель-
скаго Собора.*

^{***}
18^{xx}лѣта 6841, (1333), Великій Князь
Иоаннъ Даниловичъ (*) заложилъ
Церковь каменную, на площади въ ну-
при города Москвы, святаго Архи-
спрагига Михаила; и шогоже лѣта со-
Часть I. А вершена,

(*) Прозваніемъ Калиста,

52 номеров свет увидело лишь 22. В них рецензировались литературные и книжные новинки, помещались самостоятельные произведения. Например, в 15 номере была помещена «Надпись» к портрету князя Антиоха Кантемира — первое печатное произведение популярного впоследствии поэта и мемуариста, сановника Ивана Дмитриева. В журнале мы находим также пространные публикации

о выходе таких изданий как «Повествователь древностей российских, или Собрание разных достопамятных записок, служащих к пользе истории и географии российския, издаваемое г. Николаем Новиковым», «ДРВ» и «Скифская история», составленная в 1692 году стольником Андреем Лызловым и впервые изданная только в 1776 году. Кстати, опубликованная Новиковым «Скифская история» (издавалась дважды: в 1776 и 1787 гг.) и до сего дня не утратила своего значения в контексте исследования русско-крымских и русско-турецких отношений. А само издание этой рукописи Новиковым подготовило почву для научного понимания истории.¹⁰

С точки зрения краеведческих исследований вызывает интерес библиографическое описание в «Санктпетербургских ученых ведомостях» содержания первой части «ДРВ» 1773 года, где было опубликовано «Ведение о строении первого российского корабля, именуемаго Орел». Новиков комментирует: «Статья сия взята из Императорской библиотеки при Академии наук. Сие ведение, или известие, переведено во дни Петра Великого, со французского языка, из I тома Путешествия Иоанна Стрюса в Москву и Персию, печатанного в Лионе в 1684 годе. Упомянутое известие, противно заглавию своему, содержит в себе описание плаванья сего корабля, от села Дединова до Казани, в 1669 годе; также содержит в себе известие о экипаже того корабля, и по скольку определено было месячного жалованья штаб-офицерам и матросам. Тут включено еще краткое описание тех городов, сел и деревень, мимо которых они плыли, и в которых останавливались. Что же касается до строения сего первого корабля российского, то о нем упоминается только, что оный построен был по указу царя Алексия Михайловича голландским корабель-

САНКТПЕТЕРБУРГСКІЯ
УЧЕНЫЯ
ВѢДОМОСТИ,

на 1777 годъ.

№ I.

Печатаны иждивеніемъ Книгопродавца К. В.
Миллера,
въ Типографіи Вейтбрехта и Шнора.

ным мастером в селе Дединове для произведения торговли с Персиею по Каспийскому морю». ¹¹

В 1779 году Н.И. Новиков арендовал типографию Московского университета и с этого момента начался последний, московский, период его издательской деятельности.

Среди названий нескольких сотен книг, изданных в модернизированной Новиковым типографии, мы находим и такие, как «Исторические и топографические известия по древности о России...» А.А. Засецкого (издавалась дважды: в 1780 и 1782 гг.); «Краткое начертание географии...» Л.А. Бауманна; «Краткое руководство в географии»

(1781); «Слава России, или Собрание медалей, означающих дела Петра Великого и другие некоторые» Ф.И. Дмитриева-Мамонова; «О высочайших пришествиях великого государя, царя и великого князя Петра Алексеевича, всея Великия и Малая и Белая России самодержца из царствующего града Москвы...» (1783); «Лексикон географический Российского государства. В 6 частях» (1786); «Новый и полный географический словарь Российского государства, или Лексикон...» Л.М. Максимовича (1788). И список этот еще долго можно продолжать. ¹²

Такие сборники документов, писем и грамот как «Повествователь древностей российских, или Собрание разных достопамятных записок, служащих к пользе истории

и географии российской»; «История о невинном заточении ближнего боярина А.С. Матвеева»; «Древняя российская вивлиофика»; многотомные «Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников...» И.И. Голикова, труд Г.Ф. Миллера «О народах, издревле в России обитавших»; «Краткая повесть о бывших в России самозванцах» М.М. Щербатова заложили в последней четверти XVIII века основу отечественной исторической науки. У ее истоков стоял Николай Новиков. Он стал и одним из тех, кто обозначил важность сохранения духовных, культурных и исторических традиций, которыми так богата Россия и населяющие ее народы.

Примечания:

1. Макогоненко Г.П. Николай Новиков и русское просвещение XVIII в. М.; Л., 1951. С. 225.
2. Мартынов И.Ф. Книгоиздатель Николай Новиков. М., 1981. С. 36,160.
3. Обзор первой Всероссийской выставки печатного дела. 23 марта 1895. С.6.
4. Дербов Л.А. Общественно-политические и исторические взгляды Н.И. Новикова. Саратов, 1974. С. 307.
5. Шах — Али хан (царь Шигалей) (1505—1566). Казанский хан, в 1552—1566 — правитель Касимова (город в Рязанской области). Участвовал в походах Ивана Грозного против Казанского ханства, командовал царскими войсками в период ряда других военных компаний.
6. Древняя российская вивлиофика. Издание второе. Часть XVII. М. В Тип. компании типографической, 1791. С. 158—161.

7. Моисеева Г.Н. Археографическая деятельность Н.И. Новикова // XVIII век. Сб. 11. Н.И. Новиков и общественно-литературное движение его времени. Л., 1976. С. 35–36.

8. Долгова С.Р. Исторический журнал Н.И. Новикова «Сокровище российских древностей». М., 1986. С. 24.

9. Там же. С. 35.

10. Чистякова Е.В. Андрей Иванович Лызлов и его книга «Скифская история» // Лызлов А. Скифская история, М., 1990. С. 360–390.

11. Цит. по: Санктпетербургские ученые ведомости на 1777 год. Н.И. Новикова. Изд. второе А.Н. Неустроева. СПб., 1873. С. 29–30.

12. Мельникова Н.Н. Издания, напечатанные в типографии Московского университета. XVIII век. М., 1966. С. 177–284.

Глава 4

Московское десятилетие

В конце июня 1778 года куратором Московского университета назначили друга Новикова — поэта и масона Михаила Хераскова. Примерно в то же время, проездом из Авдотьино в Петербург, Николай Иванович захватил в Первопрестольную. Здесь он не только осмотрел зашудалую типографию при Московском университете. Князь Н. Трубецкой и М. Херасков уговорили его вступить в недавно образованную новую ложу. Впоследствии Новиков, отвечая на вопросные листы, показывал: «почти насильно уговорили меня принять шведский седьмой градус; я с тем согласился, что ежели мне что покажется сомнительное или подозрительное, то я ни в какие обязательства и связи с ними не войду и останусь с бароном Рейхелем и Ив. Перфильев. [Елагиным] «тогда же от Хераскова Новиков «слышал многократно неудовольствие его на (университетскую) типографию». Долго ли, коротко ли, но уговорил старший товарищ и по возрасту и по масонскому градусу своего друга воспользоваться удачным случаем

и взять типографию под свое крыло. Новиков все же целый год раздумывал о новом предприятии, оценивал возможные выгоды, и, наконец, решился.

... В Российском государственном архиве древних актов хранится уникальный документ — контракт на аренду университетской типографии. Он довольно просторен,

но полностью привести его на страницах этой книги стоит, ведь в нем отражен дух той эпохи, в которую Новиков развивал свою бурную деятельность. Итак.

«Лета тысяща седьсот семдесят девятого июня, в 5-й день. По-указу ея императорскаго величества в Канцелярии императорскаго Московскаго университета, заключен сей контракт с отставным армейским порутчиком Николаем Ивановым сыном Новиковым в силу полученнаго от господ кураторов, действительнаго тайнаго советника, ея императорскаго величества обер-камергера и разных орденов кавалера Ивана Ивановича Шувалова и действительнаго статскаго советника Михаила Матвеевича Хераскова, сего тысяща седьсот седьмдесят девятого года мая седмаго числа ордера об отдаче типографии со всеми принадлежностями в десятилетнее означенному порутчику Новикову содержание на основании приложенных при оном ордере условных пунктов:

1). Состоящая под ведомством императорскаго Московскаго университета типографии, словолитная, книжная лавка и со всеми к ним принадлежностями отдана мне,

Издательский знак
Н.И. Новикова

Новикову, в содержание на 10 лет, щитая сего тысяща седьмсот седьмдесят девятаго года маяя с перваго числа, которую и обязуюсь в сие время привести и наилучшее состояние как в разсуждении производства работ, так и чистоты печатания. И вот все те 10 лет содержать оную типографию своим иждивением, делать вновь потребныя вещи, переливать ветхия литеры, словом, производить все работы, не требуя ничего от университета на ее содержание.

2). Все находящияся ныне в наличности в типографии, словолитной и пунсонной станы, литеры, инструменты и разныя вещи, к употреблению годныя и негодныя, также и заготовленныя материалы, как то: бумагу, антимонию, сажу, масло, свинец и прочее, описав, при мне или кому от меня поверено будет, что надлежит, щетом и весом, имеющему ныне над типографиею смотрение инспектору коллежскому секретарю Перельвкинину, при члене Канцелярии университета, по которой описи все вышеписанное принять с надлежащею роспискою в полное мое содержание и управление с тем, чтоб все то, что принято будет, по прошествии десятилетняго срока возвратить университету в таком же исправном состоянии, как мною и принято.

3). Что ж касается до расположения типографии, словолитной, книжной лавки и магазейны, оным состоять, в тех же самых, покоях, где ныне находятся, а именно: типографии в нижнем этаже каменнаго университетскаго у Воскресенских ворот дома в 6-ти покоях, да магазейну подле оных, в стороне от площади и над нею, где хранятся отпечатанныя книжныя листы, а для варения гарта и к смыванию форм щелоку очагам — под переходами и что за караульнею, книжной же лавке с лица упоминаемаго дома подле Воскресенских ворот и при ней двум палаткам. Да в той же линии по другую сторону ворот 3 покоя, в коих

жили университетския книгопродавцы и их прикащики, також и при оных кухня, которыя покои принять мне в ведомство свое по описи. А для топления в них печей дрова употреблять собственные свои. Починки же, касающияся до дома, и чищение труб во все сие время исправлять от университета.

4). От нынешняго книгопродавца Ридигера по силе заключеннаго с ним в университете в прошлом тысяща семьсот семьдесят седьмом году контракта и даннаго ему от канцелярии минушаго мая восьмаго числа ордера, чрез полгода, то есть в будущем ноябре месяце нынешняго тысяща семьсот семьдесят девятаго года, принять мне и университетскую книжную лавку со всеми находящимися в ней казенными книгами по описи, за подписанием членов канцелярии с роспискою, с тем, чтоб мне означенныя книги чрез своих прикащиков продавать здесь в Москве по нынешним печатным каталогам и по учиненным сбавкам, естли впредь от господ кураторов по разсуждению, какия положатся, а не свыше, с верною по числам для щету впредь запискою в книги, которыя за шнуром и печатью принимать из Канцелярии университета погодно, не требуя ничего за продажу оных. А выручаемыя от того деньги вносить мне в ту университетскую канцелярию по третям года при письменных известиях, в приеме которых получать мне надлежащия квитанции того ж самаго дни. А по тому и покои, данныя книгопродавцову прикащику, иметь мне в своем ведомстве, о коих выше сего в 4-м пункте сказано. А ежели по истечении десятилетняго времени окажется в книжной лавке утрата, за то платить мне по назначенной в каталогах цене.

5). Из находящихся и типографии, словолитной, пунсонной, книжной лавке и у перевода ведомостей разнаго

звания людей, как то: корректоров, смотрителей, наборщиков, тередорщиков, батыйщиков, пунсонщиков, словолитцов, сторожей и прочих, какия в тех местах состоят, о коих имею я получить имянной список, оставляются на мой выбор нужныя и способныя. Ежели же сыщутся не способныя и не нужныя, о таковых, как при первом случае, так и впредь, представлять мне университету к рассмотрению. А на места их выписывать вновь иностранных искусных мастеров или принимать из российских по контрактам предоставляется на мою волю. Во все же сие время содержать мне работных людей порядочно, в исправности и не в отягощении, производя всем им, оставленным ныне, получаемое жалованье, или по добровольному согласию с мастеровыми переменить оное для лучшаго поощрения в заработныя деньги.

Логотип газеты Московский ведомости

6). Печатание «Московских ведомостей», продажу оных и сбор за припечатание в них партикулярных известий содержать мне самому вместе с типографиею во все 10 лет с тем, чтоб присылаемые из Правительствующаго Сената и из наместничеств о разных делах известии и о явленных купчих ведомости, и прочия артикулы, которые от университета печатаются безденежно, во все срочное время, не требуя ничего, припечатывать по силе указов по-прежнему безденежно, естли впредь отмены не воспоследует. А получаемыя из присудственных мест по вступающим в Канцелярию университета требованиям за припечатание в газетах деньги, записывая их по-прежнему без проронки, оставлять в Канцелярии и оным по прошествии каждаго года делать в той же Канцелярии верное исчисление. Сколько же сего дохода соберется, то число заменять в откупную сумму. А присылаемыя требования к припечатанию отсылать ко мне в типографию тех же самых чисел, когда оныя вступят непременно. А приносимыя от партикулярных людей о разных материях к припечатанию в газетах известии принимать мне прямо в типографии самому или кому от меня поверено будет, наблюдая при том накрепко, чтоб отнюдь во оных законам и публике противнаго не было. Равномерно стараться, чтобы оныя ведомости были печатаны лучше и чище и были бы более интересны для публики, для чего выбор шрифта литер и формата оставляется на мое произволение.

7). Недокончанныя печатанием в университетской типографии казенныя и на партикулярный щет книги, по скольку каждой из оных по заключении сего контракта отпечатанных листов найдется, оныя, описав особо, до окончания всего отпечатания принять их мне под свое смотрение. И сколько в бытность мою каждой книги листов в дополнение еще отпечатается, в том, равно и в собран-

ных до вступления моего на сей год в типографию за газеты деньгах, на основании сего контракта учинить со мною верный рошет, дабы по получении за отпечатание партикулярных книг платы, что следует в казну, доставлено было сполна. А из собранной за газеты суммы по день заключения сего контракта счислять подлежащее число в казну, прочее же оставляется в пользу мою.

8). Установление таксы за печатание партикулярных книг оставляется на мое произволение. Что же касается до таких книг, кои отданы будут университетом для классов, за таковыя брать мне по напечатанной в университетской типографии в тысяща седьсот седьдесят втором году таксе или табели. Но есть ли я из таковых для классов печатаемых книг пожелаю несколько экземпляров напечатать на свой щет для продажи, в таком случае делать мне условие с самими авторами и переводчиками за труды их.

9). Речи, слова и оды торжественныя, кои говорятся в публичных университета собраниях, печатать мне своим иждивением и давать университету для роздачи по 200 экземпляров без переплета, а для продажи дозволяется печатать по скольку я пожелаю. Сюда ж включаются и прежде говоренныя речи и слова.

10). Каталоги для классов, табели, реэстры книг, программы и рапорты, потребныя университету, по приложенным формам печатать мне безденежно.

11). Из напечатанных моим иждивением классических книг, естли будет потребно университету для классов, то мне давать не по продажной цене, но по типографской, считая по упомянутой таксе или табели то же, что и при 7-м артикуле.

12). Во все десятилетняго срока время всякой в типографии напечатанной книги давать мне в университет по

10-ти экземпляров без переплета да газетов по 15-ти экземпляров же.

13). Если потребно будет какой-нибудь из заведенных или вновь заводимых типографии всяких шрифтов литеры и матрицы, российские или иностранные, то дозволяется мне обязаться сделать оныя своим иждивением по условию о цене, представля только господам кураторам, для какой типографии и сколько тех литер требуется. Равномерно дозволяется ж мне оныя делать и для переплетчиков, кои требовать оных будут, представля о том кому-нибудь из господ главных университета начальников, наблюдая при том предосторожность, предписанную особым узаконением, из которого и дать к исполнению записку.

14). Если за нужно усмотрено будет мною умножить печатных станков, то дозволяется сие учинить, представля во-первых господам кураторам.

15). Во все десятилетнее время, считая маиа с первого числа тысяща семьсот семьдесят девятого года, за дозволение содержать типографию на всем вышеизъясненном платить мне в университет ежегодно по 4000 по 500 рублей в 2 срока: первую половину в начале, а вторую в конце года.

16). Во все упоминаемое десятилетнее время состоять мне и всем при типографии и прочих местах людям под протекциею и защищением университета, пользуясь всеми правами, равномерно и быть под надзиранием главных университета начальников. Также дозволяется мне принимать к себе в сотоварищество или в прикащики кого я пожелаю.

17). Книг, кои будут печататься первым тиснением и нигде прежде в России напечатаны не были, без подписки, ценсоров мне, не печатать, и ту цензуру припеча-

тывать у каждой книги. Ежели ж во время содержания моего окажутся в университетской типографии напечатанными какия недозволительныя книги и без подписки ценсорской, за то ответственность мне по законам. Книги же вторым и другим тиснениями вольно мне печатать и без ценсуры ж.

18). В случае приключившагося нещастия от пажару, ежели недосмотрением моим оной произойдет, все то, что в типографии сгорит, привести мне в прежнее состояние. А ежели пожар сделается вне покоев, отданных по сему контракту, и типография сгорит, в таком случае университету исправить своим иждивением и привести в прежнее состояние.

19). Во все вышеписанныя 10 лет, что будут в типографии мною присовокуплено, как то: печатныя станы, литеры и другия вещи — оное по прошествии срока отдаю я в дар университету.

20). Во все оне время без дозволения господ кураторов мне не отлучаться, а в случае востребовавшихся нужд и, испрося позволение, должен я препоручить типографию, книжную лавку и прочее кому от меня поверено будет.

21). Сей контракт во всем постановлении, без малейшаго изъятия, на все десятилетнее время содержать и по оному поступать мне свято и ненарушимо. Равным образом и от стороны университета содержан да будет в точной ево силе непременно, разве что по общему с обоих сторон согласию вновь поставлено и утверждено будет.

В верном же от моей стороны хранении сего в контракте обязательства до срока порукою по мне господин генерал-порутчик, двора ея императорскаго величества гофмейстер, сенатор и кавалер Иван Перфильевич Елагин. А естли в течение 10-ти лет я волею божию умру, то его

поручительство по смерти моей уничтожается, равно как и по его смерти наследники его поруками по мне быть не обязаны. И в таком случае, если со стороны университета потребовано будет, обязан я или представить других поручителей, или вместо поручительства иметь собственных своих книг в университетском доме в наличности не менее как на 15 000 рублей, служащих залогом.

Сей же контракт писан на простой бумаге и без взятых пошлин по содержанию подтвержденного о университете в тысяща семьсот пятьдесят пятом году генваря двенадцатого дня проекта второго пункта.

По листам и под текстом подпись: К сему контракту от армии поруччик Николай Иванов сын Новиков руку приложил.

Под текстом: Ручаюсь. Гофмейстер, сенатор и кавалер Иван Елагин».

В ту пору издательское дело в Москве было развито еще очень слабо. В городе действовало всего две светские типографии: университетская, помещавшаяся на втором этаже Воскресенских ворот Китай-города (ныне восстановленных, где теперь размещаются экспозиции Государственного исторического музея), и сенатская.

Доставшаяся Новикову типография оказалась в удручающем состоянии, которое лучше всего характеризует одно из сохранившихся писем издателя. «В смотре за типографскими делами главнейшее и беспокойнейшее есть то, что безпрестанно иметь смотрение за рабочими людьми, чтобы они приходили на работу, чтобы исправно работали и чтобы не было кражи и напрасного медления и остановки в деле; также и разбирать безпрестанно их ссоры и проч., ибо вам..., частию известно, что большая часть рабочих людей, по прежнему за ними несмотрению, изба-

лованы и пьяницы, то и смотрение за ними должно иметь строгое...».

Более года Новиков потратил на модернизацию типографии. Он приобрел новые печатные станы, усовершенствовал словолитную палату, завел множество прямых и курсивных российских, латинских, немецких, греческих, французских и английских литер. Одновременно с этим заключил выгодные договора с книготорговцами Петербурга, Полтавы, Тамбова, Пскова и ряда других городов. В 1780 году при университетском книжном магазине, помещавшемся вблизи Газетного переуллка, Новиковым была основана первая в Москве библиотека-читальня. В первый же неполный год своей издательской деятельности в Москве, за 8 месяцев 1779 года, Новиков издал 54 названия книг, в то время как за весь петербургский период — с 1766 по 1779 он выпустил в свет всего 53 названия. Московские книгочеи с удовольствием приобретали сборник «Городской и деревенский садовник», «Тактику» Вольтера, «Эмиля и Софью» Ж-Ж. Руссо, комедию Лессинга «Солдатское счастье», драму с музыкой Василия Майкова «Пигмалион, или Сила любви», трагедию Федора Ключарева «Владимир Великий»¹...

Содержание книг, вышедших в 1780 году числом в 71 название, значительно отличалось от изданий предыдущего года. Притворяя в жизнь свои просветительские идеи, Новиков начал выпуск целой серии практических пособий, учебников, научных руководств. Например, «Экономический календарь или наставление городским и деревенским жителям о разных частях экономии», «Наставник земледельческий», «Нынешний способ лечения, сочинение для пользы общенародной», «Теоретическая и практическая тригонометрия», «Теоретическая

и практическая геометрия, в пользу и употребление не токмо юношества, но и всех, кои упражняются в землемерии, фортификации и артиллерии», «Исторические и топографические известия по древности о России» А.А. Засецкого, «Золотые часы государей, по образу жития Марка Аврелия». Но наряду с этим он выпустил в свет целую серию переводных бульварных комедий С.Ф. Жанлиса в изящных томиках карманного формата, витиеватые оды необычайно популярного в ту пору Е.И. Кострова.

Любопытен также факт, что именно Новиков стоял у истоков отечественной педагогической науки. В 1783 году в сочинении «О воспитании и наставлении детей» он впервые в России употребил слово «педагогика», которая по его рассуждению означает «особую и важную науку»

Д Ъ Т С К О Е
Ч Т Е Н И Е
Д Л Я
С Е Р Д Ц А и Р А З У М А.

—
Ч А С Т Ъ I.
—

М О С К В А.
Въ Университетской Типографіи,
у Н. Новикова,
1785.

З О Л О Т Ы Е Ч А С Ы
Г О С У Д А Р Е Й,

По образу житія Марка Аврелия Севера, славнѣйшаго Императора и премудрѣйшаго Философа, отъ Антонія Гвевара составленныя.
Съ Латинскаго языка перевелъ
АНДРЕЙ ЛЬВОВЪ.

—
Ч А С Т Ъ V.
—

ВЪ М О С К В Ъ
Въ Университетской Типографіи
у Н. Новикова, 1780 года.

о «воспитании тела, разума и сердца». Цель этой науки — «образовать детей счастливыми людьми и полезными гражданами». В издаваемых затем журналах, он высказал много интереснейших мыслей по вопросам эстетического воспитания, о домашних учителях, о том, как организовать учение, чтобы дети были активны, самостоятельны, проявляли интерес к науке, умственному труду. «Итак, процветание государства, благополучие народа зависит неотменно от доброты нравов, а доброта нравов неотменно от воспитания», — писал Новиков на страницах «Прибавления к Московским ведомостям».

Одновременно Новиков уделял заметное внимание и изданию философской и мистической литературы. В 1779—1780 годах он продолжил начатый в Северной Пальмире выпуск журнала «Утренний Свет». В 1781 году начало выходить «Московское ежемесячное издание», с 1782 года — журнал «Вечерняя Заря», с 1784 года — «Покоящийся Трудолюбец». Увидели свет несколько многотомных сборников, их можно считать периодическими изданиями: в 1784 году «Магазин Свободно-Каменщический в 7 томах, а каждый том в 3-х частях состоящий», в 1785 году «Новая Киропедия, или Путешествия Кировы», в 1785—1787 годах «Размышления о делах божиих, издание периодическое».

Вместе с арендой университетской типографии Новикову перешло и право издания газеты «Московские ведомости». Бытовавшая до этого чисто официальная манера подачи материала, казенная окраска газеты быстро исчезла. Был заметно обновлен состав сотрудников. В газете продолжались печататься обязательные военные и придворные новости, но новый редактор стал активно приобщать читателей к всевозможным научным сведениям, публиковать занимательные произведения, переводы из западной

**МОСКОВСКОЕ
ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИЗДАНИЕ.**

ВЪ пользу заведенныхъ въ Санктпетербургъ Екатерининскаго и Александровскаго
Училищъ,
ЗАКЛЮЧАЮЩЕЕ
ВЪ СЕБѢ

Соврание разныхъ лучшихъ статей, касающихся до Нравоученія, Политической и ученой Исторіи, до Философическихъ и словесныхъ наукъ и другихъ полезныхъ знаний,

СЛУЖАЩЕЕ
ПРОДОЛЖЕНІЕМЪ
УТРЕННЯГО СВѢТА.

ЧАСТЬ III.

ВЪ МОСКВѢ,
ВЪ Университетской Типографіи,
у Н. Новикова 1781 года.

ГОРОДСКАЯ и ДЕРЕВЕНСКАЯ
БИБЛИОТЕКА,

и л и

Забавы и удовольствіе разума и сердца
въ праздное время,

СОДЕРЖАЩІЯ ВЪ СЕБѢ:

*Какъ Исторіи и Поиѣсти нравоучитель-
ныя и заважныя, такъ и Приключенія
песелья, печальныя, смѣшныя и
удивительныя.*

Ч А С Т Ъ І V .

Изданіемъ Н. Новикова и Компаніи.

ВЪ МОСКВѢ

Въ Университетской Типографіи у Н. Новикова,
1782 года.

ИСТОРИЯ
О
**СТРАНСТВІЯХЪ
ВООБЩЕ**

по всѣмъ краямъ земнаго круга,

сочиненія

ГОСПОДИНА ПРЕВО,

сокращенная

новѣйшимъ расположеніемъ

Чрезъ Господинна Ла-Гарпѣ,

Ч Л Е Н А

Французской Академіи,

содержащая въ себѣ:

Достойнѣйшее примѣчанія, самое полезнѣйшее
и наилучшимъ доказанное образомъ въ стра-
нахъ свѣта, до конхъ достигали Европейцы;
о нравахъ оныхъ жителей, о вѣрахъ, обыча-
яхъ, наукахъ, художествахъ, торговлѣ
и рудокопаяхъ, съ приобщеніемъ

Землеописательныхъ чертешей и из-
ображеній вещей любопытныхъ.

Часть III.

На Россійской языкѣ переведена 1782 годѣ

Дмитровскаго уѣзда въ селѣ Мухомовѣ.

ВЪ МОСКВѢ.

Въ Университетской Типографіи, у Н. Новикова
1783 года.

прессы. Более того, он начал заранее заказывать переводные и оригинальные статьи для газеты, которая стала совершенно неузнаваемой. Уже в 1780 году ее тираж с прежних 600 экземпляров подскочил до четырех тысяч! В том же году к газете начали постепенно выходить приложения: «Экономический магазин», редактируемый А. Болотовым, «Прибавления к Московским ведомостям», «Модное ежемесячное издание, или Библиотека для дамского туалета», «Городская и деревенская библиотека», «Магазин натуральной истории, химии и физики...», с 1785 по 1789 год вышло двадцать частей журнала «Детское чтение для сердца и разума», главными сотрудниками которого были молодые А. Петров и Н. Карамзин.

До наших дней сохранились документы и свидетельства, показывающие заботу Новикова по отно-

шению к авторам и переводчикам книг. Он платил неслыханные для того времени гонорары. Заказывал или приобретал право на издание по несколько переводов одного и того же сочинения. Отбирал для публикации лучшее, а остальные сжигал. В качестве авторов и переводчиков он привлекал талантливую молодежь, студентов, специалистов по разным отраслям знаний, преподавателей Московского университета, духовных академии и семинарии.

Нельзя не отметить и такого интересного факта, что именно Н.И. Новиков и С.И. Гамалея стали первыми наставниками молодого Николая Карамзина, делающего в ту пору лишь первые, еще робкие шаги в литературе.

После переезда в 1785 году отставного гвардейца Карамзина из родного Симбирска в первопрестольную, а предпринял он этот воистину судьбоносный шаг по совету Ивана Петровича Тургенева — писателя и масона высших степеней посвящения, будущий автор «Истории Государства Российского» поселился

в принадлежавшем Дружескому ученому обществу масонском общежитии — в несохранившемся до наших дней доме в Архангельском (ныне Кривоколенном) переулке, 12, близ Чистых прудов. Здесь обитали многие писатели

и переводчики, сотрудничавшие с Новиковым. Карамзин жил в мансарде третьего этажа на полном иждивении ордена розенкрейцеров. Философские идеи масонства оказали на него такое воздействие, что они впоследствии даже нашли свое отражение в предпринятой им реформе русского языка. Первые шаги в этом направлении он сде-

лал, редактируя невиданное доселе новиковское издание «Детское чтение для сердца и разума».

В 1787 году Карамзин отправляется в путешествие по Западной Европе. Средства для поездки ему выделили опять же члены новиковского кружка в кругу которых была сочинена масонская песня, обращенная к молодому брату «Рамзею»:

«Хотя в странах далеких
Твой путь определен,
От наших душ вовеки
Не будет удален».

Путь Карамзина вполне конкретно определил Семен Гамалея: Швейцария, Германия, Франция, Англия. Он же рекомендовал встретиться с видными масонами — Виландом, Гердером, Гете, Лафатером, Сен-Мартеном. «Общество, отправившее меня за границу, выдало путевые деньги из расчета на каждый день на завтрак, обед и ужин», — вспоминал впоследствии сам Николай Михайлович. Такие заботы старших товарищей способствовали тому, что начинающий литератор и переводчик масонских трудов сумел написать захватывающее произведение «Письма русского путешественника». А родились они из отчетов Карамзина, отправляемых в Москву. Оглядываясь гораздо позже на свое масонское прошлое, Карамзин так охарактеризовал Новикова и московских мартинистов: они «были не что иное, как христианские мистики: толковали природу и человека, искали таинственного смысла в Ветхом и Новом Завете, хвалились древними преданиями, ... требовали истинных христианских добродетелей от учеников своих, не вмешивались в политику и ставили в закон верность к государю».

Любопытное свидетельство Д.Н. Блудова можно отыскать в трудах известного исследователя жизни и деятельности Новикова Михаила Лонгинова (1823–1875): «Говорят, что Карамзин в 1815 году, собираясь ехать из Москвы в Петербург для печатания своей истории, посетил в Авдотьино престарелого Новикова, которому много был обязан в юности. Новиков спросил у него, продолжал ли он трудиться над познанием Бога, природы и человека путем, указанным ему в юности, или, лучше сказать, приобрел ли он когда-либо высшие масонские и розенкрейцеровские степени? Карамзин отвечал отрицательно, на что Новиков сказал: «Жаль; вы узнали бы там важные тайны» и предложил открыть их ему. Но Карамзин отказался, что, впрочем, не помешало тому, что они расстались в лучших отношениях».²

Заметную и отчасти роковую роль в судьбе Николая Новикова сыграл Иоганн Георг Шварц (1751–1784), выходец из Германии, приехавший в Россию «по велению сердца», по некоторым сведениям, в 1776 году.³ Довольно быстро выучившись русскому языку, Шварц, горящий желанием «насаждать и распространять образованность в России», сумел в 1779 году добиться должности экстраординарного профессора немецкого языка Московского университета. В этом же году он познакомился с Николаем Ивановичем. Их идеи и замыслы во многом совпадали и единомышленники, объединенные к тому же масонскими узлами, начинают совместную просветительскую деятельность. Шварц обрел популярность в университете и среди студентов, и у многих преподавателей. Одних привлекали его необычные, эмоциональные лекции, других — практическая работа, основанная на оригинальной философско-мистической

Германии профессор «вывез» в Россию новую масонскую систему — розенкрейцёрство, активным адептом которого стал впоследствии Новиков, а вслед за ним и Гамалея. В 1782 году Шварц покинул университет. Ряд профессоров и куратор университета И.И. Мелиссино опасались того влияния, которое оказывал Шварц на молодых воспитанников. Примером тому был курс лекций, прочитанный профессором в конце 1782 года: «О трех познаниях: любопытном, приятном и полезном», в основе которых было стремление объяснить постижение окружающего мира и науки через сердце и душу человека. Оставшись не у дел, Шварц умер в 1784 году в подмосковном Очакове при весьма таинственных обстоятельствах. Несмотря на официальный запрет, студенты устроили ему торжественную панихиду. На погребении Шварца смешались вместе православный и масонский обряды.

Новиков был наделен недюжинными организаторскими талантами. На исходе 1779 года он на собственные и пожертвованные И.Г. Шварцем средства основал при Московском университете Учительскую, или как ее еще называли, — Педагогическую семинарию. Ее первыми питомцами стали шесть студентов, которые получили возможность обучаться бесплатно. Весной 1781 года было организовано «Собрание университетских питомцев», опять же первое в России общество учащихся. Цель «Собрания» — образование ума и вкуса, нравственное самосовершенствование его членов. На своих заседаниях они обсуждали студенческие литературные опыты, проблемы религии и морали. Большинство участников «Собрания», в основном, естественно, молодежь, были активными сотрудниками Новикова. Это М. Антоновский, М. Багрянский, Ф. Ключарев, П. Тургенев.

Ноябрь 1782 года ознаменовался еще одним знаменательным событием. По инициативе И.Г. Шварца и Н.И. Новикова в большом парадном зале помпезного дома московского богача и масона П.А. Татищева у Красных ворот состоялось торжественное открытие «Дружеского ученого общества». В пригласительном билете на церемонию было обозначено: «Дружеское Ученое общество с достодолжным высокопочитанием приглашает сим и просит именитейших любителей наук и покровителей учености удостоить своим присутствием Торжественное его Открытие имеющее быть в доме его Высокородия Петра Алексеевича Татищева ноября 6 дня, 1782 года». Кроме этого в приглашении были изложены цели новой организации и сообщалось, что под его эгидой уже действует Филологическая семинария на тридцать пять человек, выпускники которой после трехлетнего курса обучения вступят в «учительское звание».

На открытии Дружеского ученого общества прибыла многочисленная столичная знать и даже сам главнокомандующий Москвы и Московской губернии генерал-фельдмаршал Э.Г. Чернышев, покровительствующий Новикову и его единомышленникам.⁴

В 1781 году Новиков выпустил 71 название книг, в 1782 году — 63, а уже в 1783 году — 83 названия. Среди них — трагедию Вольтера «Брут», комедию Мольера «Лекарь поневоле», «Историю об английской торговле, мануфактурах, селениях и мореплавании...» Ф. Таубе, четвертое издание поэмы В. Майкова «Игрок ломбера», несколько изданий различных богословских произведений Августина Аврелия, «Новые путешествия в Западную Индию» Боссию.

1784 год ознаменовался выходом еще 76 названий книг. Преобладали издания научные и исторического ха-

рактера: «Краткое понятие о Сенате древних римлян» П. Мануция, «О старинных степенях чинов в России» историка М. Щербатова, «Сокращение стихотворческой истории, Или введение в Мифологию» в переводе с французского И. Шувалова.

В 1782 году Николай Иванович приобрел дом на углу Мясницкой улицы и Лубянской площади (дом не сохранился). Сюда были переведены университетская типография, книжная лавка и склад. В эти же годы архитектор Василий Баженов реконструировал приобретенные Новиковым палаты первой половины XVII века, приспособив их под удобные складские помещения для растущего числа книжно-журнальной продукции. Этот дом в Малом Знаменском переулке, 7, впоследствии приняв облик здания в стиле классицизма, к счастью, хоть и в несколько измененном виде, сохранился до наших дней.

Издание книг и журналов, носящих чисто просветительский характер, даже при наличии щедрых благотворителей из года в год требовало все больших затрат. Поэтому осенью 1784 года была учреждена небывалая доселе в России по числу ее членов — пайщиков Типографическая компания. Капитал товарищества был весьма внушительным. Князь Трубецкой вложил 10 тысяч рублей, братья Лопухины — 20 тысяч, князь Черкасский — 6 тысяч, Алексей Кутузов, которому Радищев посвятил свое знаменитое «Путешествие из Петербурга в Москву» где-то добыл целых 30 тысяч рублей. Новиков с братом Алексеем вместо денежного вноса предложил уже изданные книги на сумму в 80 тысяч рублей по цене в четверть их продажной стоимости. От вступительного взноса были освобождены князь П. Енгальчев и бессребреник С. Гамалея.

Практически весь первоначальный капитал Компании— 57500 рублей был потрачен на заведение новой типографии, в которой к году ареста Новикова, насчитывалось 19 печатных станков и большой набор всевозможных литер.

В конце 1785 года Компания приобрела громадный дом графа И. Гендрикова на Садово-Спасской улице, который в начале XIX века был приспособлен под Спасские казармы. К счастью, этот дом, возведенный по проекту архитектора В. Баженова, хоть и неоднократно перестраивался, но великолепно сохранился (Садово-Спасская ул., 1). Здесь была размещена типография, общежитие для питомцев семинарий и типографских рабочих, больница и аптека. Для работы в аптеке были приглашены известные иностранные фармацевты. Лекарства для нее выписывались из Европы. Причем отпускались они больным по очень низким ценам, а неимущие получали их и вовсе бесплатно. К исходу 1780-х годов капитал «Компании» достиг баснословной по тем временам суммы в 200 тысяч рублей.

В 1785 году с пометкой «Иждивением Типографической компании» на титульном листе было напечатано 48 названий книг весьма значительными тиражами. В следующем году свет увидело еще 66 названий книг из них 39 отпечатано в компанейской типографии. В эти же годы по просьбе Тамбовского губернатора Гавриила Державина, исполняющего эту административную должность в 1785—1788 годах, Новиков организовал в Тамбове типографию, в которой помимо книг и журналов начали печатать первую в России провинциальную газету «Тамбовские ведомости».

Издательское дело Новикова набирало все большие обороты. В 1787 году 102 книги напечатаны в компанейской типографии, 31 в университетской и лишь одна

КАРМАННАЯ КНИЖКА

для

В***К***

и для шѣхъ, копорые и
не принадлежатъ къ
числу оныхъ;
съ присовокупленіемъ:

1.) *Изъ высочайшей Философiи
для размышленія, и 2.) поучи-
тельныхъ изрѣченій, раздѣлен-
ныхъ на три степени.*

Изданіе Второе.

ВЪ МОСКВѢ,

Въ Университетской Типографіи
у Н. Новикова, 1783 года.

в типографии И. Лопухина. В 1788 году — пик деятельности — 155 изданий. Среди них «Словарь ручной натуральной истории, содержащий историю, описание и главнейшие свойства животных, растений и минералов», «Словарь юридический или Свод Российский узаконений», «Политическое состояние древнего Рима», «Новый и полный географический словарь Российского государства...».

Отдавая дань веяниям времени и своей принадлежности к ордену розенкрейцеров, Новиков издавал значительное количество мистической и масонской литературы. С 1783 года начинается печатание розенкрейцеровских книг в вольной типографии И.В. Лопухина, которой руководил вездесущий Новиков. Для публикации многочисленных книг на немецком языке была устроена тайная типография по соседству с Меншиковой башней, в доме, принадлежавшем И.Г. Шварцу. В 1783—1787 годах в Университетской и других типографиях, управляемых издателем, свет увидели впоследствии запрещенные особым указом государыни «Карманная книжка для В*** К***» 5, «Хризомандер», «Новое начертание истинной теологии», пяти томный труд немецкого моралиста И. Арндта «Об истинном христианстве», «Апология, или Защищение вольных каменщиков» И. Штарка, «Химическая псалтырь» Б. Пенно, «Бо-

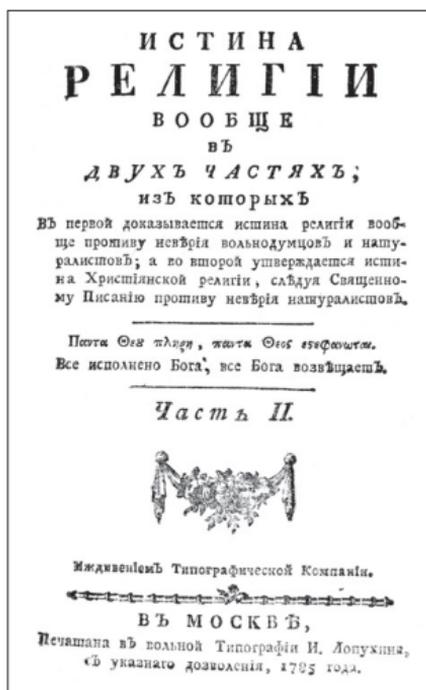
Ж И Т И Е
СВ. ГРИГОРІЯ НАЗІАНЗІНА
Писанное имъ самимъ ;
 съ присовокупленіемъ
ФИЛОСОФИЧЕСКОЙ ПОЕМЫ
 на
 Нещастія въ Его жизни.

Переведено съ Французскаго языка въ
 Ярополчѣ, 1780 года, въ Декабрѣ.

Издивеніемъ Н. Новикова и Компаніи.

ВЪ МОСКВѢ,
 Въ Университетской Типографіи,
 у Н. Новикова, 1783 года.

жественная и истинная метафизика» Д. Пордеджа. Выпущенное в 1785 году рассуждение французского философа-мистика Л. Де Сен-Мартена «О заблужденiях и истине» дало название московскому кружку розенкрейцеров — «мартинисты».

Однако на лучезарном для московских мартинистов небосводе постепенно начали сгущаться свинцовые тучи монаршего гнева.

Причин тому было несколько. Это и печатание книг, посредством которых по мнению государыни они распространяли свое учение при воспитании юношества, и череда доносов, доходивших до Екатерины. Их методично направлял протоиерей Архангельского собора Петр Алексеев. Мог ли Николай Иванович предположить, что один из героев его «Опыта историческаго словаря о российских писателях», станет спустя тринадцать лет (вот уж действительно несчастливое число) одной из причин жестоких на него гонений. А между тем Алексеев (1727—1801) был для своего времени фигурой заметной. В 1773—1779 годах он сумел издать составленный им «Церковный словарь, или Истолкование речений славенских древних, також иноязычных, без перевода положенных в Священном писании и других духовных книгах» в трех частях — своеобразную энциклопедию, охватывающую почти все стороны античности и средневе-

ковья. Именно он 9 января 1775 года увещевал Емельяна Пугачева и его сподвижников, осужденных на казнь. Впоследствии, в 1787 году, Екатерина удостоила доносчика золотым крестом на черной ленте. Новиков поместил о нем в 1772 году в «Словаре» такое сообщение: «Алексеев, Петр, Московского Успенского собора ключарь, и Императорского Университета учитель катехизиса, писал стихи, из которых много внесено в переведенную им книгу «Истинное благочестие Христианские веры», напечатанную в Москве 1768 года. Есть много и других его стихотворений; но оныя так, как и некоторыя изрядные его поучительныя слова, не напечатаны». Катехизатор преуспел и в ловких доносах на Новикова. В результате Екатерина II направила московскому главнокомандующему графу Брюсу и архиепископу Платону соответствующие указы. В одном из них, от 23 декабря 1785 года говорилось, что в типографии Новикова печатаются «многие странные книги»; необходимо, чтобы московский губернский прокурор составил им роспись для представления архиепископу Платону, имеющему также распоряжение испытать Новикова в Законе Божиим. Брюс и Платон должны были назначить светских и духовных цензоров для смотрения книг, чтоб впредь не появлялись такие книги, в которых заключаются «колобродства, нелепые умствования и раскол».

Московский губернский прокурор А. Тейльс по предписанию Брюса составил роспись книгам, продающимся у Новикова, и 31 декабря рапортовал главнокомандующему. Копию с росписи и экземпляры каждой книги Тейльс отослал к Платону.

В росписи Тейльса было 362 названия книг, печатанных в университетской типографии у отставного поручика Новикова, три названия — книг отпечатанных, но еще не

поступавших в продажу, 55 — находящихся в тиснении, 26 — продающихся в лавке Новикова, но отпечатанных у Лопухина, три — в Типографической компании; сверх того полученных в лавку на промен три названия книг, напечатанных в типографии Мейера, два — у Шнора в Петербурге и два — неизвестно где печатанные.

Книги, вышедшие тайно, без пометы типографии, не попали в роспись. Зато по иронии судьбы в этом реестре подозрительных книг оказалась «Тайна противонелепого общества», сатира на масонов, анонимное сочинение самой Екатерины.

Все экземпляры этих 461 сочинений, находившихся в лавке Новикова, были опечатаны до окончания дела.

В 1786 году Екатерина II начала и литературную кампанию против московских мартинистов. В январе на сцене Эрмитажного театра придворным была представлена новая комедия государыни «Обманщик», 7 февраля — «Обольщенный», а в сентябре — «Шаман Сибирский». Эти комедии имели большой успех и на петербургской публичной сцене.

11 января 1786 года Новиков был призван к архиепископу Платону для испытания в Законе Божиим. В присутствии члена консистории Серапиона, архимандрита Богоявленского монастыря, Новикову предложили «показать истину» и предложил ему 12 письменных вопросов.

Вскоре Платон докладывал государыне, что исполнил все вышеописанное, прибавляя, что Новиков признает все основные догматы православия и по учиненной справке говееет ежегодно и что, хотя он принадлежит к обществу франкмасонов, но подтверждает, что в этом обществе нет ничего противного вере, совести и законам.

Однако следствие продолжилось, подозрения множились. Все больше книг изымалось и опечатывалось, учинялись обыски в домах Новикова и покойного Шварца. «Дружеское ученое общество» распалось, расстроились дела переводческой и педагогической семинарий.

Между тем, в начале марта 1786 года, Платон направил в Санкт-Петербург очередное заключение по делу Новикова. Он писал государыне: «как пред престолом Божиим, так и Престолом Твоим, Всемилостивейшая Государыня Императрица, я одолжаюсь по совести и сану моему донести тебе, что молю всещедрого Бога, чтобы не только в словесной пастве, Богом и Тобою, Всемилостивейшая Государыня, мне вверенной, но и во всем мире были христиане таковые, каков Новиков».

Интенсивно занимаясь издательской и филантропической деятельностью, погружаясь в поиски истины в розенкрейцерском сообществе единомышленников, отбиваясь от нападков императрицы, Новиков не забывал о своем родовом селе, куда частенько навещался. Благо путь из Первопрестольной через город Бронницы до усадьбы на берегу Северки был достаточно близкий. В Центральном Государственном архиве литературы и искусства (ЦГАЛИ) уже более двухсот лет хранится уникальная рукописная тетрадь с лаконичной надписью «Тихвинские праздники 1788 года». В свое время она была передана Академии наук П.Н. Тургеневым, сыном декабриста Н.И. Тургенева. На ее страницах подробно описывается праздник «в последних числах июня в Тихвинском селе», во время которого, приехавшие в имение 38 друзей Новикова находили покой «от городского шума в приятной сельской тишине при берегах тихой Северки». Праздник продолжался одиннадцать дней — с 20 по 30 июня,

и вполне возможно проходил здесь в предыдущие и последующие годы.

Накануне торжеств Новиков приезжал из первопрестольной в Авдотьино-Тихвинское «для учреждения порядка, нужного к принятию и угощению гостей», в 10 часов вечера встречал их в версте от имения. 21 июня отмечался день рождения одного из гостей — Ивана Петровича Тургенева, активного деятеля Дружеского ученого общества и Типографической компании, сотрудничавшего еще в журнале Новикова «Утренний свет», автора, редактора и переводчика многих изданных Новиковым «безъ указного дозволения» и подвергшихся конфискации в 1780-х годах книг.

Утром этого дня Новиков «занимался распоряжением и приуготовлением дел, споспешествующих к возвышению праздненственного торжества, в то самое время, как гости, удалясь на цветущие луга и в тенистые рощи, наслаждались бальзамическим воздухом, а музы во уединенной тишине готовились изобразить радостные свои чувствования и искренние желания».

В продолжение праздничного и торжественного обеда И. Тургеневу читали поздравительные стихи; «после стола хозяин вышел немедленно в сад для приуготовления десертного стола в прохладных тенях густых деревьев», откуда посылал сына Ивана «к гостям в покои с пригласительным диметром» (стихотворением), после чего в саду — под яства, веселье и многие песнопения праздник продолжался до позднего вечера под «бальзамическими испарениями различных садовых растений» и прохлаждающими «густыми тенями высоких вязов и многолиственных лип»...

...«Вечером все гости ходили гулять, и во время гулянья рассматривали красоту полей, лугов и лесов при ве-

личественном захождении солнца», обозревали «щедрые нивы» и возвращались в «покой» к вечернему столу, а после «дружеских разговоров расходились спать...».

Интересно замечание автора рукописи о том, что 22 июня 1788 года «поутру хозяин с гостями отправился в село Глазово посетить живущего там друга (речь, очевидно, идет о селе Глазово тогдашнего Каширского уезда Тульской губернии — имени Василия Баженова, где он по завещанию похоронен — прим. А. Нефедова), где пробыли они до 24 числа», возвратившись в Тихвинское «в шестом часу пополудни» — «с прежними и еще с новыми гостями», усаживались за заранее уже приготовленный женой Новикова Александрой Егоровной «вечерний стол», а выйдя из столовой залы на балкон... вдруг увидели фейерверк, который представлен был перед самыми покоями на берегу Северки»... «По сгорании фейерверка вошли опять в зал, сели за стол и петы были песни», после чего «многие ходили купаться в реку»...

25 июня отмечался сельский храмовый праздник. Было воскресенье, и на «торговище» бурлила многолюдная ярмарка. После обеда «угодно было хозяину с гостями пройтись по ярмонке, дабы через то удалить всякую неблагопристойность и безчиние, могущие случиться в народе». Потом «хозяин» «начал делать распоряжения, относящиеся к торжествованию наступающего праздника. Он приказал нарвать в саду розанов, левкой, колуферу, лавендул и других благовонных цветов, а в полях набрать великое число васильков, делать из них разные гирлянды и плести венки, украшать ими в церкви царские двери и иконостас; по полу разсыпать зеленую с полевыми цветами смешанную траву, а колокольню, паперть, южное и северное крыльца иллюминировать; чем

он с одним из гостей занимался до самого всеобщего; а гости в то время гуляли и беседовали, кому с кем угодно было...».

«Поутру, на самый праздник, как съехались все гости, живущие в соседстве, приглашенные к сему торжеству», все присутствующие поздравляли «хозяев» (Николая Ивановича и Александру Егоровну Новиковых) с праздником, а «некоторые из московских гостей... старались об украшении празднственного стола. Пол той залы, в которой надлежало быть столу, усыпали благовонными травами; по поверхности стола разсеяли васильковые цветки с розовыми листиками; а /по/ среди его поставили три высокие пирамидки, сплетенные из васильков, перевитые розовыми гирляндами и расцвеченные китайскими гвоздичками, левкоями и другими цветами. Во 2-м часу пополудни сели за стол, где число обедающих состояло из 38 человек. И в то же самое время хозяин приказал накормить всех нищих, которых было 904 человека и после дать каждому по 10 копеек. После обеденного стола хозяин просил гостей, к десертному столу на балконе, который на сей случай представлен был прохладною беседкою, в которой пол устлан был травою, на стенах в два ряда поставлены были горшки с розами, левкоями, гвоздиками, бальзаминами, астрами разных родов и прочими цветами, а на ступенях крыльца и перед покоем по всему берегу реки (Северки) стояли в горшках же померанцевые, вишневые и другие деревья. Железные прутья, на которых висел зонтик над балконом, увиты были долгою осокою так искусно, что издали казались они пальмами. Открытая река, за нею цветущий луг и пологая зеленая гора, которой верх покрыт рощами, составляли весьма приятный вид из сей искусственной беседки, а тихие за-

падные ветерки прохлаждали тени ея; все сие делало толь приятным пребывание в ней, что гости проводили здесь время с великим удовольствием, будучи угощаемы от хозяев всем тем, что могла изобрести искренность и ласковость их к ним. Как разъехались гости, хозяева с московскими друзьями ходили гулять на луг. В 10 часов вечера представлен был фейерверк к большому торжеству дня сего и к удовольствию всех празднующих; после сего был ужин...».

«Московские гости, ведая, коль высокое есть удовольствие смотреть на восходящее солнце, которым удовольствием не можно почти наслаждаться в мятежном городе, вознамерились в следующее утро идти смотреть на сие величественное явление. Ночь была ясная, и воздух был благорастворен. Во втором часу пополуночи пошли они тихо на гору, с которой долго было смотреть на солнце и до вершины которой расстояния 2 версты. Взошедши на самый верх горы, стояли они несколько минут неподвижно, ожидая торжественного явления, погружены будучи в глубокое безмолвие. Наконец, восходит Солнце... тогда друзья наши, узрев сей огненный океан, воспарили с первыми его лучами к источнику света... но солнце зашло за облак (о), и они возвратились домой...».

«27 день (июня) был дождливый; и гости, сидя в покоях, занимались приятными и полезными разговорами».

28 июня отмечали «день тезоименитства» Ивана Петровича Тургенева. «С утра «хозяева и гости» поздравив друга своего с сим днем, вышли на луг прогуливаться, которого красота сияла в полном величестве при ясном небе и благорастворенном воздухе, откуда возвратясь в 12 часов,

пошли к завтраку, а между тем приуготавливался от хозяина праздничный стол в покоях, а от дружелюбных муз (и) приятная беседка в саду, за столом имениннику произносили стихи на русском и французском языках, а сам Новиков произнес большое стихотворное поздравление, в котором прославлял благотворенья и щедроты Тургенева, его разум и откровенья, которые призывал распространять народу обильною щедрот рекой».

«По прочтении сих стихов вошли в столовую залу дети хозяина (Сын Иван и дочь Варвара); на головах их были васильковые венки, а шея, грудь и руки их перевязаны были разноцветными гирляндами». Они несли в руках «розовый венок» и, торжественно продекламировав небольшое четверостишие, надели венок Славы на Тургенева под пение песни «сочиненной на сей торжественный день, в которой восхищенная Муза искусно соединила высоту мыслей с силою выражений, а выражения — с тоном Музыки. Муз увенчали розами...».

После небольшого отдыха «имянинник с гостями приглашен был хозяином в сад кデザートному столу, поставленному в беседке, нарочно сделанном для сего торжества. Она сплетена была из зеленых березовых ветвей. Стены ея внутри украшены (были) цветами всех родов, какие только были в саду. Пол и вся аллея, по которой имяниннику надлежало идти в нее, были усеяны цветами же. Сеннолиственные липы, под которыми она поставлена была, умножали прохладность тени ее, а различные растения наполняли окружающий ее воздух ароматическими своими дыханиями. И сими-то приятными тенями любезный наш имянинник и гости наслаждались довольно долгое время, будучи угощаемы от добрых хозяев и друзей всем тем что любовь, дружба и искренность их к ним могли

изыскать наилучшего и приятнейшего... В 10 часов представлен был великолепный фейерверк на берегу за рекою против дому, во время которого Муза изъявила чувствования свои... После фейерверка открылась иллюминация. Господский двор, все жилые людские покои и оба берега реки против дому и саду иллюминированы. Народ, восхищенный таким необычным зрелищем, всеми знаками старался изобразить радостные свои движения. Иные пели простые свои песни, другие играли на свирелях; а иные, плавая по реке в лодках, которые также все были освещены, возносили в различных тонах гласы радости и удовольствия. Отсвечивание иллюминированных берегов и лодок в прозрачной Северке составляло торжественное, восхитительное зрелище, которого красота и приятность еще более умножены и как бы облагорожены были северскою тишиною...».

29 июня «после обеда гости посещали приятные места в окрестностях села; а после ужина в 12-м часу ездили в лодках смотреть известную горящую печь, которая складена была в каменной горе на берегу реки. Она в ночной темноте представлялась великолепным разноцветным фейерверком. Разсматривание силы пламени и тяжкого труда, с какими работники обжигают ее, подало друзьям нашим случай к важным размышлениям. По довольном рассмотрении сего страшного зрелища возвратились домой во втором часу по полуночи...».

«В 30 день июня гости наши намерены были возвратиться в Москву, дабы... по приятном успокоении в прохладных сельских тенях, с большею бодростию приступить паки к отправлению дел... Хозяева и гости, для которых сии последние минуты свиданья своего тем были драгоценнее, чем меньше их оставалось, проводи-

ли утро в приятных дружеских разговорах...», а один из поэтов — «Муз» — Федор Петрович Ключарев, живший в сельце Валовое под Бронницами — каждому из присутствующих произносил торжественные экспромты стихами, «заимствуя идею либо от значения его имени, либо от возраста». Под этими экспромтами в рукописи проставлены только инициальные буквы имени, отчества и фамилий тех, кому именно они были предназначены и посвящены, однако по ним легко можно угадать (расшифровать) многих гостей «Тихвинских праздников» 1788 года. К сожалению, известны не все 38 человек, однако, и раскрытые по инициалам представляют значительный интерес, они оставили заметный след в истории, литературе или общественной деятельности. В числе гостей были преимущественно молодые литераторы — писатели, поэты, переводчики, редакторы и сотрудники издаваемых Новиковым журналов, а также активные члены Дружеского ученого общества и Типографической компании: Василий Васильевич Чулков, Александр Андреевич Петров, Дмитрий Иванович Дмитриевский, Федор Петрович Ключарев... Другую «половину» гостей и присутствующих составляли родственники и давние испытанные друзья «хозяина» — жена Александра Егоровна, брат Алексей Иванович, сын Иван Николаевич, старшая из двух дочерей — Варвара Николаевна, племянник Алексей Иванович Хрущев, «свойственник» Николай Ларионович Сафонов, а также — Иван Петрович Тургенев, Василий Иванович Баженов, Григорий Максимович Походяшин...

Любопытно содержание «экспромтов», посвященных ближайшему окружению Новикова — жене, сыну и брату:

А. Е. Н.

«Как в пламени живет безвредно Саламандра, так
в мире без страстей живи ты, Александра!»

И. Н. Н

«Расти и укрепляйся,
с родителем сравнийся;
в успехах процветай —
в себе найдешь ты рай».

А. И. Н.

«Способник будь в бедах гонимым, Алексей: награду
сыщешь ты за то в душе своей...»

Хотя единственному сыну книгоиздателя Ивану тогда было всего около шести лет (он родился в 1782 году), в экспромте не случайно упоминается о его «успехах» и желания дальнейшего «процветания» в них: ему едва исполнилось десять лет, когда отец издал «Краткие правила и двустипшия о нравах» Дионисия Катона, переведенные с латинского «на российский язык» Иваном Новиковым. Кроме того, Иван хорошо рисовал и увлекался «миниатюрной живописью».

Наконец, праздники подошли к концу, и 30 июня 1788 года «отъезжающие гости провожены были хозяевами со всеми домашними за границу (имения), и там после нежных объятий разстались...».

Могли ли они предвидеть, что расстанутся с другом на многие годы, если не навсегда.

1 мая 1789 года срок аренды Новиковым университетской типографии истекал. К тому времени общее количество изданных им книг достигало без малого 1000 названий!

Екатерину эта цифра смущала и раздражала. Еще в середине октября 1788 года, разбирая почту, государыня невзначай сказала своему секретарю Храповицкому: «Новикову не отдавать университетскую типографию; *c'est un fanatigue* (он фанатик (фр.))».

С 1 мая 1789 года содержание университетской типографии и издание «Московских ведомостей» перешло к коллежскому асессору Слепушкину, который в конце того же года передал аренду О कोरोкову. В 34 номере «Московских ведомостей» Новиков простился с читателями, поблагодарив их за десятилетнюю поддержку. Между тем протоиерей Алексеев продолжал направлять доносы. Новиков вновь попал под пристальное внимание московских властей.

В ноябре 1791 года Типографическая компания прекратила свое существование. Акт об ее уничтожении был подписан Чулковым, Черкасским, Лопухиным, Тургеневым, Гамалеей, Ладыженскими, братьями Трубецкими и братьями Новиковыми. В силу этого акта Новиков оставлял за собою дом у Никольских ворот, числившийся на его имя, но прежде по расчетам перешедший в Компанию, все книги, напечатанные в типографиях университетской, компанейской и Лопухинской, самую типографию со всеми принадлежностями и Спасскую аптеку. Компаньоны признавали себя удовлетворенными за это Новиковым. Отсутствовавшие члены должны были подчиниться решению. Долги Компании составили почти триста тысяч рублей.

В связи с ликвидацией Компании были произведены коммерческие сделки. Походяшин купил у Новикова книжный магазин и дал ему займы 50 тысяч рублей⁶. Из них Новиков заплатил 18 тысяч Ладыженскому, у которого Новиков в 1792 году купил в Орловской губернии имение

в 110 душ. В том же году Новиков разделился с братом Алексеем. Авдотьино пришлось на долю Николая. Издатель окончательно переехал из Москвы в Авдотьино, решив пристально заняться воспитанием сына и двух дочерей.

Примечания:

1. Мельникова Н.Н. Издания, напечатанные в типографии Московского университета. XVIII в. / Под ред. чл.—кор. АН СССР проф. П.Н. Беркова. М., 1966. 455 с.

2. Лонгинов М.Н. Новиков и московские мартинисты. М., 1867. С. 167.

3. Подробнее о И. Шварце и розенкрейцерах: Киселев Н.Н. Из истории русского розенкрейцерства. СПб. 2005. 424 с.

4. Подробнее см.: Вернадский Г.В. русское масонство в царствование Екатерины II. Изд. 3-е, испр. и расшир. СПб., 2001. 576 с.

5. Аутентичное факсимильное воспроизведение книги с научными комментариями // Нефедов А.В. Торжество слова и дела. Книгоиздатель Николай Новиков: возвращение из небытия. М., 2015. С.119—284.

6. Подробнее см.: Переписка о долгах и имени Новикова. Показание его об отношениях к Г.М. Походяшину. Известия о состоянии дел бывшей типографической компании. / Пекарский П.П. Дополнения к истории масонства в России XVIII столетия. СПб, 1869. С.138—148.

Глава 5

От печали до опалы

Безмолвных свидетелей драматических событий, разыгравшихся весной 1792 года в усадьбе книгоиздателя, расположенной на живописном берегу реки Северки, до наших дней сохранилось немного. Прекрасно отреставрированный снаружи и внутри ныне действующий храм Тихвинской иконы Божией Матери, строительством и благоукрашением которого непосредственно занимался сам Николай Иванович (а колокольня, по преданию, воздвигнута по проекту Василия Баженова) и где он похоронен; начисто выгоревший изнутри в октябре 2006 года двухэтажный каменный флигель, на фасаде которого до недавнего прошлого сиротливо висела закрепленная в 1911 году мемориальная табличка с лаконичной надписью: «Здесь жил и умер Николай Иванович Новиков — ревнитель русского просвещения»; и, наконец, возведенные им на исходе XVIII — в начале XIX веков для своих крестьян добротные каменные избы — «связи», уникальные сооружения, не имеющие в России той поры аналогов, в кото-

рых и по сей день живут авдотьи́нцы. Ещё остались документы, по которым несложно восстановить картину тех дней. Они довольно любопытны.

В эпоху самодержавия и тоталитарных режимов деятельность просвещенных людей не всегда поддерживающих или разделяющих проводимую власть предрержащими внутреннюю и внешнюю политику, отказывающихся следовать действующим догмам, считалась откровенным вольнодумством и жестоко преследовалась. Так было с князем Андреем Курбским во времена царя Иоанна Васильевича IV Грозного, с патриархом Никоном при царе Алексее Михайловиче, с Александром Радищевым и Николаем Новиковым — личными врагами Екатерины II. Список этот можно еще долго продолжать.

«Проступок» упрямого в Сибирь А.Н. Радищева заключался в написании им «Путешествия из Петербурга в Москву». «Претензий» к Н.И. Новикову было куда как больше. Причастность к созданию масонских и розенкрейцеровских лож, которые на самом деле при матушке-царице были такой же обыденностью, как комсомольские или партийные ячейки в нашем социалистическом обществе. Чрезмерное усердие в выпуске сатирических журналов и всевозможных книг, в том числе религиозно-мистического характера. К просвещению государыня относилась двойственно. Она призывала молодых дворян, детей чиновников и купцов постигать различные полезные для развития державы науки. И в тоже время считала, что знание грамоты крестьянами вредит исполнению их главного предназначения — заниматься сельскохозяйственным и иным «рабским» трудом.

Ее решительно раздражало достаточно либеральное по тем временам отношение Новикова к крепостным. Слыхан-

ное ли это дело — в голодные 1786—1787 годы он приобретенные на свои деньги и средства жертвователей зерно и муку бесплатно раздавал крестьянам, избавив от лютой смерти тысячи голодающих. Это казалось подозрительным.

Вменялась в вину Новикову и секретная переписка при участии посредника — масона, архитектора Василия Баженова, с наследником престола Павлом Петровичем.¹ Екатерина II боялась со стороны сына и его соратников заговора. Императрица отлично знала, что от интриги до переворота — один шаг. Ведь именно благодаря дворцовому заговору, в центре которого она стояла в 1762 году, супруга императора Петра III в одночасье превратилась в самодержицу российскую — Екатерину II. К тому же, многие вельможи и церковные иереи той поры открыто проявляли недовольство тем, что империей правит незаконная царица, взошедшая на трон на штыках нетрезвых гвардейцев. Не унимался со своими нескончаемыми доносами борец с ересями, протоиерей московского Архангельского собора Петр Алексеев, обласканный Екатериной и парадоксальным образом отмеченный впоследствии щедрыми наградами Павлом I.

Были и другие мелкие обиды, ущемляющие ее самолюбие. Словно дразня «преобразительницу России», получившую титул Великая, Новиков открывал общедоступные библиотеки, книжные лавки, аптеки для малоимущих, училища. Отправлял мелкопоместных дворян на учебу в лучшие европейские университеты. Выручаемые от книжной торговли значительные средства тратил не на строительство дворцов или роскошную светскую жизнь, а на разнообразную филантропическую деятельность. Пользовался популярностью и у дворян, и у простолюдинов. Все это раздражало царицу. За все это она намерилась судить Новикова публично, чтоб другим воль-

Императрица Екатерина Великая

нодумцам — вольтерьянцам, а особенно масонам, которых она откровенно недолюбливала и побаивалась, неповадно было. Но ее замыслы удались лишь отчасти.

В тот год село Авдотьино — Тихвинское тож, а такую приставку оно получило по названию здешнего храма, могло бы считаться одним из благополучнейших в Мо-

сковской губернии. Зажиточные крестьяне трудились на себя и на барина с удовольствием, повседневно ощущая его заботу об их благополучии. На окраине села, на высоком берегу полноводной тогда Северки, воды которой вращали многочисленные мельничные колеса, стоял хоть и не помпезный дворец, но добротный барский двухэтажный дом, рядом — различные хозяйственные постройки. Крестьяне готовились к весенним работам на полях как всегда не испытывая недостатка в зерне для посева. Новиков построил специальные «хлебные магазины», где всегда содержался изрядный запас зерновых. В обширном парке на экзотических деревьях и кустарниках уже набухали почки. Весна входила в свои права. Но все это книгоиздателя особо не радовало. Еще с конца 1789 года он почти безвыездно жил в усадьбе. Сначала его одолевали разные хвори. А в 1791 году, так же, весной, в апреле, он похоронил супругу Александру Егоровну, урожденную Римскую-Корсакову. Она была выпускницей Смольного института — «смолянкой», племянницей старшего товарища Новикова — князя Николая Никитича Трубецкого, известного масона. Их семейное счастье длилось ровно десять лет. В ноябре того же года с грустью поставил подпись в акте об уничтожении своего детища — Типографической компании, приносившей от издания книг изрядную прибыль, которую вновь и вновь пайщики пускали в издательско-просветительское дело. В Москве еще действовали принадлежавшие ему и его сподвижникам небольшие типографии, но они в основном выпускали переводную мистическую литературу, адресованную искателям новой «христианской истины» — масонам и розенкрейцерам. Все чаще и чаще выпуск таких книг цензура запрещала. Новикову уже не раз приходилось из-за этого претерпе-

вать гонения. Предчувствуя грядущий гнев императрицы, он и решил на время уединиться в своем родовом имении и заняться воспитанием троих осиротевших детей.

В письмах от друзей он получал тревожные известия. Лавинообразно развивающаяся во Франции революция сопровождается жестоким кровавым террором. Трагически завершилось покушение на шведского короля Густава III, который в апреле 1792 года скончался от ран. В Санкт-Петербурге пытаются поймать некоего французского шпиона, якобы посланного убить матушку-царицу. Ходят слухи, что наследник престола Павел завел сношения с масонами, намереваясь с их помощью взойти на престол. Самое последнее известие и вовсе расстроило Николая Ивановича — будто ему приписывает императрица печатание некоторой зловредной книги, подрывающей основы православной веры. Радоваться было нечему. Сидя у себя в кабинете во втором этаже особняка и наблюдая за неспешным течением студеной речной воды, просветитель задумывался о превратностях судьбы.

Гром грянул 13 апреля. В этот день новоиспеченный главнокомандующий Москвы генерал-аншеф князь Александр Прозоровский получает указ государыни выяснить не по инициативе ли Новикова издана получившая хождение в Москве книга «напечатанная церковным шрифтом и заключающая в себе разные раскольнические сочинения, противные духу православия и правительству под названием «История о отцах и страдальцах Соловецких». Императрица высказывала предположение, что она напечатана у Новикова, который, «как слышно», завел у себя в подмосковной усадьбе тайную типографию. А потому предписывалось произвести в Авдотьино внезапный обыск. При этом Новикова «взять под присмотр и допросить».

22 апреля в Авдотьино нагрянул советник уголовной палаты Дмитрий Олсуфьев. Он вместе со своими спутниками приступил к обыску, в ходе которого были конфискованы все найденные у Николая Ивановича в доме книги и бумаги. В числе их оказалось двадцать три печатных издания мистического содержания, запрещенных в свое время цензурой к изданию. Однако ни типографского станка, ни каких либо печатных литер обнаружено не было. Но советник уголовной палаты нашел на чердаке улику, решившую исход обыска — среди обломков старой мебели завалась книга с вложенным в нее мелко исписанным орешковыми чернилами листком. Это оказался отчет Василия Баженова о его тайной встречи с царевичем Павлом. Другого и не требовалось... Когда Олсуфьев объявил, что вынужден арестовать издателя с ним случился нервный припадок. Новиков попросил исповедаться и приобщиться к Христову таинству, но ему это разрешено не было. Однако, Олсуфьев вывозить в Москву больного не решился и до поры оставил его под присмотром жившего в Авдотьино друга Новикова переводчика и доктора Михаила Багрянского и городничего местного, Никитского округа, с вооруженной командой.

Узнав об этом Прозоровский, боясь, что издатель может благодаря своим связям надежно укрыться в тайном месте, принял радикальное решение: не мешкая отправить в Авдотьино 12 гусар, капрала и унтер-офицеров, под командой лихого майора гусарского эскадрона князя Жевахова.²

Отряд прискакал в Авдотьино 24 апреля. Стремительно спускаясь с горы со стороны Коломенской дороги, они привели местных крестьян, никогда не видевших военных, в изумление и нескрываемый испуг.

Несмотря на то, что Новиков по-прежнему был нездоров и «нередко падал в обморок» его посадили в кибитку

и под конвоем повезли в Москву. Внезапный «налет» отряда гусар и арест Новикова произвели на его детей ужасное действие — сын Иван был поражен падучей (эпилепсией), а старшая дочь Варвара «впала в неизлечимую болезнь». Младшая, Вера, в дальнейшем ставшая секретарем своего отца, который надиктовал ей сотни писем, тогда еще ничего не понимала, что спасло ее от трагических впечатлений.

Попутно необходимо отметить, что по некоторым сведениям у Николая Ивановича были дети: Михаил, Екатерина, Анна, умершие, судя по всему, еще в младенчестве; о других известно немного больше: страдавшие эпилепсией Иван (1782—1829) и Варвара (1783 - между 1818 и 1826), Вера (1787—1820). На них род Николая Ивановича Новикова пресекался...

Майор Жевахов, не заезжая в московский дом Новикова, где бы тот мог передохнуть с дороги, привез издателя прямо к князю Прозоровскому. Начался допрос. Более всего главнокомандующего интересовали капиталы Типографической компании и количество изданных запрещенных книг.

По Москве в те печальные дни ходила байка о невежестве Прозоровского, которое было столь велико, что допрашивая издателя, он взял одну из конфискованных в Авдотьиные книги и, указывая на цифры, обозначающие в подстрочных примечаниях к тексту ссылки на главы и стихи книг Священного Писания, воскликнул: «Вот под этими условными знаками скрываются ваши зловерные замыслы и преступные учения; но все это теперь откроется».

Допросы продолжались несколько дней. К делу привлекли новиковских наборщиков и печатников, книгопродавцев, участников Типографической компании.³

1 мая 1792 года князь А. Прозоровский получил из Санкт-Петербурга очередной указ императрицы. В нем, в частности, предписывалось главнокомандующему выяснить следующее: «1. Как Новиков осмелился печатать и торговать такими книгами, кои по указу нашему не только продавать, но и печатать запрещено...». «2. Вам известно, что Новиков и его товарищи завели больницу, аптеку, училище и печатание книг, дав такой всему благовидный вид, что будто бы все те заведения они делали из любви к человечеству; но слух давно носится, что Новиков и его товарищи сей подвиг в заведении делали отнюдь не из человеколюбия, но для собственной своей корысти... И сего ради повелеваем оного Новикова на основании нашего учреждения предать законному суждению, избрав надежных вам людей; по окончании же во всех судах того следствия и заключений должны они представить вам на ревизию, вы же препроводите на решение в сенат...».⁴

Соратники просветителя внимательно следили за следствием. Переживали. Именно в эти дни в печати появилось стихотворение однажды гостившего в Авдотьине Николая Карамзина «К Милости». Воспевая благородство царицы, он обращался к ней с такими словами:

Доколе всем даешь свободу
И света не темнишь в умах,
Доколь доверенность к народу
Видна во всех твоих делах:
Дотоле будешь свято чтима,
От подданных боготворима
И славима из рода в род.

Переписка Прозоровского с императрицей происходила непрерывно. В донесении от 6 мая князь писал, что согласно ее указу от 1 мая, он не решился отдать Новикова под суд поскольку в ходе допросов выяснилось о существовании в обществе разветвленной масонской сети (что на самом деле ни для кого в ту пору не было тайной — прим. автора). Прозоровский считал, что подобные ответы Новикова в суд передавать нельзя, ведь это привело бы к вопросам о том, что такое масонство, и дало бы подсудимому способы «замешать дело». Самое комичное в этой драматической для Новикова истории было то, что на допросах ни Прозоровский, ни, впоследствии, знаменитый сыщик, тайный советник Степан Шешковский ни разу не задавали издателю вопроса о печатании книги «История о отцах и страдальцах Соловецких» с чего, собственно, и началось дело о «преступлениях» просветителя. Их интересовало другое: связи российских масонов с иностранными ложами, с входившими в них сиятельными особами и участия в их деятельности наследника российского престола. Попутно выясняли о сути учения масонов и розенкрейцеров, о структуре внутреннего устройства лож, о принятых в них обрядах. Но все это было не главное.

Поразмыслив над доводом Прозоровского, императрица направляет ему 10 мая очередной указ, в котором повелевает: «Новикова отослать в Слесельбургскую крепость, а дабы оное скрыть от его сотоварищей, то прикажите везти его на Владимир, а оттуда на Ярославль, а из Ярославля на Тихвин, а из Тихвина на Шлюшин, и отдать его тамошнему коменданту; везти же его так, чтоб его никто видеть не мог, и остерегаться, чтоб он себя не повредил. Сие Новикова отправление должно на подобных ему наложить молчание, а между тем бумаги его под собствен-

Шлиссельбургская крепость

ным вашим смотрением прикажите надежным вам людям разбирать...».

Исполнение этого указа Прозоровский вновь поручил верному гусару Жевахову, который возглавил хорошо вооруженную команду из одиннадцати человек. На прогоны и продовольствие им выделили 500 рублей. Из Москвы поезд из трех экипажей выдвинулся поздней ночью 17 мая. В добровольное изгнание вместе с Новиковым отправились его слуга и доктор Багрянский. Пока «тайная экспедиция» окольными путями двигалась в сторону Шлиссельбурга, Прозоровский продолжал вести допросы компаньонов Новикова по Типографической компании. По ходу дела выяснился и такой факт — якобы в деревенском доме издателя хранится значительная сумма денег. Немедленно в Авдотьино вновь был направлен советник уголовной палаты Д. Олсуфьев, который, действительно сумел обнаружить судя по дошедшему до нас в архиве отчету 11865 руб. 66 коп. наличными деньгами. Из них решено было 865 руб. 66 коп. оставить на расходы по содержанию имения, а остальную кругленькую сумму доставить князю Прозоровскому «на хранение». Принимая ассигнации, главнокомандующий выразил подозрения, что на самом

деле у Новикова денег было гораздо больше, и они где-то надежно припрятаны. Это породило впоследствии легенду о зарытом где-то в окрестностях села армейском барабане, наполненном золотыми червонцами. Но тщательные поиски кладоискателей прошлого и нынешних времен так ни к чему и не привели.

Бурная деятельность Прозоровского, человека хоть и знатного, но недалекого, вызывала у вельмож обеих столиц снисходительные улыбки. В «Словаре достопочтенных людей Бантыш-Каменского» (1836 г.) можно найти восклицание графа К. Разумовского по поводу ареста и отправки в Шлиссельбург Новикова московским главнокомандующим: «Вот расхвастался, как будто город взял! Старичонку, скорченного гемороидами, взял под караул; да одного бы десятского или будочника за ним послать, так и притащил бы его!».

Едва успел больной Новиков опомниться в крепостном каземате от изнурительного двухнедельного путешествия по ухабистым дорогам, как начались новые допросы. Тайный советник Степан Шешковский, не гнушавшийся в иных случаях и применения пыток, приступил к «увещанию и убеждению Новикова о показании истины». Издателю было предложено ответить на 73 вопроса! В основном они касались связей российских масонов с зарубежными, в частности с принцем Фридрихом Гессен-Кассельским, герцогом Брауншвейгским и герцогом Зюдерманландским. И опять же об их связях с «особой персоной».

Ответы Новикова не удовлетворяли ни Шешковского, ни императрицу.⁵ В конфискованных в Авдотьиных бумагах Прозоровскому удалось отыскать письмо на французском языке, опубликованное впоследствии, в 1859 году, в «Русском Вестнике». В письме говорилось, что в «Гран

Приоры» немецкого ордена наследника-цесаревича нельзя принимать по политическим соображениям. Существование подобной переписки еще больше насторожило императрицу. Поразмыслив, она решила положить следствию конец. Заведомо зная, что нездоровый Новиков не выдержит долгого срока заключения, она подписывает 1 августа 1792 года в Царском селе окончательный по этому делу указ. Сохранившийся в архиве документ довольно пространен. Он касается и соратников Новикова, получивших мягкое наказание — ссылку в их отдаленные от обеих столиц имения. Но, прежде всего — самого просветителя-филантропа. По мнению государыни «совершенные им преступления столь важны, что по силе законов тягчайшей и нещадной подвергают его казни. Мы однако ж и в сем случае, следуя сродному нам человеколюбию и оставляя ему время на принесение в своих злодействах покаяния, освободили его от оной и повелели запереть его на пятнадцать лет в Шлиссельбургскую крепость...».

Через четверть века, оценивая коварство этого «человеколюбивого» указа, Николай Карамзин, ставший тогда уже видным историографом, в поданной императору Александру I «Записке о Новикове» отметил: «Его заключили в Шлиссельбургской крепости, не уличенного действительно ни в каком государственном преступлении, но сильно подозреваемого в намерениях вредных для благоустройства гражданских обществ...».⁶

Несколько позднее и Александр Пушкин в своих «Заметках по русской истории XVIII века» так же писал: «Екатерина любила просвещение, а Новиков, распространивший первые лучи его, перешел из рук Шешковского в темницу, где и находился до самой ее смерти».

Допросы, наконец, завершились. Началась монотонная тоскливая жизнь в заключении. Но Екатерина не забыла о Новикове. 11 февраля 1793 года императрица направила князю А.А. Прозоровскому очередной указ:

«Князь Александр Александрович!

По данному от вас представлению повелеваем: Первое. Хранящиеся в конторе синодальной, забранные в деревне Новикова в лавках три тысячи запрещенных книг вновь секретно напечатанных до трех же тысяч, предать огню все без изъятия, не внося и к нам экземпляров. Второе. Главным образом, по внимательном разборе и рассмотрении двух иностранных библиотек, находящихся в одном из домов Новикова, вредные в оных книги все истребить, а из полезных богословские отдать в Законоспаскую академию, прочие же в университет. Третье. О помянутых домах, за Новиковым считающихся, справиться достовернейшим образом, собственные ли они его, или общественные. В первом случае следует оные отдать в ведомство опеки детей Новикова, но в последнем поступить оные должны в распоряжение приказа общественного призрения. Четвертое. Об отобранных у бывшего при Новикове доктора облигациях на сто тысяч рублей, Походяшину принадлежащих, исследовать с точностию, когда и на что именно они даны, и что окажется нам донести, дабы потому могли мы изъять волю нашу о употреблении их. Пятое. Советнику Олсуфьеву за службу его всемилостивейше пожаловали мы орден св. Владимира 4 степени, а команде, при Новикове бывшей, указали выдать годовое жалованье. Пребываем к вам благосклонны.

Екатерина».

Ретивый Прозоровский первый пункт царского указа поторопился исполнить со всей тщательностью. Осенью 1793 года в печах московских кирпичных заводов было сожжено 18656 экземпляров запрещенных книг — частью опечатанные полицией еще с 1786 года, частью отобранные в книжных лавках в 1792 году и конфискованные в Авдотьино при аресте издателя.

Не осталось без внимания и имущество попавшего в жестокую опалу просветителя. В частности, над Авдотьино были назначены опекуны — брат Новикова Алексей, советник Д. Олсуфьев, которого впоследствии заменил директор народных училищ коллежский советник А. Курбатов. Сумма долгов Новикова частным лицам перевалила за полмиллиона рублей и с каждым днем росла из-за ростовщических процентов. Расчет по вексям и счетам был еще впереди. А пока...

Летом 1794 года комендант Шлиссельбургской крепости полковник Колюбакин составил следующее письмо:

«Секретно

Его высокопревосходительству господину действительному тайному советнику генерал-прокурору и разных орденов кавалеру Александру Николаевичу Самойлову от полковника и шлиссельбургского коменданта Колюбакина.

Рапорт

Покойный господин тайный советник Степан Иванович Шешковский, будучи в сей крепости, дал мне приказание, чтоб содержащимся известным арестантам Новикову, его человеку и бывшему при нем доктору производить кормовых по рублю в сутки, а притом, чтоб за здоровьем его, Новикова, иметь особое по воле ее императорского величества попечение. А потому, когда он, Новиков, случался болен и представляемы были от меня к нему прописывае-

мые вышеописанным доктором для него, Новикова, лекарства, то оные были ко мне доставляемы. А ныне приемлю смелость утруждать Ваше высокопревосходительство сим моим объяснением:

1-е. Что как всему уже обществу ощутительна есть во всем дороговизна, то сколько бы я ни старался в удовлетворении сих людей в безбедном их содержании, но оное определенное им число к содержанию нахожу весьма недостаточным.

2-е. Из сих людей, о докторе осмеливаюсь донести, что скромность жизни его, а паче жалобы на вовлечение в сие несчастное бытие Новиковым, и в том чистосердечное его раскаяние, что замечено было и господином Шешковским, который и сделал мне приказание о употреблении к нему возможного снисхождения. Но я сие доношу до воли Вашего высокопревосходительства, яко высокоповелительному начальнику, испрашиваю дозволения о бритии сему доктору бороды и прохождения для сохранения жизни под моим присмотром внутри крепости в удобное время на воздух. И так, изъясняя сим Вашему высокопревосходительству по долгу и препоручению о сих людях попечении моего, имею честь испросить Вашего в резолюции соизволения.

Полковник-комендант Колюбакин.

№ 35, Август 9 дня 1794 года».

Судя по рапорту, узникам крепости жилось несладко.⁷ Однако прошение коменданта не осталось без внимания высокого начальника.

В августе того же года генерал-прокурор направил в тюрьму для обследования условий содержания секретных узников чиновника Тайной экспедиции А. Макарова. Работа велась неспешно. Наконец инспектор составил подытоживающий его труд рапорт генерал-прокурору.

Шлиссельбургская крепость.

Руины каземата, где томился Н.И.Новиков с товарищами

«По приказанию Вашего высокопревосходительства ездил я для осмотра содержащихся в Шлиссельбургской крепости секретных арестантов и нашел, что содержание их чинится со всевозможной осторожностью и к утечке или другим каким неприятным случаям сумления никакого нет; положенное же число для продовольствия их денег они все получают и тем довольны, исключая Новикова, который произносил просьбу о недостатке в рассуждении нынешней во всем дороговизны. Кто же они таковы, о сем имею честь поднести именной список.

Коллежский советник и кавалер Александр Макаров,
14 октября 1794 года

Именной список

В Шлиссельбургской крепости содержатся нижеписанные арестанты

1. Малороссиянин Сава Сирской с 776-го года за делание фальшивых ассигнаций.

2. Пономарев сын Григорий Зайцев с 784-го за ложное и дерзкое разглашение и буйственное поведение.

3. Беглый сержант Протопопов с 784-го за отвращение от веры и неповиновение церкви.

4. Унтершихмейстер Кузнецов с 787-го за делание фальшивых ассигнаций на 10 лет.

5. Бывший поручик Карнович с 788-го по лишении чинов и дворянства за продажу чужих людей, за сочинение печатей и пашпортов и дерзкие разглашения, послан до окончания шведской войны.

6. Отставной поручик Новиков с 792-го за содержание масонской секты и за печатание касающихся до оной развращенных книг на 15 лет.

7. При нем доктор за перевод развращенных книг.

8. Человек его, но за что неизвестно.

Коллежский советник и кавалер Александр Макаров».

Как показывают дошедшие до нас документы, Новиков и его сокамерники содержались с особенной тщательностью. Был даже усилен гарнизон крепости специально прикомандированной караульной командой. В одном из секретных рапортов все того же ретивого Колюбакина находим сведения, что им было получено в августе 1792 года 25 рублей на содержание «известного нового хозяина, при нем доктора и его человека, караульного офицера, унтер-офицера и шести рядовых». Примечательно, что согласно сохранившемуся плану крепости Новиков, Багрянский и слуга в отличие от других узников располагались в камере нижнего этажа в полной изоляции. Среди документов этого периода, хранящихся в Российском государственном архиве

древних актов, находится собственноручная записка самого Новикова, красноречиво живописующая его бедственное положение.

«Записка о всепокорнейших моих просьбах

1) В рассуждении дороговизны на все съестные припасы, из получаемого рубля имеем самое нужное и бедное пропитание;

2) во всяком белье и обуви, также и платье, а наипаче слуга при нас находящийся, крайнюю претерпеваем нужду и бедность.

Наконец, ежели голос несчастного страждущего, почти умирающего, может достигнуть слух ее императорского величества, то всепокорнейше Вашего высокопревосходительства из единого человеколюбия прошу внушить и представить всемилостивейшей матери отечества мою нищую всепокорнейшую просьбу о милосердном помиловании и прощении нас! Слабость крайняя и истощенные силы не попутают меня теперь более о сем распространиться, но человеколюбие и сострадание Вашего высокопревосходительства да исполнят недостачу моей бедной верноподданнической просьбы. Умилосердитесь над несчастным и преклоните на милосердие всемилостивейшую мать и государыню, хотя для слез бедных троих сирот, детей моих».

Однако жалобы не помогли. Улучшений быта не произошло, хотя, стоит отдать должное служаке Колюбакину, ходатайствовал он о своих «подопечных» регулярно. Бумаги не жалел, да и чернил тоже — все ведь казенное. Наконец, его письма возымели реакцию. В Шлиссельбург был направлен очередной проверяющий — коллежский ассессор Федор Крюков, который в рапорте от 22 апреля 1796 года отметил: «что же касается до Новикова, то он будучи

одержим разными припадками и не имея никакого себе от того пособия, получил, наконец, ныне внутренний желудочный прорыв, от чего и терпит тягчайшее страдание, то и просит к облегчению судьбы своей от вашего сиятельства человеколюбивейшего милосердия, а притом страждут они с Багрянским и от определенного им к содержанию малого числа кормовых, в рассуждении нынешней во всем дороговизны».

Вопрос о прибавке «кормовых денег» Новикову и его сокамерникам решен так и не был, но лекарство больному было заказано и через канцелярию генерал-прокурора доставлено осенью того же года фельдъегерем в Шлиссельбург. Пригодилось ли оно — неизвестно. Вскоре еще один курьер доставил в крепость весть о скоропостижной смерти престарелой императрицы, а вслед за этим указ нового государя — Павла Петровича об освобождении просветителя. Двери камеры распахнулись. В лицо Новикову подул ветер перемен и надежд...

Примечания:

1. Подробнее о взаимоотношениях московских розенкрейцеров с великим князем Павлом Петровичем см.: *Летописи русской литературы*. 1863, т. V, отд. II. С. 49, 50, 61–63, 85, 86, 90.

2. Там же. С. 6.

3. Подробнее см.: *О московских книгопродавцах, обвиненных в торговле запрещенными книгами / Пекарский П.П. Дополнения к истории масонства в России XVIII столетия*. СПб, 1869. С. 161–168.

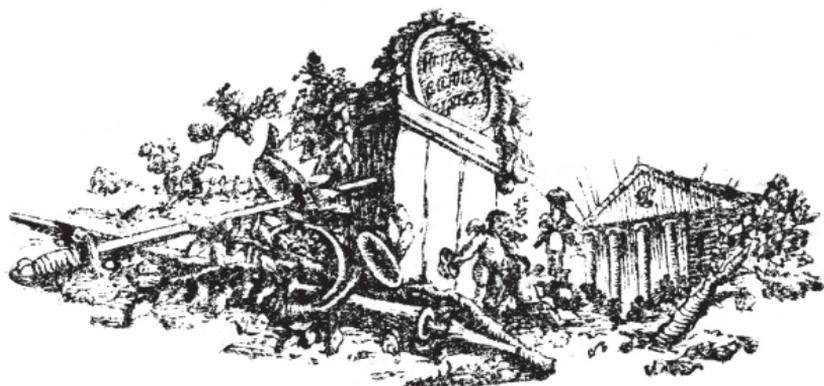
4. *Русский вестник*. 1859. № 15. С. 336.

5. Новиков Н.И. *Избранные сочинения*. М., Л., 1954 / *Вопросные пункты Шешковского, ответы Новикова, написанные*

в Шлиссельбурге в июне 1792 г. и возражения на эти вопросы. С. 604–662.

6. Карамзин Н.М. Записка о Н.И. Новикове // Новиков Н.И. Избранные статьи и письма. М., 1982. С. 139–140.

7. Любопытные факты о пребывании Новикова в заточении см.: Русский вестник. 1857. № 15 С. 460–461.

Глава 6

Однажды в Авдотьино

После ареста Новикова авдотьиинские жители на протяжении нескольких лет не имели абсолютно никаких известий о судьбе заключенного в Шлиссельбурге издателя. Грустили дети, горевал Семен Гамалея, отгоняя страшные мысли — жив ли Николай Иванович? О кончине государыни и восшествии на престол ее сына Павла Петровича они узнали только в середине ноября 1796 года, почти через неделю после этого судьбоносного для России события, когда Новиков уже покинул сырые крепостные казематы.¹

Подробности о знаменательном дне возвращения Новикова и его спутников из шлиссельбургского заточения мы можем узнать из сохранившихся подлинных документальных свидетельств. Например, в одном из писем Семена Гамалеи к знакомым нашлись такие детали: «При радостных чувствах о возвращении друга нашего, можно несколько воображать, какая радость бывает на небесах о едином грешнике кающемся, как Господь Христос наш сказал во Св. Евангелии, т. е. когда грешник возвращается из плене-

ния Вавилонского. Из рабства Египетского, освобождаясь от оков темной плоти, адского честолюбия, сребролюбия и пр., которые разлучили его от сообщества со Святыми Ангелами и с праведными душами, любящими паче свет и Царя света, нежели тьму со всеми делами тьмы... Некоторое отсвечивание лучей оной радости видел я на здешних поселянах, как они обнимали с радостию и слезами Н.И., вспоминая притом, что они в голодный год великую чрез него помощь получали, и то не только здешние жители, но и от дальних чужих селений...».²

Семен Гамалея старается оповестить всех знакомых: Новиков на свободе! Еще одно похожее письмо, но с новыми деталями, помечено 29 декабря 1796 года. Оно адресовано тульскому помещику, плодовитому писателю и видному масону В.А. Левшину: «... Вы желаете знать, как дети встретили Николая Ивановича? Сын в беспамятстве подбежал, старшая дочь в слезах подошла, а меньшая нова, ибо она не помнила его и ей надобно было сказывать, что он отец ее, что Алексей Иванович (А.И. Новиков (1747—1799), родной брат Н.И. Новикова — прим. А. Нефедова) и исполнил».³

По пути из Петербурга в Авдотьино Николай Иванович заехал и в село Валовое тогдашнего Бронницкого уезда. Здесь он встретился с другом и учеником Федором Ключаревым, с которым впоследствии активно переписывался. Всего несколько дней провел недавний узник дома, как в Авдотьино прискакал фельдъегерь, переполошивший всех домашних. Ему было приказано без промедления доставить Николая Ивановича вновь на берега Невы, прямо в кабинет Павла I. Опальный книгоиздатель предстал перед государем в дорожном платье и с небритой бородой. Беседа длилась около часа. Детали ее противоречивы. Говорят, Но-

Император Павел I

виков был осыпан милостями и обещаниями, но просил сам немного: освободить всех томившихся в Шлиссельбурге узников и решить вопрос с уплатой его долгов. Царедворцы боялись, что Павел Петрович, в пику своей покойной матушке, приблизит к себе гонимого Коловиона, дарует ему должности и иные награды. Но этого не произошло.

Хотя первоначально Новиков был очень рад результатам встречи с новоиспеченным государем. Свидетельство тому — еще одно письмо Семена Гамалея неизвестному лицу, в котором мы нашли приписку, смысл которой еще предстоит разгадать: «P.S. По написанию сего я получил письмо от Н.И., что он 5 — го ч. в 5 часов попол. представлен был М — у и весьма милостиво принят, так что описать не может. — Слава Богу».⁴

Данные в восторженном порыве обещания Павел I не выполнил. До конца своей жизни Новиков боролся с долгами. С большим трудом, используя всевозможные способы, закладывая и перезакладывая Авдотьино, продавая посредством друзей свое движимое и недвижимое имущество, некогда богатый предприниматель-просветитель очень медленно гасил задолженности и проценты кредиторам.

Но жизнь продолжалась. Постепенно приходя в себя от тягот заточения, Новиков продолжил начатое еще до ареста строительство кирпичных домов для крестьян. В них и теперь, спустя два века живут потомки новиковских землепашцев и дворовых.

В 1799 году скончался брат Николая Ивановича. Этот факт стал нам известен благодаря одному из многочисленных писем С.С. Гамалеи, адресованных неустановленному лицу: «Сообщу печальную весть, которой вы не могли столь скоро ожидать: друг наш А.И.Н. скончался на 51 г. в 11 ч. ут. 23 го окт. — Он болен был с 11

гогеморoidalною горяч-кою. — Да будет ему вечный покой!».⁵

По некоторым сведениям в 1800 году Николай Иванович построил новый двухэтажный флигель, на фасаде которого стараниями депутатов Московской городской думы в 1911 году в торжественной обстановке была установлена скромная мемориальная доска.

О его хозяйственных заботах той поры лучше всего говорит одно из писем к другу и родственнику Михаилу Рябову, который в 1783 году был казначеем Академии наук, а спустя три года в чине надворного советника вышел в отставку. Кстати, М. Рябов был женат на Марии Хрущовой, дочери двоюродной сестры Новикова. Итак.

«7 ноября 1804 г., Тихвинское

Таким был Новиковский флигель в 1990-е годы

Любезный друг, милостивый государь мой Михаилу Прокофьевич!

Любезное ваше письмо от 7 августа я имел удовольствие получить в свое время, но по сие время, хотя и усердно желал, по причине нужд, хлопот и припадков, а особливо нового глазного, умедлил ответом; да и теперь пишу с нуждою и буду отвечать только по хозяйственным статьям письма вашего:

1). радуюсь сердечно, что полюбились вам книги: желаю, да принесут они вам всю ту пользу, которую они принести могут. Л [юбезный] друг! только не ленись переписывать, а их много, и одна другой лучше.— Присылай их скорее, и реестр всему, что у вас есть,— так пришлю других.

2). Ученика вашего для садового мастерства возьму с охотою и под свой надзор на следующем основании: чтобы он платье, обувь и прочее, так как и положенное жалованье имел от вас; разумеется и пищу, которая по здешнему штату есть следующая: муки 2 пуда, круп четверка, мяса в мясоеды 5 фунт [ов] в неделю, и сверх того я плачу тому, у кого он есть будет, за варенье, печенье и мытье по 80 к. в месяц; сверх сего на масло и соль по вашему рассуждению: работа тяжелая и беспрестанная, так надобно, чтобы он был сыт и доволен; — я бы советовал отдать двоих: которым удастся в мастера, а другой помощником. Рубашек и порток по крайней мере в год надобно по 3, а еще лучше по 4, ибо у них очень скоро носятся.— Извольте присылать одного или двоих, как вам угодно.

3). Семян огуречных, дынных и арбузных с первою оказиею к вам пришлю.

4). Груш и баргамотов привили, но не много, по той причине, что не на многих были побеги; но которые есть, теми служить буду, а протчие впредь.

5). Теперь об овсе сеяном и саженом в саду и в поле:

1). в саду посажено было овса 11 фунт [ов], собрано (несмотря на великую растрату от птиц и помятья зеленого и на ошибочное полонье) всего 12 четвериков, а в четверике весу 31 фунт.

2). в поле посеяно было 2 четверти 3 четверика с четверкою: собрано 15 четвертей 2 четверика — вес 31 ф. в четверике.

3). посажено было на 1 ¹/₂ ниве 8 четвериков, собрано 23 четверика (не смотря на вред в полонье неискусном, и что у нивы изрядный угол стравлен лошадьми); в четверике вес 32 ф. Вот вам верное и подробное сведение. Ежели господь благословит, то будущею весною намерен продолжить еще сей опыт.

6). Что касается вообще до урожая сего лета, то он был следующий:

1). пшеница озимая пропала; яровая в умолоте оказалась весьма посредственна.

2). рожь озимая и яровая ужином посредственная, но умолотом очень хороша: по четверти из копны: но то беда, что посев был только половинный.

3). ячмень всем посредственный.

4). горохи очень хороши.

5). овсы очень хороши, а наипаче умолотом: по 2 четверти из копны.

6). Греча пропала.

Вот вам и в етом отчет. Сена самые худые: и половины нет противу прошлогоднего.

Насилу смог и кое-как писал, почему и окончу, пожелав вам всем милости и благословения господня, а с ними доброго здоровья и всех благ! Поцалуй за меня мою любезную Марью Ивановну [Рябову] и всех, благоверных чад ваших.

Есмь навсегда с искреннего любовью, дружеством и почтением, вашим искренним и верным слугою.

Н. Новиков». ⁶

В облагораживании авдотьинского сада ему помогал Павел Шварц — сын покойного друга Новикова И.Г. Шварца, который вместе со своей матерью Н.И. Шварц жил в Авдотьине с начала 1790-х годов. Впоследствии П. Шварц стал известным агрономом и садоводом. Сам он говорил, что с юных лет, еще у Новикова в Тихвинском, он под его непосредственным влиянием «полюбил страстно часть сию, занимался оною беспрестанно и желал по возможности способствовать распространению открытий, сделанных ... флеристами и помологами».

Шварц стал издателем первого в России «Садового календаря на 1824 год», действительным членом Российского общества любителей садоводства и членом-корреспондентом Ученого комитета.

В усадебном саду стали появляться диковинные для Подмосковья растения. Об этом опять же красноречиво говорят письма, отправленные из Авдотьино.

Из письма А.Ф. Лабзину 27 марта 1798 года: «... Еще-таки просьба... не можно ли через ... г. Сумбурского (известного агронома Андрея Афанасьевича Самборского — прим. А. Нефедова) достать всяких английских хлебных семян, хотя по пригоршням... попросите семян арбузных и дынных: у меня... запас перевелся».

Из письма А.Ф. Лабзину 27 марта 1798 года: «... помогайте моему... садовничеству, ежели можете чрез кого достать хороших семян: 1). гвоздичных; 2). левкоев летних и зимних; 3). фиолей... также черенков яблоневого, грушевого, вишневого и сливного, хороших сортов. ... Отрезы их

(черенков — прим. А. Нефедова) вымазать медом и после завернуть в вымазанную медом же бумагу, а потом в тряпицу «сверх сей обернуть сырым мохом, а потом в войлок и в рогожку...».

В 1792 году, накануне ареста Новикова в Авдотьино-Тихвинском насчитывалось 285 крестьян мужского и женского пола, из которых 127 человек значатся «дворовыми людьми», т.е. фактически не крепостными. У дворовых людей насчитывалось 19 лошадей, 12 коров и почти 200 овец на 19 семей. В 17 крестьянских семьях Авдотьино, в которых было 158 человек, насчитывалось 78 лошадей, 44 коровы, 145 овец, 322 курицы, 20 ульев и две свиньи. А это говорит о том, что не только крестьяне, но и дворовые люди имели надельную землю, без которой содержание скота было бы бессмысленным. Все же земли в имении было 483,4 десятины под пашней, сенокосами и усадебными участками.

Озимой пшеницей засаживалось больше половины всех площадей — 270 десятин, что составляет около 15 десятин на каждый двор (семью). Даже в случае плохого урожая авдотьянцы обеспечивали себя хлебом полностью, а при хорошем урожае — значительную часть излишков засыпали на хранение в общественные амбары.

На «общественном скотном дворе» для «барщинной» работы содержалось 67 лошадей, 10 быков и волов, два плуга, 47 сох, 36 борон, 43 косы, 49 серпов, телеги, сани, дровни. В хозяйстве широко применялись и агротехнические новинки — английские плуги, бороны с железными зубьями, сохи с двухлемешным отвалом, английские «станки» для резания сечки, «машины» для подсеивания и веяния хлеба, для сбивания коровьего масла, для выдергивания пней и деревьев.

Дом-связь со старинной гравюры

Стадо крупного рогатого скота состояло из высокопродуктивных пород — голландских и черкасских коров, славящихся своей высокой удойностью и значительным содержанием жира в молоке.

Применяя в своем имении передовые агротехнические приемы и методы земледелия, проводя различные опыты, Новиков использовал имеющиеся у него всегда под рукой в своей библиотеке книги по экономике, сельскому хозяйству, домоводству.

В Авдотьино не было ни одного пустующего «клочка земли», были расчищены и засеяны все прежде «побросанные места», отчего посев хлеба увеличивался ежегодно и вырос «до невероятного числа» урожая, излишками которого Новиков мог кормить обездоленных и голодающих крестьян окружающих Авдотьино «казенных» (государственных) и «дворянских» (владельческих) селений.

Задолго до правительственного указа 1801 года Новиков установил нормы работы на себя и на крестьян поровну (по три дня в неделю), в выходные и праздничные дни крестьяне и вовсе не работали.

Еще в конце 1780-х годов в Авдотьино крестьяне расчищали ранее заброшенные места, обрабатывали и засеивали их ежегодно по «собственной системе Новикова», в результате которой и обрабатываемые поля, и выращенный на них урожай «возрастали неуклонно».

Все эти наработки Новиков постепенно возрождал после возвращения из Шлиссельбурга. Исполдволь он вводил в быт авдотьянцев общественно-кооперативные начала: крестьяне и дворовые люди жили в добротных и благоустроенных домах, их дети обучались грамоте, разным ремеслам и рукоделию. Семьи были обеспечены лошадьми, рогатым скотом и необходимым инвентарем для обработки земли.

Новиков увлекся медициной, выписывал различные лекарства, сам составлял тинктуры (микстуры), настойки и лечил ими вполне успешно своих домашних, близких друзей, крестьян. Иногда он бывал в Москве. А в 1805 году попытался даже вернуться к издательскому делу, которое могло помочь ему погасить долги. На проходящих в очередной раз торгах в Университете он предложил за аренду типографии занятые у друзей 11 тысяч рублей, но сделка так и не состоялась.

В начале 1800-х годов ради поправления своих дел Новиков завел в Авдотьино суконную фабрику. В 1808 году министр внутренних дел просил его расширить производство, обещав поддержку из казны. На занятые деньги Новиков увеличил число станов с 10 до 34, но ожидаемой финансовой помощи так и не получил.

Соорудил Новиков и «винокурный заводик», однако подробности об успехах на этом поприще нам неизвестны.

В 1810 году он сумел добиться отсрочки части платежей по долгам, но бремя долгов впоследствии угнетало и дочь книгоиздателя.⁷

Хлопотливая жизнь в Авдотьино была внезапно нарушена осенью 1812 года. Французские отряды приблизились к имению, шайки мародеров грабили окрестные селения. Из человеколюбия Новиков по рублю серебром выкупал у крестьян полугодных пленных. О чем уже было сказано ранее.

В начале 1800-х годов оставшийся не у дел издатель предпринял еще одно начинание. На этот раз на ниве создания рукописной пятидесятитомной Герметической библиотеки, составлять которую он начал еще до заключения. В этом деле ему активно помогали Семен Иванович Гамалея, дети Иван, Вера и Варвара, дети розенкрейцера Шварца Петр и Павел.⁸

Создание Герметической библиотеки было для Новикова делом необычайно важным. Французские энциклопедисты, обрушившие на голову человека последней четверти XVIII столетия массу будоражащей умы информации, были для Новикова непосредственными предшественниками кровавого якобинского «хаоса». Вслед за «классиками» масонства Новиков считал, что человек должен приобретать знания постепенно и в определенной последовательности. Этой задаче и должна была служить Герметическая библиотека, все тома которой создавались в двух экземплярах. К счастью большинство этих книг сохранилось и находится теперь в фондах двух крупнейших государственных библиотек.⁹

Расположение текстов в Библиотеке было строго регламентировано масонской иерархией. Первый том представлял собою «Химическую Псалтырь» Парацельса, в 11 томе помещался «Пробирный камень» Фиктульда. Книги, посвященные химическим вопросам, перемежались с философскими сочинениями для того чтобы дух человеческий

МОЛИТВА.

Благодареніе о святой Церкви; и о томъ, что БОГЪ изво-
ляетъ содержать и защищать оную.

О Благій, милостивый и Милосердый ОТЕЦЕ и любительо зе-
ловато въ! благодарилъ Тебя, яко отъ начала міра собиралъ и
созывалъ еси себѣ, изъ рода человеческого, святого Христіанскаго
Церковь, и открылся ей во свягомъ Словѣ твоимъ; Которая иди-
но познала Тебя Отца, Сына и Святаго Духа; Которая въ Тебѣ
всеровала, призывала, штила, хвалила и вликала. Таки благода-
рилъ Тебя, яко поставилъ еси съ нѣмъ святымъ союзъ благодати:
изволявши быти милостивымъ ея БОГОМЪ и отпустить грѣхи
ея, ради драгихъ заслугъ ХРИСТА, возлюбленнаго Сына твоего;
обетовалъ ей Святаго Духа Евоуе, ея прощѣщающаго, научаго =
щаго, укрѣпляющаго, утѣшающаго, освящающаго, руководя-
ющаго ей, во всякой истинѣ содержащаго, и обильяющаго
ея; да послужитъ тебѣ во святомъ житіи, премудрости и
правдѣ: яко по благодати твоей обетовалъ еси, съблалъ ея свя-
того и блаженнаго, вѣщая грѣшъ возлюбленнаго Сына твоего:
НЕ бойся малое стадо, яко благоизволи ОТЕЦЪ, дати вамъ цар-
ство. Ты даровалъ ей такжеже многія славныя, и благодатно
обильныя, обетованія, о соединѣніи ея съ Тобого: и обрзу Тебя
себѣ во всякъ: и обрзу Тебя себѣ въ правдѣ и въ святѣ, и въ
* милости, и въ щедротяхъ: и обрзу Тебя себѣ въ вѣрѣ, и чистѣ
Господа. И еще заговѣшъ ты: на сѣмъ камени созижду Церковь
*) мою, и врата ада не одолжатъ ея.

Автограф Н.И. Новикова. Публикуется впервые

становился «крепче» и «выше. К ним относится книга «Должности братьев Злато Розового Креста Древняя системы». Постепенно в «Библиотеке» появлялись «двуязычные», «синтетические тексты», допускающие толкование Истины на двух уровнях, в двух системах: системе нравственных норм и отношений и системе взаимосвязи и взаимодействии веществ в природе. Таким текстом стал помещенный в 15 томе «Великое Розариум то есть Розовый сад философов». Подобные тексты в XVIII веке были достаточно распространенными. Обычно они встречаются в виде вставок в различные алхимические тексты. Примером тому может служить изданный Новиковым в типо-

графии И. Лопухина в 1783 году «Хризомандер». На его страницах постепенную эволюцию главного героя Кибрика можно объяснить с точки зрения его нравственного самосовершенствования, которое совершается по мере прохождения через горнило испытаний. С химической же точки зрения Кибрик может быть интерпретирован как металлический сплав, включающий в свой состав и золото, содержание которого постепенно повышается, поскольку сплав вступает в реакцию с кварцевыми породами, содержащими так же золото. В конечном итоге сплав насыщается золотом до такой степени, что при реакции некоторых металлов с ним, сопровождаемой сильным нагреванием, они амальгамируются.

Структура подобных «синтетических» текстов обуславливается последовательностью превращений, необходимых для получения в чистом виде серы и ртути, считавшихся у алхимиков и масонов основными элементами, или для очищения некоего металла до чистоты золота, что видно в тексте «Хризомандера».

В текстах XVIII и XIX веков нередко встречаются противопоставления: золото, ослепляющее блеском, и золото, излучающее сияние мудрости. Золото естественное, встречающееся в песке или самородках, олицетворяет деньги, а значит коварство и разврат, золото же добытое искусственно, «... есть совершенный металл, в котором все стихии в равенстве находятся... есть отпечаток солнца», которое символизирует истину. Так гласит «Теоретический градус Соломоновых наук». Герметическая библиотека должна была, по мнению Новикова, стать «книгой книг» для всех ищущих истины. И здесь особое значение для Новикова и его философской установки приобретал сам путь к вершине знаний, последовательный и прекрасный

в своей законченности, индивидуальный для каждого человека, сочетающий в себе развитие и совершенствование внутренней жизни отдельного человека с практическим познанием им принципов взаимодействия веществ в природе. Таким был Новиков: журналистом, издателем, рачительным хозяином, воспитателем, мистиком.

Любопытные сведения о Герметической библиотеке можно найти в воспоминаниях архитектора Лаврентия Витберга, посетившего Авдотьино в пору реализации его замысла по строению храма Христа Спасителя.

«Я посвятил себя одному храму, на него употребил все силы души моей...», — так писал в воспоминаниях крупнейший российский архитектор с необычайно трагической судьбой Александр Лаврентьевич Витберг (1787–1855) о своем воистину титаническом труде по созданию храма Христа Спасителя — памятника русским воинам, погибшим в Отечественную войну 1812 года.¹⁰

Карл Витберг, нареченный при крещении в православие Александром, родился 26 января 1787 года в семье шведского художника, переехавшего в Петербург в 1773 году. Образование он получил в петербургской Академии художеств и первое творческое признание приобрел как исторический живописец. Однако свой гениальный талант ему было суждено проявить в архитектуре.

На Рождество, 25 декабря 1812 года, когда на российских полях сражений не осталось ни единого наполеоновского солдата, а в церквах звучали первые благодарственные молебны за избавление «от нашествия галлов и с ними двенадцати языков», император Александр I издал манифест. В нем говорилось, что «спасение России от врагов... поистине достопамятное происшествие, которое не изгладят веки из бытописаний». В честь победы

и в память о погибших в первопрестольной столице император повелевал воздвигнуть памятник: «да простоит сей храм многие веки, и да курится в нем... кадило благодарности позднейших родов, вместе с любовью и подражанием к делам их предков».

Вскоре после выхода манифеста был объявлен конкурс на проект храма. В 1816 году двадцать участников представили свои проекты. И хотя в конкурсе участвовали такие знаменитости, как А. Воронихин и Дж. Кваренги, победителем был признан в то время мало кому известный художник и архитектор А. Витберг.

Зодчий предложил выстроить храм на Воробьевых горах. Архитектурный ансамбль должен был занять весь склон горы. Храм представлял собой как бы три возвышающихся друг над другом храма, имевшие в плане параллелограмм, крест и круг, общей высотой в 240 метров.

Нижний, как его называл зодчий, «телесный храм» размещался внутри холма на середине склона. От него отходили подземные катакомбы, которые служили бы братской могилой для всех павших в Отечественную войну воинов. По замыслу Витберга, «так как в греко-российской церкви под престолом частица мощей... так и тут в основу телесного храма положены бы были тела погибших жертв за телесное отечество, и в храме, в воспоминание 1812 года воздвигнутом, служили бы потомству воспоминанием тех событий, а смерть сих воинов причина воздвижения онаго». На стенах катакомб предполагалось высечь имена погибших от генерала до солдата.

Нижний храм соединялся со средним — «душевным» и верхним — «духовным» внутренними лестницами. По бокам храма стояли стометровые обелиски из завоеванных

А. Л. ВИТБЕРГЪ.

Академикъ, строитель храма Спасителя въ Москвѣ.

1787—1855.

Гравир. Герасимовъ.

в боях пушек. Венчали храм пять куполов. Над всем городом и далеко в окрестностях должны были быть слышны 48 колоколов, подобранных в четыре гармонических аккорда.

Как известно, проект Витберга оказался неосуществленным. После торжественной закладки 12 октября 1817 года началась медленная подготовка к работам, но

дальше рытья котлована дело не пошло. Новый император Николай I в пику своему либеральному предшественнику приказал приостановить строительство. Витберг был обвинен во взяточничестве и казнокрадстве и отправлен в ссылку а Вятку, из которой он вернулся в Петербург лишь в 1840 году...

«Я понимал, что этот храм должен быть величествен и колоссален», — писал Витберг впоследствии. Даже сам проект храма поражал современников. Не говоря уже о тех колоссальных подготовительных работах, которые предшествовали основному строительству. Витберг сам разыскал залежи подмосковного мрамора в казенных деревнях Ладыгино и Григорово в нынешнем Одинцовском районе Подмосковья.

Англичанин Мурзай собрал единственную по своей мощности в тогдашней России «водоподъемную машину» для поднятия водяного столба на 70 метров, которая должна была использоваться на строительных работах.

Возведение храма на Воробьевых горах потребовало строительства канала для соединения Москвы и Петербурга, позволившего наиболее дешево доставлять водным путем строительный материал из Карелии. Между рекой Сестрой, притоком Дубны, и Истрой строился канал с тридцатью тремя шлюзами.

Историкам архитектуры известно, что Витберг разработал два проекта храма. Закладка храма проходила по проекту 1817 года, окончательный же проект был высочайше утвержден в 1825 году, незадолго до восстания на Сенатской площади.

Между этими проектами прошло почти девять лет и несколько поездок архитектора в подмосковную усадьбу известного книгоиздателя и просветителя Николая

Ивановича Новикова, которого Витберг весьма ценил и уважал. Новиков и его друг С.И. Гамалея дали много ценных советов молодому зодчему. В частности, в окончательном варианте появился подземный храм (что очень характерно для масонского учения) и многомаршевый спуск к реке.

Об одной из своих поездок в Авдотьино вскоре после изгнания французов из Москвы Александр Лаврентьевич оставил интересные воспоминания, которые он начал писать во время ссылки в Вятку в 1836—1838 годах по совету находящегося там же Александра Герцена.¹¹

«... Мы поехали. По Бронницкой дороге, верст за 50 от Москвы, стал виднеться шпиг церквы села Тихвинского. Небольшая деревенька и бедная». Вскоре открылся и ветхий господский дом, обнаруживший недостаток; запущенный сад и все окружающее показывало нужду и отшельничество. Мы взошли. Я нашел Новикова старым, бледным, болезненным, но взор его еще горел и показывал, что еще может воспламеняться и любить...

... Я сказал Новикову о цели моего приезда. Он желал видеть проект, говорил, что очень рад, что я вздумал навестить старого страдальца и отшельника, что уже много о нем (о проекте храма Христа Спасителя — прим. А. Нефедова) слышал, и я, развернув проект, начал мое объяснение, стараясь как можно строже изложить оное. Я мог заметить, что Гамалея слушал холоднее Новикова, но Новиков слушал, как любитель изящного».

Витберг пытался выразить в архитектурном убранстве храма глубокие философско-мистические идеи. Одновременно его мучила боязнь неодобрения деятельности живописца и архитектора, который занимается «одним наружным» (не задумываясь над внутренним — фило-

софским смыслом архитектуры — прим. А. Нефедова), и непризнания нужности храма, воздвигаемого Россией со стороны Новикова, стоявшего на высоких ступенях мasonicкой иерархии, «который всю жизнь воздвигал в ней храм иной, колоссальный, и великий!» Однако Николай Иванович попытался рассеять сомнения молодого зодчего, сказав, что «наружные дарования — науки и искусства... отнюдь не мешают, но способствуют к внутреннему развитию».

«Старики, казалось, полюбили меня. Я провел у них несколько дней и после раза два приезжал к ним. Каждый раз беседовали мы долго; мне было очень любопытно знать жизнь Новикова. Много рассказывал он...

... В то время, когда я познакомился с ними, я застал их обоих все еще занятыми. Гамалея переводил с немецкого и латинского языков книги герметические и религиозные... Новиков показывал мне свою небольшую библиотеку, где было много книг, переплетенных собственной рукой Новикова. При этом он заметил: «Вот сколько труда; но с искренней скорбью вижу, что некому завещать все это, некому передать мысли для продолжения начатого».

Впоследствии времени я раза два-три посещал их; в одном из посещений я просил его дозволить снять его портрет. Новиков позволил, но Гамалею я не мог уговорить.

Дальнейшие подробности опустим мы; кто знает Новикова, тот знает, что он был за человек, кто не знает — тот не может и искать здесь полного сведения об этом великом человеке...

Новиков мне предсказывал успех и просил, чтоб я ему сообщил, как проект мой будет принят государем, что (я) и исполнил...».

Первое посещение Витбергом усадьбы Авдотьино состоялось летом 1815 года. В эту или в последующие свои поездки он нарисовал карандашный портрет Новикова, ставший одним из последних известных на сегодняшний день прижизненных изображений книгоиздателя. О совместной работе Витберга и его наставников и советчиков — Новикова и Гамалеи над проектом храма Христа Спасителя и поныне хранят память две закладные медные доски с изображениями храма 1817 и 1825 годов. Они были встроены в стену за алтарем одноименного храма, воздвигнутого на Волхонке по проекту архитектора К.А. Тона.

Повествование о жизни Н.И. Новикова и его семейства в Авдотьино на рубеже XVIII—XIX столетий будет неполным, если мы не коснемся темы, которую в последние годы распространяют недоброжелатели и ура-патриоты. Настала пора поставить точку в вопросе — продавал ли Новиков своих крепостных крестьян?

Никаких, подчеркиваю, абсолютно никаких документальных свидетельств в виде «купчих крепостей» или расписок, касающихся продажи Новиковым своих крестьян, до сего времени ни в одном архиве не обнаружено. На чем же тогда основан бытующий уже ни один век слух? Где тот «огонь», откуда пошел мрачный «дымок»? Известны лишь два, весьма косвенных, факта, которые многие «исследователи» интерпретируют каждый на свой лад. Сегодня мы публикуем оба этих документа и ставим их рядом исключительно ради торжества справедливости.

Письмо первое: Н.И. Новиков — П.П. Бекетову
«Милостивой Государь Платон Петрович!

Уведомился я от человека моего Никифора Смирнова, что вы изволите покупать человека моего Андрея

Иванова, и согласились за него дать 800 руб. с тем, что платеж пошлин и написание крепости на ваш счет; также и на то, что по невозможности во время рекрутского набора написать купчую до Генваря будущего года, что бы взять от меня писменное обязательство до написания крепости и дать половинную сумму денег. Но я прошу вас согласиться на следующее: первое чтобы деньги все дать ныне, а второе ассигнациями, а на цену я согласен. Почему и прошу покорно написанное условие от служителя моего Никифора Смирнова принять и деньги 800 руб. ассигнациями ему пожаловать отдать. Но как я не имею чести быть вам знаком и почерка руки моей знать не изволите, то ежели в оном усомнитесь, то я приказал человеку моему сходить к Его Превосходительству Федору Петровичу Ключареву и попросить его засвидетельствовать сие мое условие, для удостоверения вашего.

Впрочем, пользуясь сим случаем, я рекомендую себя в знакомство ваше, и предлагаю услуги свои, в разсуждении довольно обширного и опытного моего знания в производстве типографских работ и книжной торговли, и ласкаю себя советами своими заслужить вашу благосклонность: в которую и ныне препоручая себя, останусь на всегда с искренним почтением Милостивый Государь вашим покорнейшим слугою Николай Новиков.

25 октября 1802.

Село Тихвинское». ¹²

Достоверно неизвестно, состоялась ли сделка по продаже некоего крестьянина, и получил ли Николай Иванович столь нужные ему для поддержания хозяйства и расплаты с кредиторами деньги. Как уже упоминалось, никаких документов на сей счет нигде не найдено. С большой долей

вероятности можно сказать о факте попытки Новиковым наладить контакт с известным в ту пору издателем Платоном Бекетовым: ничего из этой затеи не вышло, как не увенчалась успехом и позднейшее намерение вновь арендовать типографию Московского университета.

Второе свидетельство о продаже Новиковым своего крестьянина бытует в нескольких весьма похожих пересказах. Дадим слово наиболее авторитетному источнику — князю Петру Андреевичу Вяземскому: «Д.П. Бутурлин рассказывал, что в отроческих летах ездил он с отцом своим по соседству в деревню к известному Новикову. У него был вроде секретаря молодой человек из крепостных, которому дал он некоторое образование. Он и при гостях всегда обедал за одним столом с барином своим. В одно лето старик Бутурлин, приехав к Новикову, заметил отсутствие молодого человека и спросил, где же он? «Он совсем избаловался, — отвечал Новиков, — и я отдал его в солдаты». Вот вам и либерал, мартинист, передовой человек! А нет сомнения, что Новиков в свое время, во многих отношениях, был передовым либералом в значении нынешнего выражения. Что же следует из этого вывести? Ничего особенного и необыкновенного. Поступок Новикова покажется чудовищным, а потому и невероятным нынешним поколениям либералов. Он и в самом деле неблагоприятен и бросает некоторую тень «на личность Новикова». Но в свое время подобная расправа была и законна. И очень просто вкладывалась в раму тогдашних порядков и обычаев. Дело в том, что можно быть передовым человеком по тому или другому вопросу, каковым был Новиков, например по вопросу печати и журналистики, а вместе с тем быть, по иным вопросам, строгим охранителем

телем и сторонником порядков и учреждений не только нынешних, но и вчерашних». ¹³

Подлинные исторические документа рисуют нам и печальную картину последних дней жизни просветителя, около которого неотлучно находился С.И. Гамалея. В одном из писем лета 1818 года он писал неизвестному теперь адресату: «Желаю, чтобы вы предварительно себя успокоили прочтением Матф. XI. 28. XXIII. 8. Иоан. XV. 5., а что касается до описания кончины усопшего друга нашего, то вскоре после отъезда вашего так сильно почувствовал боль, что не мог без вожатого ходить и с палкою, а 26-го июня не могли вести его от стола и он весьма страдал; 5-го июля поутру в 9 часу жаловался мне, что левая нога необыкновенно болит и что он думает призвать священника и исполнить учрежденное, что тотчас и исполнено, и он после причастия потребовал книгу И. Арндта и сам прочел благодарственную молитву; потом вскоре начало лице у него изменяться, и рот несколько скривился, и вся левая сторона отнялась. Призванные лекаря объявили, что то паралич, но он еще жив быть может, а 23-го июля призванный сказал, что у больного на пояснице в пролежне антонов огонь оказался; вскоре потом начали чувствовать служащие смрад, а болящий ослабевал со дня на день более.

Пока был еще в силах, то охотно слушал чтение Св. Писания, а 30-го числа перестал явственно говорить, и храпел и стонал необыкновенно, а 31 го июля в половине 5 го часа поутру затих и так скончался». ¹⁴

В другом письме также неизвестному адресату, Семен Гамалея спешит сообщить о кончине Новикова и просит уведомить об этом братьев-розенкрейцеров: «... А вас прошу уведомить бр., что здешний хозяин Н.И., буду-

чи болен параличем с 5-го июля по 31-е число, сегодня поутру в 5 часу испустил дух. Я не мог по слабости его сказать ему о том, что вы приписали в вашем письме; извините меня».¹⁵

В отделе письменных источников Государственного исторического музея удалось отыскать переписанное от руки письмо С.И. Гамалеи с любопытным комментарием неизвестного лица. Итак, 20 декабря 1820 года Гамалея пишет Василию Левшину: «Так как все мы смертные, то и Вера Николаевна Новикова заплатила сей долг 15 декабря во 2 часу поутру, отошедши от нас в вечность. Пожелаем ей покоя вечного. Аминь». «Сын Николая Ивановича, — пишет ниже безвестный комментатор, — после испуга при арестовывании отца остававшийся, как помешанный, после смерти сестры, по продаже имения доставшегося Г. Чельшеву так и перешел с имением к нему, который сказывали и содержал его до конца жизни. Новый владелец, рассказывали, устроил при етом имении богадельню и имение приписал к ней, и сам потом уже скончался. Итак имение Николая Ивановича питает теперь бедных! Вот как провидение устроило! Нельзя, чтобы Николай Иванович и там сему не порадовался».¹⁶

Примечания:

1. 7 ноября 1796 года Павел I подписал рескрипт, вменяемый гр. А.Н. Самойлову освободить из крепости Н.И. Новикова, его слугу и М.И. Багрянского. См.: Сборник русского исторического общества. Т. II. С. 144.

2. Письма С.И.Г. Книжка III, М., Университет. тип., 1839. С. 55–56.

3. ОПИ ГИМ. Фонд 281, оп.1, дело 183, лист 3.

4. Письма С.И.Г. Книжка III, М., в Университетской типографии, 1839. С.56.

5. Там же. С. 59.

6. Здесь и далее письма Н.И. Новикова цитируются по: Новиков Н.И. Письма Новикова. — СПб., 1994.

7. Прошение Новикова об отсрочке платежа долга опекуному совету // Библиографические записки. 1859. № 17. С. 536—539.

8. О Герметической библиотеке подробнее см.: Нефедов А.В. Торжество слова и дела. Книгоиздатель Николай Новиков: возвращение из небытия. М., 2015. С.51—71 (Глава «Тайны Герметической библиотеки»).

9. 35 томов (частей) Герметической библиотеки находятся в РО РНБ. Q-III. 211/1—211/35 (тома: 1—3, 5—16, 19—23, 24, 26—28, 30, 32—35 и 37—43). Недостоящие тома этого комплекта: 4, 17, 18, 29 и 31 находятся в собрании рукописей Н.С. Тихонравова в НИОР РГБ. Ф. 299. Тома, находящиеся в РО РНБ были составлены в 1806—1815 гг. разными почерками. Каждый том переплетен в зеленый сафьяновый золотообрезный переплет, с золотым тиснением. В свою очередь в НИОР РГБ хранятся 49 томов (частей) второго комплекта. Ф 14. Ед. хр. 1579—1627. О Герметической библиотеке см. также: Краткий отчет рукописного отдела за 1914—1938 гг. Л., 1940. С. 70; Билинкис М.Я. Герметическая библиотека Н.И. Новикова // 500 лет гностицизма в Европе. М., 1994.

10. Здесь и далее воспоминания цитируются по: Записки академика Витберга, строителя храма Христа Спасителя в Москве. / Примеч. П.Н. Петрова // Русская старина. 1872. Т. 5. № 1.

11. О дружбе А. Герцена и А. Витберга см.: Судовников М.С. Герцен: сюжеты вятской жизни. Киров. 2012. С. 71—77. Александр Герцен посвятил А. Витбергу целую главу в «Бы-

лом и думах»: Герцен А.И. Собр. соч. в 30 т. Т. 8. М. 1956. С. 277–290. (Ч.2. Гл.XVII).

12. Новиков Н.И. Письма Новикова. СПб., 1994. С. 65

13. Вяземский П.А. Выдержки из старой записной книжки, начатой в 1813 году // Русский архив. 1873. № 11, Стб. 2148–2169.

14. Письма С.И.Г. Книжка III, М., в Университетской типографии, 1839. С.61–62.

15. Там же. С. 191.

16. ОПИ ГИМ. Фонд 281, оп.1, дело 183, лист 11.

Глава 7

Согласием и трудами

... Поздними зимними вечерами он уединялся в своем кабинете на втором этаже усадебного дома. На столе теплилась одинокая свеча, в камине полыхали сухие березовые дрова, нарушая тишину веселым потрескиванием. Николай Иванович с грустью поглядывал на огонь, воображая, как языки пламени печей московских кирпичных заводов пожирали когда-то его книги — плоды многолетних издательских трудов, трудов его друзей, которых он сумел сплотить вокруг себя, вокруг Типографической компании, в обществе единомышленников — филантропов. Друзья, друзья... Их было много. Верных, надежных, главное — понимающих его просветительские идеи. Настоящие друзья познаются не столько в радостях, сколько в горестях. К счастью многие из них, почти его ровесников, об авдотыинском отшельнике продолжали помнить. Помнил о них и Николай Иванович. Яркое подтверждение тому — дошедшие до нас письма. Век осмнадцатый был эпохой процветающего эпистолярного жанра. Спустя столетия

в том числе и по ним мы можем восстановить биографию «ревнителя русского просвещения» и его сподвижников.

* * *

Имя Андрея Тимофеевича Болотова (1738–1833) связано с развитием отечественной экономической мысли, сельского хозяйства, агрономической науки. Однажды Николай Иванович так емко отозвался о плодовитом писателе, переводчике, мыслителе: «Он великий экономист и ума необычного — российский Адам Смит, совокупивший в себе достоинства земледельца, натуриспытателя и философа, писателя и делового человека».

Будучи потомственным дворянином, отставным капитаном гвардии, он почти всю свою долгую жизнь провел в имении Дворяниново Тульской губернии, приезжая в Москву лишь для передачи издателям своих литературных и научных сочинений, а также многочисленных переводов. Он был свидетелем многих исторических событий, которые, будучи неплохим рисовальщиком, запечатлел на бумаге. Некоторые рисунки уцелели. Например «Казнь Е.И. Пугачева», «Особняк князя Белосельского» (в Богородицке Тульской губернии, где он одно время был управляющим) «Бунт в Киясовке», «Дом и пруды в Киясовке». Кстати, село Киясово, расположенное на территории нынешнего Ступинского района, так же тесно связано с именем Андрея Тимофеевича. С 22 июня 1774 по 9 ноября 1776 года он жил и работал в Киясове, являясь управителем Киясовской дворцовой волости. Именно здесь Болотов занимался разведением еще тогда диковинного в России картофеля, баклажан и помидоров, вывел первый сорт яблок «родомановский», написал несколько частей педаго-

*А.Т. Болотов
в своем рабочем кабинете. Автопортрет*

гического трактата «Детская философия», изданного Н.И. Новиковым.

Современному читателю больше всего известны не раз переиздававшиеся в наши дни мемуары «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков», охватывающие целые шесть десятилетий XVIII столетия и начало XIX века.¹ В свое время А.Т. Болотов прославился как автор журнала «Сельский житель» (1778—1779 г.г.) и выходившего с 1780 по 1789 годы в качестве приложения к газете «Московские ведомости» журнала «Экономический магазин», издававшегося Новиковым. За это время Болотов практически единолично сформировал сорок выпусков единственного в ту пору сельскохозяйственного журнала. Такую уникальную возможность предоставил ему Николай Иванович, понимающий важность развития прикладной сельскохозяйственной науки. Их первая встреча состоялась в сентябре 1779 года, вскоре после переезда Николая Ивановича в Первопрестольную. А.Т. Болотов по этому поводу написал в своих «Записках», что «сей день сделался наидостопамятнейшим почти в моей жизни». И далее: «Важный человек сей — был до сего времени мне совсем незнаком, и я об нем до того даже и не слыхивал. Он же, напротив того, знал меня уже очень коротко, по всем моим экономическим и даже нравственным сочинениям, и имел обо мне и о способностях моих весьма выгодные мысли... он принял меня с отменною ласкою и благоприятством и немог довольно изъявить своей радости и удовольствия о том, что получил случай со мной познакомиться. Признаюсь, что таковая неожиданная и благоприятная встреча была и самому мне весьма приятна. Мы вступили с ним тотчас в разные разговоры,

и как он был человек в науках и литературе не только весьма знающий, но и сам за несколько лет до того издавал нравственный и сатирический журнал, под именем «Живописца», и можно было с ним обо всем говорить, то в немногие минуты не только познакомились мы с ним, как бы век жили вместе, но слепилась между нами и самая дружба...».

Впоследствии Андрей Тимофеевич так же утверждал: «Стараниями Новикова весьма многим, одаренным склонностью к наукам и способностью к писанию и сочинениям, отворен был путь и преподан случай и возможность к оказанию своих способностей и сил разума, так что чрез самое то сделались они потом сочинителями и такими авторами, которые ныне истинную честь приносят своему отечеству». В числе этих славных людей был и сам А.Т. Болотов.

Об избранном в 1794 году почетным членом Королевско-Саксонского Лейпцигского экономического общества, которое переводило и печатало его работы, написано множество биографических книг. В этом плане ему повезло ничуть не меньше, чем Николаю Новикову. О том, как развивалась их дружба на склоне лет нам известно по сохранившейся переписке. Стоит привести лишь одно письмо. Письмо, характеризующее еще и духовную жизнь угасающего в Авдотьино книгоиздателя.

«Милостивый государь Андрей Тимофеевич!

Любезное и дружеское письмо ваше от 2-го Генваря и присланные книги я получил, за которые, равно как и за поздравление с Новым Годом и благие ваши желания, от искреннего сердца покорнейше благодарю; что касается до присланных книг, то они оказались по реестру вашему в кожаном переплете не все, а каких не-

достаёт, тем прилагаю здесь реестр: мне кажется, что забыт целый тюк.

Радуюсь сердечно о изливаемой на вас милости и благословении Господня в рассуждении состояния здоровья вашего; да благоволит Он и в сей наступивший новый год и на многие последующие за ним годы изливать на вас новые милосердия своего щедроты, до назначеннаго Им пункта времени: ибо и волос с головы нашей без воли Его не спадает.

Что касается до меня, то благая и пресвятая воля Его определила странствию моему в сем мире другой путь, Ему, возлюбленному Господу Богу и Отцу нашему, благоугодно было определить очищать 71-летнюю жизнь мою почти беспрестанными крестами: но притом и благоизволяет Он ниспосылать отличные утешения. Ежели бы все их описывать, так бы составила немалая книга. — К стате: скажу вам, как любопытному человеку, в минувшую войну случившееся со мною два удивительные происшествия. Первое: после поражений многократных в России Наполеона, или бича Божия на род человеческой, когда гнали его с безчестием из России, я видел сон, будто я иду на северо-запад, задумавшись о сих военных происшествиях, повеся голову и размышляя о том, что вперед быть может; поднял свою голову и ужаснулся, увидев человеческую фигуру столь великую, что голова его была к самому небу, а ноги стояли на земле, в одной руке держал он меч обнаженный и пламенный, а в другой пламенную же розгу; вся фигура сия состояла из крайне сгустившегося света, тысячекратно светлейшего полуденного солнца. Он произнес громко, как величайшая труба, но сладостной и неизъяснимо утешительной голос, сказав: Не бойся! обратись на север и посмотри и скажи мне, что ты увидишь. Я обратился

и увидел препространную долину, как только взор окинуть может, покрытую всю мертвыми телами во французских мундирах. Фигура сказала: это враги ваши поверженные лежат. Но не ваше мужество их победило, не ваша храбрость их поразила: моя всемогущая десница победила их, мой меч поразил их! Но вы опомнились ли? Я наказал вас сею розгою, яко отец, и помиловал; но смотрите — розга еще в руке моей, опомнитесь! Я так испугался во сне от сего видения, что проснулся.

Второе: 7-е число, в день Лейпцигского сражения и взятия Лейпцига, я проснулся в пятом часу по полуночи, и лишь только открыл глаза, как впал в мысль мою текст: Поражу враги твоя и постигну я и не возвращуся, дондеже скончуются и погибнут и не возстанут (сего последнего слова в тексте нет). Сей стих безпрестанно в мыслях моих обращался целой тот день, так что я за столом сказал всем своим собеседникам, что в сей день непременно должно быть наижесточайшее сражение, и велел меньшей дочери своей записать это число. Потом в свое время услышали о Лейпцигском сражении и взятъе Лейпцига и что последний день сражения по нашему исчислению был действительно 7-го числа.

Сколько силы мои позволят, то буду со всею охотою пользоваться вашим адресом, и в замену одного прилагаю свой: На мое имя, Московской Губернии в город Бронницы, для доставления в село Тихвенское.

Впрочем поруча себя дружескому и благосклонному вашему благорасположению ко мне, пребуду всегда с искренним почтением и любовью,

Милостивый Государь!

вашим покорнейшим слугою

Н. Новиков.

Генваря 11-го дня 815го С. Тихвенское». ²

* * *

Едва ли кто из русских поэтов пользовался славой, столь громкой при жизни и столь бесследно потом исчезнувшей, как Михаил Херасков. Современники считали его «российским Гомером», «знаменитым» и «великим». Карамзин в 1787 году в письме к Лафатеру называл его лучшим из русских поэтов. Перечисляя своих любимых авторов в стихотворении «Поэзия», он указал на одного только русского (все остальные — немцы и англичане), и этот один был Херасков.

Но прошли годы, и о нем постепенно забыли. Забыли несправедливо. Херасков внес свой заметный вклад в развитие отечественной словесности.

Род дворян Херасковых валахского происхождения перешел в Россию во времена Петра I. Отец Михаила служил при дворе императрицы Анны Иоановны и ушел из жизни в 1734 году в чине капитана гвардии, оставив свою супругу с тремя детьми. Спустя год, вдова Хераскова вышла замуж за князя Никиту Юрьевича Трубецкого, владевшего в ту пору подмосковной усадьбой Гребнево.

Благодаря отчиму и его связям, дети Матвея Андреевича попали в высшее столичное общество. Младший из братьев Херасковых — Михаил Матвеевич в 1743 году поступил в шляхетный кадетский корпус и после семи лет усердных занятий закончил его, имея большую склонность к стихосложению, чем к армейской службе. Но служить все же пришлось, правда, недолго, да и в северной столице — в Ингерманландском полку.

С начала 1750-х годов имя Хераскова появляется в первых русских журналах. В 1755 году он поступил ассессором в Московский университет, в котором прослужил в общей сложности почти сорок лет. На следующий

М.М.Херасков

год Херасков организует при университете театр, где с успехом шли сочиненные им пьесы. Он дружит с поэтом А. Сумароковым, великим актером Ф. Волковым. Вместе с ними создает грандиозное маскарадное действо по случаю коронации Екатерины II — «Торжествующая Минерва». В 1763 году он становится директором Московского университета.

Михаил Матвеевич был инициатором издания первых московских литературных журналов: «Полезное увеселение», «Свободные часы», «Невинное упражнение», «Доброе намерение». В журнале «Полезное увеселение» сотрудничали братья Денис и Павел Фонвизины, поэты И. Богданович, С. Домашнев, А. Ржевский. Постепенно они объединились в одноименный кружок, преобразовавшийся вскоре в тайную масонскую ложу.

Личное совершенствование, пропаганда образцов добродетели, идеи духовного богатства членов ограниченного кружка людей, просвещение — таковы направления деятельности масонов той поры, во главе которых в Москве встал Херасков.

В 1770 году его назначают вице-президентом Бергколлегии. А спустя пять лет Херасков, заподозренный в масонских связях с цесаревичем Павлом, попадает в опалу и лишается всех должностей. Но лишить поэтического дара его никто не мог. Впереди уже блистал радужными огнями скорый триумф.

Теперь трудно судить, чем руководствовалась императрица, смилостивившаяся над Херасковым и назначившая его в 1778 году куратором Московского университета. Уверенно можно сказать лишь одно — шаг государыни имел огромные последствия. Создание при университете Благородного пансиона и передача в 1779 году в аренду

на десять лет университетской типографии книгоиздателю Н.И. Новикову — уже только этого достаточно, чтобы внести имя Хераскова на скрижали истории.

Благородный пансион дал образование В. Жуковскому, В. Одоевскому, А. Грибоедову, Ф. Тютчеву, М. Лермонтову... Новиков отпечатал на университетских станках сотни книг небывалыми до той поры тиражами.

Херасков и Новиков сделали очень многое для просвещения народа: один — книгоизданием, другой — литературным трудом, совместно — развитием педагогической и философской мысли, совершенствующейся в ту пору в таинственных масонских ложах.

Вместе с Новиковым Херасков участвовал в организации ложи «Гармония». В 1783 году он вошел в число русских розенкрейцеров. В списке высших должностных лиц масонства за 1789 год мы находим Хераскова — ратора «Провинциальной ложи» и члена «Капитула провинции».

Гроза грянула весной 1792 года — Новиков был арестован. Братьев Трубецких отправили до поры в их деревни, другие друзьями и единомышленники Новикова и Хераскова с минуты на минуту ждали ареста и жгли свои записки. Так погиб первоначальный архив молодого Карамзина...

На этот раз Херасков не пострадал. От гнева императрицы его спас Державин, выхлопотавший милость государыни через ее фаворита Платона Зубова. Но некоторое время после этого за Херасковым был установлен надзор. В июне 1792 года князь Прозоровский — московский главнокомандующий, доносил царице, что «Херасков поехал в подмосковную и там разбирал бумаги...»

Херасков был поэт-философ, поэт-мистик, поэт-богослов. Вчитайтесь в глубинный смысл этого отрывка из стихотворения «Прошедшее», написанного в 1806 году:

Все тщета в подлунном мире,
Исключенья смертным нет;
В лаврах, рубище, порфире -
Всем должно оставить свет.
... Что такое есть — родиться?
Что есть наше житие?
Шаг вступить — и возвратиться
В прежнее небытие.³

Не случайно современники называли его «русским Гомером». Он был автором множества стихотворений и од, басен, драм и трагедий, популярного в свое время гимна «Коль славен». Его перу принадлежали две эпические поэмы: «Владимир Возрожденный» и «Россияда», поэмы «Чесменский бой», «Бахариана», «Нума Помпилий»...

В моем обширном собрании книг XVIII века, большая часть которых издана просветителем

Н.И. Новиковым, этот большой том в кожаном переплете занимает одно из почетных мест. Титульный лист украшен аллегорической виньеткой с масонской символикой. Текст четок и лаконичен: «Владимир Возрожденный, эпическая

**ВЛАДИМИРЪ ВОЗРОЖДЕННЫЙ,
ЭПИЧЕСКАЯ ПОЭМА.**

П Ъ С Н Ъ 1.

Вдохни небесное мнѣ, Муза! восхищенье
Владимирова пѣшь святое просвѣщенье.
Напрасно адѣ ему препоны поставляль:
Какъ солнце въ Сѣверѣ, Владимиръ возсіяль,
Россію озариль, преобразиль, прославиль,
Кумировъ испровергъ и Богу храмъ поставиль.

А

О!

поэма М.Х. Иждивением Типографической Компании. В Москве, в Университетской Типографии у Н. Новикова. 1785 года». На обороте — марка книгоиздателя — переплетенный вензель NN в обрамлении цветочного венка и лиры. Бумага с водяными знаками; почти 250 большеформатных страниц поэтического текста, заставки, виньетки. Запах «осмнадцатого столетия»... О чем эта книга? Ответ дает автор: «... советую, наипаче юношеству, чи-

тать оную не как обыкновенное эпическое творение, где по большей части битвы, рыцарские подвиги и чудесности воспеваются; но читать как странствование внимательного человека путем истины, на котором сражается он с мирскими соблазнами, подвергается многим искушениям, впадает в мраки сомнения, борется со врожденными страстями своими; наконец; преодолевает сам себя, находит стезю правды и, достигнув просвещения, возрождается...». В этих словах духовный и нравственный мир их автора.

На протяжении нескольких лет М.М. Херасков гостил у своих братьев и сестер Трубецких (у его матери от второго брака с елизаветинским фельдмаршалом Н.Ю. Трубецким было четыре сына и три дочери) в усадьбе Гребнево. Бывали здесь сводные братья Михаила Матвеевича — Ю. Н. и Н.Н. Трубецкие, друзья Н.И. Новикова, вместе с которым они учредили Типографическую компанию. Наведывались в Гребнево и сам Николай Новиков, и поэт Ипполит Богданович, и Гавриил Державин. Гребневские встречи литераторов не прошли бесследно. Много новых творческих замыслов родилось здесь. Именно под впечатлением окрестностей усадьбы появились знаменитые державинские строки, воспевающие «Гребневский ключ»: «... с чистою твоей струею сравнится в песнях мысль моя...». В конце 1780-х годов усадьба перешла к новому владельцу — генералу Г.И. Бибикову. Друзья перенесли свои встречи в Москву — на Новую Басманную, затем — на Гороховое поле, позже — на Земляной вал у Яузы. Таковы адреса жительства Хераскова в Первопрестольной, собиравшего у себя настоящий литературный клуб поклонников искусства и просвещения.

Последние годы своей жизни он провел попеременно то в славе, то в опале. Павел I в 1799 году возвел Хераско-

ва в чин действительного тайного советника. В 1802 году, не согласившись с новым уставом университета, Михаил Матвеевич оставил кураторство и всецело посвятил себя поэзии, прозе, философским размышлениям.

Рано или поздно круг бытия замыкается. В некрополе Донского монастыря сохранился скромный обелиск. На нем укреплен барельеф и высечена пространная надпись: «Здесь погребено тело Михаила Матвеевича Хераскова. Действительного тайного советника и орденов Святой Анны 1-го класса и Святого Владимира 2-й степени, Большого креста кавалера, который родился в Переяславле в 1733 году октября 25 дня, скончался в 1807 году сентября 27 дня на 74 году жизни своей».

* * *

Удивительно разнообразна тематика издававшихся Новиковым книг — от букварей, переводных авантюрных романов, до серьезнейших исторических исследований. К числу последних принадлежит многотомный труд Ивана Голикова, увидевший свой свет стараниями Николая Ивановича в 1788—1789 годах. В 1790—1797 годах были изданы восемнадцать томов «Дополнений к Деяниям...», упоминание о которых мы находим в письме Новикова к неизвестному «В.В.» от 13 ноября 1816 года: «... Еще маленькая прозьба, которую прошу постараться исполнить; она есть следующая: покойной Иван Иванович Голиков, взял у меня несколько экз. Деяний Петра вел. с тем чтобы за них отдать Дополнением, что он и прежде дельвал. Сие случилось прежде отъезда моего в деревню, а потом что случилось вам известно. Сколько он взял экз. и сколько я должен был получить, сего теперь не помню и справиться непочем; но я за все очень доволен, ежели

Егор Иванович сделает одолжение, даст мне один экземпляр всех томов Дополнения, сколько их было напечатано. Я бы хотел иметь у себя сей увраж полным, в память двух покойников, Героя и Автора, которого я всегда любил. Деяний 12 томов у меня от разоренной моей библиотеки уцелели в деревне...».

С одной стороны Иван Иванович Голиков (1734—1801) был человеком своего времени, даже в 1780-е годы состоял в московской масонской ложе Сфинкс. С другой — личность его необычна, заслуживает внимания, тем более, что купец и историк был близко знаком с Новиковым.⁴

Иван Голиков родился в Курске, в купеческой семье. Судьба его, казалось, была predetermined, и он с юных лет увлеченно изучал хитрости коммерческих дел. Какими путями пришел к Голикову интерес к петровской эпохе — неведомо, наверное, было и ему самому. Рассказы ли грозного настоятеля курского Знаменского монастыря архимандрита Михаила, служившего в молодости полковым священником, записки ли отставных оренбургских «бригадиров» И. Неплюева и П. Рычкова о «делах Петровых», или знакомство с петровскими сподвижниками во времена службы в петербургской Комиссии нового Уложения распалили фантазию купецкого сына и побудили его записывать и собирать все «до Петра Великого касательное...». А может быть случай иной, «имевший место быть...». В 1779 году Голиков с родственниками взял на себя питейные откупа Архангельска, Петербурга и Москвы. Дело шло весьма прибыльно, но однажды «бес попутал». Беспощинный ввоз в Россию «французской водки» обернулся не барышами, а тюрьмой. К счастью, знакомство Голикова с президентом Коммерц Коллегии А.Р. Воронцовым спасло незадачливого коммерсанта.

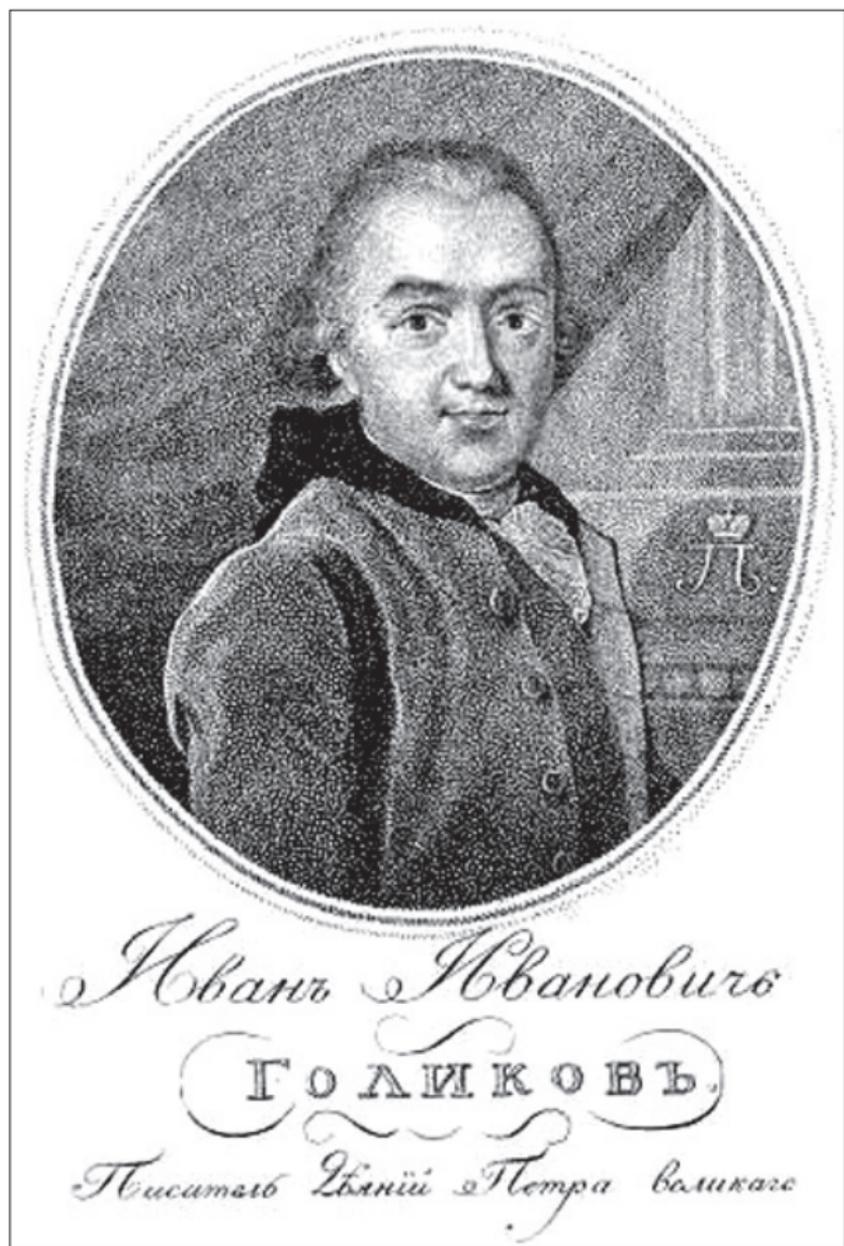
Манифест 7 августа 1782 года об открытии памятника Петру I в Петербурге предусматривал в связи с этим достопамятным событием амнистию некоторым узникам. Покровитель внес Голикова в список «прощаемых государыней», и перед ним распахнулись двери сырых казематов.

Что было дальше — можно гадать. Сказывали, будто растроганный купец помчался на площадь, пал перед «Медным всадником» на колени и поклялся в память о своем освобождении посвятить остаток жизни Петру Великому и написать историю его царствования...

С той поры к коммерции Голиков не возвращался. И не имея большого достатка для обзаведения собственным домом и хозяйством, поселился в усадьбе своей дочери в селе Анашкине Звенигородского уезда. Привез он с собой небогатый скарб, среди которого было самое для него ценное — книги и рукописи.

Позднее книги, записки, документы о Петре и его времени превратились в солидную библиотеку, состоявшую 1500 томов. После смерти их хозяина они перешли к мужу дочери Голикова — основателю Харьковского университета В.Н. Каразину, а от него — в древлехранилище известного историка М.П. Погодина.

Приступая к созданию «Деяний Петра Великого...», Голиков отводил себе скромную роль «собирателя», полагая, что он «неискусный писатель и кроме русской грамоты ничему не учившийся и нимало не упражнявшийся в... словесных науках...». Но труд его увлек, и он написал довольно необычное для своего времени двенадцатитомное сочинение. Первые девять томов представляли жизнеописание царя с 1672 по 1719 оды, а последние три содержали публикацию 1427 писем и других документов, непосредственно относящихся к Петру I.

И.И.Голиков

Екатерина II благосклонно отнеслась к первым, еще пахнущим типографской краской, томам «Деяний...». Голиков, не растерявший купеческой сметки, своего не упустил, и монаршее благоволение облек в выгоду — получил высочайшее разрешение работать во всех архивах империи. Вскоре из разных уголков России в Анашкино потекла корреспонденция — пухлые пакеты с петровскими бумагами и книгами, конверты с «Анекдотами» и воспоминаниями очевидцев.

С присущей русскому человеку (а в особенности купцу той поры) обстоятельностью, Голиков решил свой труд продолжить. И в течение семи лет — с 1790 по 1797 годы он не просто написал, но и издал еще 18 томов, названных им «Дополнение к Деяниям...». Более чем столетие русской истории сумел он охватить: в первом томе Голиков рассказал об эпохе Бориса Годунова, а в последнем осветил состояние России после смерти Петра.

Забегая вперед, отметим: чтобы полнее представить петровскую эпоху, Голиков наметил отдельно создать историю «слуг Петровых». Он и в этом деле, хотя отчасти, но преуспел. В 1800 году выпустил «Историческое изображение всех дел славного женеваца Франца Яковлевича Лефорта... и сослужебника его Патрика Гордона».

Для конца XVIII столетия — века Просвещения, труд бывшего курского купца был воистину титаническим. И современники его очень высоко оценили. Император Павел I в 1799 году пожаловал Голикова в надворные советники (что по «Табели о рангах» соответствовало в военной службе званию подполковника). Кстати, чин этот одновременно давал обладателю и дворянское достоинство.

А лучшие «сыны Отечества» охотно приобретали и читали «Деяния» — это ли не высшая награда автору? На «Деяниях» воспитывалось несколько поколений россиян. Во многих домах не только обеих столиц, но и провинциальных городках, в имениях, всякий уважающий историю имел в шкафах этот многотомный труд, который по праву можно назвать не менее высокопарно (но, безусловно, заслуженно) «Деяния Ивана Голикова...».

Пожалуй, самый любопытный из пухлых томов «Деяний...» последний, двенадцатый. Он примечателен тем, что в конце книги, по инициативе Новикова представлены «особы, подписавшиеся на сие издание».

Список «особ» (а их несколько сотен) пестр и многообразен. Немало здесь персон, «подписавшихся в Москве»: «его высокоблагородие М.Д. Бутурлин» — отставной бригадир; «... граф Д.П. Бутурлин» — библиофил, сенатор, директор Эрмитажа; знаменитые братья Орловы: Алексей, Владимир, Иван; «его высокоблагородие Г.М. Походяшин» — известный меценат, друг и сподвижник Н.И. Новикова; горнозаводчик и меценат П.Г. Демидов. Среди «подписчиков» есть раб и хозяин: «граф П.Б. Шереметев» — сын петровского фельдмаршала и В.Г. Вороблевский — «служитель графа Шереметева». Вороблевский — личность, достойная пера литератора, крепостной, талантливый капельмейстер, композитор, автор «пиес», пользовавшихся успехом на сценах знаменитых театров в Кукове и Останкине.

А вот еще не менее интересные «особы». В Москве ожидал выхода книги «его высокоблагородие Н.Н. Бантыш-Каменский» — историк, археограф, директор Московского архива коллегии иностранных дел. В Санкт-Петербурге подписался на «Деяния...» «его

Д Ъ Я Н І Я
ПЕТРА ВЕЛИКАГО,
МУ Д Р А Г О
ПРЕОБРАЗИТЕЛЯ
Р О С С І И;

С О Б Р А Н Н Ы Я

*Изъ достовѣрныхъ источниковъ
и расположенныхъ по годамъ.*

Ч А С Т Ь XII.

М О С К В А,

Въ Университетской Типографіи, у Н. Новикова,

1 7 8 9.

высокопревосходительство В.Я. Чичагов» — флотоводец и мореплаватель, адмирал, во время русско-шведской войны 1788—1790 годов командующий Балтийским флотом. В Богородицке получил книги «его высокоблагородие А.Т. Болотов» — плодовитый писатель-мемуарист, «первый русский агроном»; а в Белеве — «его благородие» (значит, чином чуть ниже, чем Болотов, — какова субординация! — прим А. Нефедова) В.А. Левшин — писатель и переводчик, экономический просветитель.

Попали «Деяния...» и в Тамбов к «его превосходительству Г.Р. Державину» — знаменитому пииту, бывшему в ту пору (в 1786—1788 гг.) тамбовским губернатором.

В этом XII томе «Деяний...», сменившем за более чем двести лет Бог знает сколько владельцев, книжных полок и который украшает теперь мой книжный шкаф, перепелось так много: судьба Петра Великого, судьба Ивана Голикова, судьба людей оценивших «Деяния...» и их «собирателя», и, как бы остановленное на мгновение всего одного года — 1789-го, но запечатленное на века, состояние и местожительство «особ» — «превосходительств», «высокоблагородий», «сиятельств», «преосвященств».

Труд Ивана Голикова долго оставался в поле зрения читающей России. Если А.Т. Болотов несколько старомодно называл «Деяния» книгой, «которую ни одному россиянину читать устать не можно», то А.С. Пушкин использовал ее при работе над своими блистательными произведениями. «Деяния» хранились в библиотеке поэта, и Александр Сергеевич многое почерпнул оттуда для достоверного воссоздания эпохи и личностей в «Истории Петра», «Борисе Годунове», «Полтаве», «Арапе Петра Великого».

Историк середины XIX века А. Старчевский утверждал: «Из всех прежних попыток сделать что-нибудь для истории Петра Великого достоин величайшего уважения только бескорыстный и простодушный труд Голикова... 30 томов остались памятником его благородного рвения». Энциклопедия Брокгауза и Ефрона утверждала, что до конца XIX века «Голиков служил единственным серьезным источником для всех почти историков Петровского царствования». И это действительно так. Не зря же в 1837–1847 годах «Деяния» и «Дополнения к Деяниям» были переизданы.

Почти безвыездно проживал Голиков в Анашкине на берегу речки Дубешни вплоть до конца своей жизни. Сейчас уже ничто не напоминает о расположении в этой неказистой деревеньке некогда богатого имения. В начале XIX века рядом с усадьбой был выстроен опытный завод для выработки сахара из свеклы, которую выращивали местные крестьяне. Здание заводика и все усадебные постройки, небрежно используемые после революции, окончательно разорили зимой 1942 года отступающие фашисты.

Скончался Иван Иванович Голиков (бывают же такие совпадения!) в ночь, когда вдали от Анашкина, в Михайловском замке — резиденции Павла I, пьяный Платон Зубов, возглавлявший «партию» заговорщиков, запустил табакеркой в висок сумасбродному (и справедливости ради отметим — несчастному) потомку Петра Великого. Свое последнее пристанище Голиков обрел на кладбище села Каринское в девяти верстах от Звенигорода.

* * *

Самым близким другом Николая Новикова был Семен Иванович Гамалея (1743–1822), проводивший своего сподвижника в последний путь и сам нашедший упокоение

С.И. Гамалея

неподалеку от своего товарища, у стен Тихвинского храма в Авдотьине.⁵

«Подвигом добрым подвизался...» — эти слова, заимствованные из текста Евангелия, из Второго послания к Тимофею (Глава IV, статья 7) начертаны на мраморном надгробии на могиле воистину легендарного человека.

«... Для изображения Семена Ивановича Гамалеи, правителя канцелярии московского главнокомандующего, у меня не найдется и слов: хотелось бы видеть такого человека, а не вспоминать о нем. Я недоумеваю, каким образом под мундиром канцелярского чиновника, и именно русской канцелярии прошлого века, мог уцелеть человек первых веков христианства. Гамалее подобает житие, а не био-

графия или характеристика». Так отзывался о нем в своих трудах известный историк В.О. Ключевский. Но чем же прославился Гамалея?

Ответ на это дает сама его жизнь. Семен Иванович Гамалея родился на Полтавщине. Учился в Киево-Могилянской академии. В 1764 году поступил в Академический университет Санкт-Петербурга. Будучи необыкновенно любознательным и трудолюбивым, он преуспел в изучении иностранных языков, да так, что окончив университет, был приглашен преподавать в Сухопутный шляхетский кадетский корпус. В это же время он заинтересовался переводом иностранных книг, преимущественно по философии и истории. Такое увлечение привело его в «Собрание, старающееся о переводе иностранных книг», которое возникло в 1768 году с целью пропаганды сочинений и идей французских энциклопедистов. Пожалуй, именно с этого года можно вести отсчет благородной просветительской деятельности С.И. Гамалеи. Книги, переведенные им в это время и вышедшие в свет, несут идеи самые передовые, порой граничащие с вольнодумством: «Путеводитель к премудрости» (1768), «История о императоре Феодосии» (1769). А перевод книги «Легчайший способ прививания оспы...» (1776) стал его, к сожалению, еще не до конца осознанным и оцененным вкладом в развитие отечественной медицины. Кто знает, сколько тысяч жизней спас этот перевод с немецкого. Оспа, именуемая в XVIII веке «чумой», оставляла после себя в ту пору безлюдные мертвые селения.

В 1770 году С.И. Гамалея перешел на службу в Сенат. В 1774 году, прославив необыкновенно образованным, скромным и бескорыстным человеком, он поступил на службу к белорусскому генерал-губернатору фельдмар-

шалу графу З.Г. Чернышеву и стал правителем его канцелярии. О службе Гамалеи в Белоруссии ходили легенды. Историк В.О. Ключевский писал в своем сборнике статей «Очерки и речи» (М. 1913 г.): «Когда ему предложили обычную в то время награду за службу крепостными в количестве 300 душ, он отказался: ему-де не до чужих душ, когда и с своею собственной он не умеет справиться. Слуге, укравшему у него 500 рублей и пойманному, он подарил украденные деньги и самого его отпустил с Богом на волю; но он не мог простить себе ежегодной траты 15 рублей на табак, которую считал похищением у бедных...»

В 1782 году З.Г. Чернышев назначается московским генерал-губернатором. Семен Иванович перебирается вместе с ним в Первопрестольную и так же занимает должность в канцелярии. Однако в 1784 году он уходит с почетной и выгодной службы в отставку в чине надворного советника, что по тогдашней табели о рангах соответствовало седьмому классу и приравнивалось к армейскому званию подполковника. Вскоре он становится членом «Дружеского ученого общества», учрежденного Н.И. Новиковым «чтобы удобнее было труд и упражнение свободного времени обратить в пользу». Знакомство с Новиковым изменяет весь уклад жизни Гамалеи. Остаток своих дней он посвящает научной, литературной и филантропической деятельности.

Всюду, во всех делах Новикова присутствует Семен Иванович — «верный друг». В 1784 году Николай Иванович организует Типографическую компанию. Известно-го всем «аскета и бессеребренника» Гамалею принимают в Компанию без денежных взносов.

В 1780-е годы, сблизившись с Новиковым и его кружком, Гамалея вступает в масонскую ложу. Со временем он

стал одним из видных деятелей московского масонства, вошел в «главный капитул» и руководил ложей «Девкалион». Среди собратьев он занимал особенное положение признанного теоретика-эрудита, непревзойденного знатока многих наук и богословских премудростей. Гамалея свободно знал латинский, греческий, древнееврейский, немецкий и французский языки. Это и позволило ему перевести огромное количество мистических и богословских трудов западных и ближневосточных философов и ученых. И в наши дни никто не может заново осилить перевод всех книг немецкого христианского мистика Якоба Бема. А ведь Семен Иванович перевел в свое время 22 тома его сочинений. Они не устарели и ныне. Яркий пример тому — участвовавшее в наше время переиздание книги Бема «Аврора, или Утренняя заря в восхождении».

Прочная дружба связывала Гамалею со многими известными писателями и общественными деятелями. Он стал духовным наставником молодого Николая Карамзина, которого Новиков пригласил редактировать первый в России журнал для детей «Детское чтение для сердца и разума». Именно Гамалея привил будущему автору «Истории государства российского» лучшие душевные качества. Когда Н.М. Карамзин отправлялся по инициативе «Дружеского Ученого общества» в заграничное путешествие, Гамалея составил для него подробный маршрут поездки и инструкцию о встречах, а также план посещения хранилищ масонских рукописей с целью их изучения.

Семен Гамалея вел и обширную переписку со многими российскими и западными учеными своего времени. Некоторые письма научного и философского содержания вошли в двухтомник его эпистолярного наследия, изданный в 1830-е годы.

Будущий «Декабрист без декабря» Николай Тургенев писал в своем дневнике 5 июля 1807 года: «Я читал покойного батюшки (И.П. Тургенева — друга Новикова и Гамалеи, масона, алхимика, философа, в 1797—1803 гг. — директора Московского университета — прим. А. Нефедова) письмо к Гамалее, там, между прочим, нашел я следующую мысль: «От человека все зависит, но от скольких безделиц и человек зависит. Совершенная правда».

Судьба Гамалеи резко изменилась в 1792 году. Под следствие над Новиковым попадает и Семен Иванович. Князь Прозоровский, которому поручено известное «расследование», отмечает в своих донесениях «злых» товарищей арестованного в Авдотьино Новикова. Среди них значится и имя Семена Ивановича Гамалеи. Правда, аресту он не подвергся, но допросов не миновал.

Окончательно поселившись в Авдотьино Семен Иванович продолжает дело, начатое Новиковым. Занимается переводами, помогает бедным. Каждое утро к окну его комнаты, расположенной на первом этаже обширного дома, отражавшегося в хрустальной воде Северки, стекалось множество нищих, а Гамалея, выйдя на крыльцо и разговаривая с ними, раздавал медные деньги.

Наконец в 1796 друзья соединились вновь. Николай Иванович беспокоится о расстроеном хозяйстве, мечтает возобновить книгоиздательское дело. Семен Иванович продолжает заниматься переводами. Вместе друзья заботятся о пополнении библиотеки — выписывают недостающие тома, переписывают и переплетают книги, которые не имеют возможности приобрести. В сельском уединении они не чувствуют себя одиноко. Часто в Авдотьино заезжают гости. Некоторые из них оставили для потомков бесценные записи о своих посещениях авдотьинских просве-

тителей. Читая их, окунаешься в обстановку тех лет, живо встает образ человека, «легендами окутанного»: «Семен Иванович был небольшого роста, имел высокий лоб, маленькие глаза с нависшими бровями и в обществе был молчалив, отчего казался суровым философом, но у себя в кабинете был очень ласков и словоохотлив, говорил убедительно и с воодушевлением...».

Гамалея пережил своего «сердечного» друга почти на четыре года. Как мог, он поддерживал детей Новикова, отдавал им все, что имел, и самое главное — тепло своей души. Но постепенно и огонек его могучего духа угас. Весна 1822 года стала для него последней... Память о нем теперь хранят письма, переводы, книги, надгробие возле церкви и центральная улица села Авдотьино, официально носящая имя Гамалеи.

Человеком необычной судьбы, пережившим с Новиковым годы творческих свершений и годы заточения в Шлиссельбурге, стал врач Михаил Багрянский.⁶

Михаил Иванович Багрянский родился 9 ноября 1761 года в семье сельского священника в Тульском наместничестве. В 1772 году он поступил в гимназию при Московском университете как ученик «разночинского казенного содержания». Спустя восемь лет, он был назначен учителем в Московский благородный пансион, а вскоре преподавателем Университетской гимназии, где некогда учился сам.

В годы учебы в университете, в 1779–1780 годах, Багрянский познакомился с Николаем Ивановичем Новиковым, который приехал в Москву и активно начал свою издательско-просветительскую деятельность. Новиков,

заметив в юноше разносторонние таланты, оказал Багрянскому поддержку, когда «малое жалованье, беспокойства, некоторые притеснения, охота к дальнейшему упражнению в науках и желание лучшего жребия» породили в нем «решимость просить об увольнении от должностей». Михаил Иванович, воспользовавшись помощью своего старшего товарища, оставил службу и поступил на Медицинский факультет университета.

В это время Багрянский жил сначала на «наемной квартире», а в 1783 году переселился в дом Новикова на Лубянской площади. Общение с умнейшим человеком подтолкнуло Михаила Ивановича на литературный труд. Его переводы печатались в журнале «Вечерняя заря», в «Городской и деревенской библиотеке». Иждивением Н.И. Новикова и Типографической компании были опубликованы переведенные Багрянским книги по медицине и философии.

Летом 1786 года, получив университетский аттестат, Багрянский отправился в Европу для дальнейшего совершенствования в медицинских науках. В эти годы Новиков опять же всячески помогал Багрянскому — ежегодно он высылал юноше по пятьсот рублей (немалые по тем временам деньги), а когда в 1790 году «при возрастающих беспокойствах в Париже» дипломированный доктор вернулся в Москву, то он остался «из благодарности» в доме Николая Ивановича.

После смерти жены, весной 1791 года Новиков окончательно перебрался в Авдотьино. Вместе с ним переехали в имение и его близкие друзья — С.И. Гамалея и М.И. Багрянский.

1 августа 1792 года Екатерина II подписала указ о заточении Новикова на 15 лет в казематы Шлиссельбургской

крепости. В указе ни слова не было о докторе Багрянском. Однако и он, и слуга Новикова, оказались в одной камере в нижнем этаже крепости. Уже тогда распространилось в обеих столицах мнение, что Багрянский добровольно последовал за Новиковым, чтобы поддержать своего наставника и друга.

Рапорты чиновников, посещавших в разные годы крепость, о пребывании в ней Багрянского противоречивы. В одних говорится, что он содержится «неизвестно за что», в других — «за перевод развращенных книг», в третьих, что «взят поневоле». Как бы там ни было, правительство делало все, чтобы сломить дух «вольномыслящих узников». Изможденные, постоянно испытывающие голод Новиков и его «спутники» (доктор и слуга) содержались в камере «со всей осторожностью, дабы к утечке случая никакого не было».

В августе 1794 года Багрянский в состоянии психического припадка написал «раскаяние», за что ему было дозволено «бритье бороды» и прогулки во внутреннем дворе крепости.

В ноябре 1796 года Новиков, Багрянский и слуга были освобождены и немедленно отправились в Авдотьино. Весной следующего года Багрянский вновь начал службу: Медицинская коллегия направила его в Ярославль губернским врачом. Затем он, дослужившись до высокого звания надворного советника, был избран ученым секретарем при конференции Московского отделения медико-хирургической академии. Все эти годы Багрянский переписывался с Новиковым, посылал ему и всем авдотьинским жителям лекарства, иногда приезжал в усадьбу поведать старых друзей.

За своей медицинской практикой не забывал Багрянский и о литературе. По-прежнему занимался перевода-

ми, активно сотрудничал в 1807–1808 годах в журнале М.И. Невзорова «Друг юношества».

В четвертом номере за 1813 год «Всеобщего журнала врачебной науки» на странице 118 были напечатаны строки о последнем часе доктора Багрянского, которые, возможно, читали, утирая скупые слезы, Новиков и Гамалея: «Сего года, июня 7 в 11 часов по полудни к крайнему прискорбию всех от жестокой болезни... умер». Так в «Некрологическом жизнеописании» был подведен итог непростой судьбы доктора Багрянского, в котором не нашел отражения эпизод четырехлетнего заключения Михаила Ивановича, унесшего с собой в могилу тайну своего добровольного заточения.

Ярким представителем зарождавшегося в России в последней четверти XVIII столетия меценатства и филантропии стал сподвижник Новикова Григорий Максимович Походяшин.⁷ Хозяйственная инициатива и смекалка даже при отсутствии какого-либо образования — именно в этом заключалась движущая сила первых российских предпринимателей, творческий импульс которым дали прогрессивные петровские реформы.

Простым ямщиком в захолустном сибирском городке Верхотурье начинал свое восхождение к богатству Максим Михайлович Походяшин. В 1740 году он открыл маленький винокуренный заводик, ставший со временем весьма прибыльным предприятием. К старости, а умер М.М. Походяшин в 1781 году, он стал баснословным богачом. По воспоминаниям современников, его нравы «составляли странную смесь самых противоречащих свойств. Усадьба его в Верхотурье состояла из целого квартала.

Дом деревянный, но огромный, заключал в себе тридцать отлично расписанных и меблированных комнат, но в то же время сам Походяшин одевался как простолюдин, ходил в кафтане с заплатами и в крестьянской обуви. Украшая храмы и содержа причты, он давал рабочим деньги вперед за целый год, тратил много на воспитание своих детей «по моде» и был в связи со знатью».

Сын симбирского предпринимателя — Григорий Максимович Походяшин в 1774 году поступил солдатом в элитный Преображенский полк, основанный самим Петром I. Выйдя вскоре в отставку в звании премьер-майора, он некоторое время отдал государственной службе и вышел в отставку в чине надворного советника, что по табели о рангах приравнялось к подполковнику.

Переезд из Петербурга в Москву и знакомство с Николаем Ивановичем Новиковым изменили весь уклад жизни богатого и удачливого отставного офицера. Григорий Максимович настолько увлекся просветительскими идеями своего старшего товарища, что решил вложить значительные финансовые средства во все его начинания. На выделенные филантропом средства при Московском университете была открыта переводческая семинария. Благодаря его стипендиям лучшие студенты отправлялись для завершения образования за границу.

Именно благодаря Походяшину, который проникся к книгоиздателю «чувством, близким к благоговению», удалось реализовать еще один доселе небывалый и масштабный проект Новикова — открытие первой в Москве публичной бесплатной библиотеки-читальни при университетской книжной лавке. Впоследствии поддержка Походяшина позволила открыть в Первопрестольной больницу и аптеку для бедных.

Летом 1787 года императрица Екатерина II предприняла пышное путешествие в недавно отвоеванный у турок Крым, которое должно было, по замыслу государыни, продемонстрировать Западной Европе благоденствие и процветание России. В это же время в центральной части нашего государства сотни тысяч крестьян претерпевали жесточайший голод. Случившийся неурожай унес жизни множества людей. По рассказам современников в тот и последующие годы отчаявшийся народ ел траву, солому, кору деревьев, листья и мох. Четверть ржи в Москве стоила неимоверно дорого — двадцать рублей серебром. Многие помещики разорились. Как свидетельствовал в своих записках князь М. Щербатов, крестьяне «Едят солому, мякино, сено, лебеду, но и сего же недостает, ибо, к несчастью, и лебеда не родилась... А однако никакого распоряжения до исхода февраля не сделано о прокормлении того народа, который составляет силу империи. Отдаленный стон народный не бывает вкушаем (услышан — прим. А. Нефедова) среди роскоши... Толпы нищих наполняют перекрестки, а правительство глухо и слепо». В стране назревала новая пугачевщина. И в это время все общество всколыхнула неожиданная весть — известный книгоиздатель Новиков раздает крестьянам своего подмосковного имения Авдотьино-Тихвинское и жителям окрестных селений зерно, муку, свежее испеченный хлеб. Только спустя много лет, благодаря дотошности историков и архивистов, стало известно, что эта небывалая акция проводилась на средства Походяшина. Купеческий сын передал Новикову целое состояние — 50 тысяч рублей. На эти деньги была организована помощь крестьянам и в следующем, 1788-м неурожайном году. Раздача хлеба проводилась не в одном лишь Авдотьино, но и в еще почти сотне окрест-

ных сел и деревень. Неурожай был настолько серьезным, что помощь продолжалась вплоть до 1792 года. Причем она коснулась даже жителей соседней Тульской губернии. В начале 1790-х годов Г.М. Походяшин решает профинансировать полную реорганизацию издательской и книготорговой деятельности Н.И. Новикова. В ноябре 1791 года он оформляет с просветителем «Особое соглашение», на основании которого приобретает знаменитый на всю Россию новиковский книжный магазин и берет под свой контроль первое в России акционерное издательство — Типографическую компанию. Понимая значимость возложенных на себя обязательств, Походяшин уговаривает своего старшего брата продать в казну принадлежавшие им отцовские металлургические и винокуренные заводы в Сибири. Сумма предстоящей сделки была настолько велика, что она рассматривалась в императорском Совете «по соизволению Екатерины II». Завод продали за два с лишним миллиона рублей. Сразу же после этого меценат внес 80 тысяч рублей на уплату долгов Компании.

После ареста Новикова его издательские и хозяйственные дела оказались не только расстроены, но и чрезвычайно запутаны. Поэтому правительство определило над всем имуществом опеку. Ревизионная комиссия установила, что недвижимость издателя стоит почти 950 тысяч рублей, а сумма его долгов разным людям достигает 240 тысяч рублей. Все это отражено в следственном деле, оригинал которого находится в Российском государственном архиве древних актов. Государыня получила в 1793 году специальную «Записку» из Тайной канцелярии по поводу Г.М. Походяшина. Но в ту пору меценат был настолько богат и знаменит, что борьба с ним могла иметь резонанс даже в просвещенной Европе.

После освобождения из заточения перед Новиковым возникла острая проблема расчетов по накопившимся за годы долгам. Благодаря поддержке Г.М. Походяшина бывший известный издатель сумел покрыть часть долгов казне. С частными кредиторами он расплачивается также благодаря Г.М. Походяшину, в собственности которого теперь был книжный магазин издателя. Магазин и склады, где хранились сотни тысяч новиковских книг, могли принести прибыль в течение нескольких лет. Кредиторы ждать не хотели. Тогда Походяшин придумывает первую в России книжную лотерею.

На основании прошения император Александр I разрешает Походяшину в 1803 году для покрытия имеющихся долгов разыграть в лотерею в течение двенадцати месяцев, под надзором полиции, хранившиеся в новиковско-походяшинском магазине книги. На складе в Знаменском переулке их числилось немало — 2500 названий общей стоимостью в полмиллиона рублей. В лотерее предполагалось участие 35 тысяч беспроигрышных билетов стоимостью по 10 рублей каждый. Самый крупный выигрыш — 10 тысяч рублей, еще один — в 5 тысяч, четыре — в 2,5 тысячи рублей и так далее.

Лотерея, которая была проведена 1805 году, ожидаемых результатов не дала. Это подтверждает прошение Походяшина к императрице Марии Федоровне об уступке книжного магазина московскому ломбарду взамен беспроцентной ссуды в 300 тысяч рублей.

Дошедшие до нас письма, которые приходили в начале XIX века из села Авдотьино разным адресатам, подтверждают, что здесь в то время неоднократно бывал Г.М. Походяшин. Он беседовал с Н.И. Новиковым, С.И. Гамалеей, приезжавшим на берега Северки архи-

тектором А.Л. Витбергом... Документы утверждают, что бескорыстный меценат потратил на дело просвещения свыше 300 тысяч рублей.

Известный русский историк и беллетрист Михаил Лонгинов в 1857 году в журнале «Русский вестник» писал, что «один из известных наших литераторов видел Г.М. Походяшина в Санкт-Петербурге незадолго до смерти. Над смертным одром Походяшина висел портрет Новикова и смотреть на него было единственным утешением человека, жившего когда-то в роскоши и умиравшего на чердаке в положении, близком к нищете». Где нашел свое последнее успокоение Г.М. Походяшин, мы не знаем. Так проходит слава людская.

Последние годы жизни Николая Ивановича скрасила дружба с еще одним замечательным человеком, вошедшим в историю русской терапевтической школы. По свидетельству современников, доктор Мудров был проникнут к Новикову «чувствами особого уважения и привязанности, как к выдающемуся человеку и как к лицу, столь жестоко и несправедливо пострадавшему за свои чистые, возвышенные убеждения».

Сын священника, безразличного к медицине, Матвей Яковлевич Мудров (1776—1831) родился в Вологде, где учился сначала под наблюдением отца, затем в семинарии и, наконец, в местном главном народном училище. В 1794 году юноша приехал в Москву и вскоре поступил в гимназию при Московском университете. Через шесть лет студент был направлен в звании кандидата хирургии за границу, но из-за смерти Павла I задержался в Петербурге. Здесь, в Морском госпитале, и началась для него первая настоящая медицинская практика.

Впрочем, она продлилась на этот раз недолго. В июле 1802 года Матвей Мудров выехал в Берлин, а затем в течение почти четырех лет постигал врачебные тайны в Париже. Он не гнушался посещать приюты для подкидышей, лечебницы для калек, глухих, слепых, прокаженных. Изучение организации работы различных медицинских учреждений, которые в России еще только предполагалось создавать, впоследствии очень пригодилось доктору, ставшему благодаря глубоким знаниям и неутомимому труду, выдающимся русским терапевтом.

В 1804 году Мудров защитил диссертацию и получил ученую степень доктора медицины. В 1808 году он вернулся в Москву и начал службу в университете, открывшем перед ним дорогу к славе. В начале 1810-х годов Матвей Яковлевич впервые в отечественной медицинской практике разработал особую систему расспроса больного: «Чтобы узнать болезнь подробно, нужно врачу расспросить больного: когда болезнь его посетила в первый раз; в каких частях тела показала первые ему утеснения; вдруг ли напала, как сильный неприятель, или приходила яко тать в нощи. Где первое показала свое насилие?..».

Несколько типичных историй болезни Мудров собственноручно вписал в сафьяновую книгу с золотым обрезом и украшениями. На протяжении многих лет она служила образцом ведения историй болезни для студентов и врачей. Эта книга была одной из самых ценных в большом и уникальном книжном собрании доктора. Когда осенью 1812 года после Бородинского сражения французы приблизились к Москве, у Мудрова уже не было времени, чтобы вывезти из города всю свою библиотеку. Он бросил книжное богатство, составлявшее, по его выражению, «ученую роскошь», и спас только 40 томов «скорбных ли-

М.Я. Мудров

стов», написанных им «при самых постелях больных», 40 рукописных книг, в которых концентрировался его огромный и неповторимый клинический опыт.

«Я советую вам вызвать доктора Матвея Яковлевича Мудрова он человек весьма искусный», — так не раз писал в своих посланиях из Авдотьино к друзьям Николай Иванович Новиков. Их дружба окрепла в 1810-х годах, когда Новиков почти безвыездно жил в своем имении на берегу реки Северки. В пору, когда Москва отстраивалась после пожара 1812 года, Матвей Яковлевич служил деканом ме-

дицинского факультета Московского университета и принимал деятельное участие в его восстановлении. Именно тогда он впервые ввел в систему обучения студентов практические занятия у постели больного.

По свидетельству будущего профессора медицины Н.И. Пирогова, слушавшего лекции Мудрова в Московском университете, Матвей Яковлевич порой держал себя, как вельможа или знатный сановник. Студентам он чаще всего говорил «ты», смягчая фамильярное отношение словом «душа». Во время лекций мог отпустить патриархальную шутку сомнительного свойства, а порой вместо разговора о болезнях углубиться в воспоминания о своем путешествии по Европе, о восхождении на ледники Альпийских гор...

Возможно, во время чтения лекций доктор вспоминал и о своих поездках к Н.И. Новикову. Их объединяли нравственно-философские и религиозные взгляды, находившие у русской интеллигенции начала XIX столетия выход в масонстве. Матвей Яковлевич был посвящен в масонство в Риге в 1802 году. Позднее, в Москве, он стал одним из руководителей ложи Нептуна, члены которой с большим пиететом относились к Новикову. Пик деятельной переписки Мудрова и Новикова пришелся на 1813—1818 годы. В это время Матвей Яковлевич занимал пост ординарного профессора патологии и терапевтической клиники в Московском отделении Медико-хирургической академии.

В письмах к своему тестю Харитону Андреевичу Чеботареву Новиков не забывал передавать Мудрову «поклоны» и «здоровье». Например, в письме от 22 июня 1813 года он просил: «Матвея Яковлевича уговаривайте, убеждайте и соглашайте с вами приехать» в Авдотьино, а его дочь Вера просит свое «приложенное письмо вручить Матвею Яковлевичу». Мудров охотно согласился совер-

шить поездку в Авдотьино. Вместе с Х.А. Чеботаревым, художником-гравером И.С. Черепановым и несколькими молодыми, подающими большие надежды учеными, отправился в Авдотьино в июле 1813 года. Навстречу желанным гостям Новиков выслал «лучшую и первую во всем селении колесницу на шести конях», оказал гостям радушный прием и удерживал их несколько дней.

В 1813—1815 годах Мудров частенько навещал в Авдотьино хворающего Новикова, а в письмах к нему давал дельные медицинские советы. В ответном письме от 16 марта 1815 года Николай Иванович «любезному другу Матвею Яковлевичу и любезной Софье Харитоновне (дочери давнего друга Новикова Чеботарева и жене М.Я. Мудрова — прим. А. Нефедова) пишет: «желаю вам здравствовать от Адама и до сего дня и низко до лица земли кланяюсь! О себе вам доложу, что крайне и весьма, весьма расстроен в здоровье, так что припадков моих и описать теперь не могу». Врач не замедлил выехать в Авдотьино, чтобы помочь оставшемуся не у дел книгоиздателю, захватив с собою талантливого художника и архитектора Александра Витберга. Тогда оказанная вовремя помощь поддержала больного. Незадолго до своей кончины он просил Михаила Яковлевича: «приезжайте к нам, навестите больных и здоровых, а мы вас поблагодарим, дайте на себя посмотреть...». Но поспешивший на берега Северки доктор уже не застал Новикова в живых...

Примечания:

1. Автор цитирует А.Т. Болотова по: Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. М.; Л. Т. 1—3.

2. Здесь и далее переписка Н.И. Новикова по кн.: Новиков Н.И. Письма Новикова. СПб., 1994.

3. Херасков М.М. Прошедшее // М.М. Херасков. Избранные произведения. М.; Л.: Советский писатель. Библиотека поэта; Большая серия. 1961. С. 138—140.

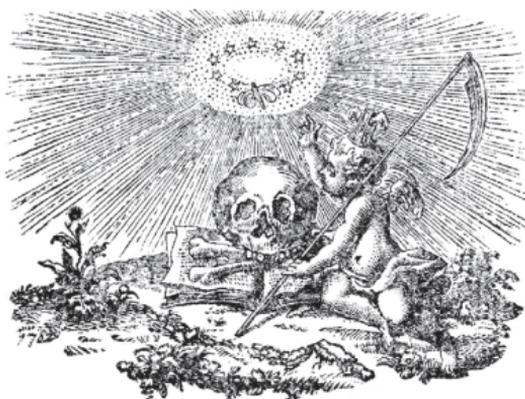
4. О Голикове И.И. // Бантыш-Каменский Д.Н. Словарь достопамятных людей русской земли. СПб. 1847. Ч. 1. С. 413; Мезин С.А. Русский историк И.И. Голиков. Саратов, 1991. С. 51.

5. Подробнее о С.И. Гамалей: Архив Первого Кадетского Корпуса, дела 1770, № 634/444; Геннади Г. Справочный словарь. Т. I. С.195; Северная пчела. 1838. № 119; Модзалевский В.Л. Малороссийский родословник. Т. I. С. 268; Русские портреты, издание Великого Князя Николая Михайловича. Т. III. С.156; Сборник, изданный студентами С.—Петербургского университета. Ч. I. 1857. С. 329—335.

6. Подробнее о М.И. Багрянском: Словарь русских писателей XVIII века. Выпуск 1 (А — И). Л. 1988. С. 45—47.

7. Подробнее о Г.М. Походяшине: Исторический Вестник. 1887. Т. XXIX. С. 629—639; Сопиков В.С. Опыт Российской библиографии. № 9835; Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 24. С.764; Сушков Н.В. Московский университетский благородный пансион. С. 25—26; Русский Архив. 1878. Кн. I. С. 288; Русская старина. 1889. Т. LXIV. С. 601.

8. Подробнее о М.Я. Мудрове: Гукасян А.Г. Мудров — основоположник отечественной внутренней медицины. // Мудров М.Я. Избранные произведения. М. 1949; Мудров М.Я. Стихи доктора Матвея Яковлевича Мудрова, читанные в день юбилея доктора Лодера. Русский архив. 1903. Кн. I. С. 435.

Глава 8

Познать самих себя

Все на свете имеет начало свое и окончание. В мистических поисках, в заботах о хлебе насущном ради благоденствия ближних своих и крестьянских семейств, в хлопотах по благоустройству имения, в переписке с друзьями, в долгих беседах с сердечным другом Семеном Гамалеей неспешно протекала жизнь Николая Ивановича в Авдотьино. Пробыл час и наступило время избавиться ему от земной юдоли и отойти в мир иной. 3 июля 1818 года с Новиковым случился апоплексический удар, через три дня он впал в беспамятство. Но крепкий его организм еще три недели боролся со смертью, которая к прискорбию окружающих настигла брата Коловиона 31 июля. Как и положено, по христианскому обычаю, на третий день, 2 августа (по ст. стилю) он был погребен в церкви Тихвинской иконы Божией Матери. Земной его путь завершился. Началась жизнь после смерти.

Холодным утром 20 декабря 1818 года официальный придворный историограф Николай Михайлович Карамзин, маститый автор «Истории государства Российского»,

отмеченный многими наградами и обласканный государем, подал императору папку, в которой на двойном листе вощенной бумаги аккуратным почерком была составлена хорошо известная теперь историкам «Записка о Н.И. Новикове».¹

Карамзин вкратце напоминал царю о заслугах просветителя перед обществом и державою, о гонениях, которые тот претерпел со стороны Екатерины II. В заключении он писал: «Новиков, как гражданин, полезной своею деятельностью заслужил общую признательность; Новиков, как теософический мечтатель, по крайней мере не заслуживал темницы: он был жертвою подозрения извинительного, но не справедливого. Бедность и несчастье его детей подают случай государю милосердному вознаградить в них усопшего страдальца, который уже не может принести ему благодарность в здешнем свете, но может принести ее Всевышнему».

Н.М. Карамзин

Александр I записку Карамзина прочитал, но никак на нее не отреагировал. Авдотьино было продано за долги с публичного торга и приобретено генерал-майором П.А. Лопухиным. Впрочем, были те, кто эту покупку считал фиктивной. Так, 10 сентября 1818 года А.Ф. Лабзин сообщил братьям ложи «Умирающего Сфинкса», «что имение покойного Н.И. Новикова, бывшее в залоге за

30.000 рублей, выкуплено неизвестною благотворительною особою».

Почти на тридцать лет о Новикове забыли. Одним из первых, кто из людей уже нового поколения вспомнил о нем, стал историк, поэт, археолог, общественный деятель, тайный советник, сенатор, обер-прокурор Синода Степан Дмитриевич Нечаев (1792–1860), переехавший в 1836 году из Петербурга в Москву. Поселившись в доме на Девичьем поле, он охотно включился в благотворительную деятельность, входящую в ту пору в моду в среде дворян и купечества. Нечаев состоял членом Совета Человеколюбивого общества, принимал активное участие в работе Московского попечительского совета заведений общественного призрения, являлся членом-учредителем Московского совета детских приютов. Будучи президентом Комитета по разбору и призрению просящих милостыню, он принял 13 июня 1845 года в пользование Комитетом село Авдотьино. Вскоре в усадебном флигеле была открыта богадельня, а над могилой просветителя к внутренней стене храма была прикреплена чудом дошедшая до нас, претерпевшая множество приключений, даже чуть было не сданная в утиль, памятная латунная доска. Скромная по размеру, но бесценная по содержанию. Позаботился С.Д. Нечаев и об увековечении памяти С.И. Гамаи. Над его могилой возле Тихвинской церкви было установлено гранитное надгробие. Когда-то завершающее его бронзовое распятие было украдено в годы разгула воинствующих безбожников. В середине 1980-х годов это надгробие, как и ряд других, установленных вокруг церкви, было демонтировано с постамента и отбуксировано через брод на реке Северке в овраг, где

ценный камень намеревались погрузить в самосвал и отправить на переработку в гранитную мастерскую. И здесь, вновь, каким-то чудом, памятник С.И. Гамалеи удалось в самый последний момент выволочить из рук вандалов и вернуть на прежнее место.

Посеянные Новиковым ростки просвещения год от года давали все новые добрые всходы. В середине XIX столетия интерес к личности издателя-публициста и мистика-гуманиста стал обретать вполне зримые очертания. Больше всего в ту пору на ниве изучения жизни и деятельности книгоиздателя преуспел библиограф, мемуарист, историк литературы, критик, поэт-любитель, переводчик водевилей, один из крупнейших специалистов по истории литературы XVIII века и русского масонства, государственный деятель Михаил Николаевич Лонгинов (1823–1875). Выпущенное в 1867 году его фундаментальное исследование «Новиков и московские мартинисты» и по сей день остается одним из основополагающих трудов, к которому всякий раз приобщаются исследователи той эпохи.

Михаил Лонгинов готовил свой труд «по горячим следам», когда еще были живы те немногие, кто лично знал Новикова, его сподвижников и современников. Спустя сорок лет после смерти просветителя Лонгинов побывал в Авдотьино и по итогам этой поездки опубликовал в журнале «Русский вестник» любопытный очерк «Посещение села Авдотьино — Тихвинского, принадлежащего Н.И. Новикову».² Отрывки из этого очерка стоит привести на страницах нынешней книги по двум причинам: он позднее не переиздавался и в нем дается уникальная картина авдотьинского житья — бытья середины XIX века.

М. Н. Лонгинов

М.Н. Лонгинов

«До сих пор об Авдотьине напечатано было только одно краткое известие в «Москвитяине».³ Из него, впрочем, можно только узнать, что это село после смерти Новикова было куплено с публичного торга генерал-майором Петром Андреевичем Лопухиным для исполнения воли его тетки, Елизаветы Федоровны Заборовской (1743—1820), завещавшей ему купить подмосковную и устроить в ней богадельню и больницу. Но Лопухин не успел при жизни своей исполнить в купленном им Авдотьине волю завещательницы. Вдова его Марья Ивановна (рожденная Текутьева) передала с этой целью Авдотьино в собственность московского комитета для разбора и призрения просящих милостыни, которому оно и принадлежит теперь, с 13 июня 1845 года.

К этим предварительным сведениям об Авдотьине должно добавить, что по стечению счастливых обстоятельств оно находится с 1845 года в положении, совершенно согласном с желанием, которое выражал Новиков, чтобы когда-нибудь крестьяне его были поставлены вне случайностей переменяющегося управления и перехода от одного владельца к другому. Заметим так же, две дочери и сын Новикова, несмотря на продажу Тихвинского с аукциона, оставались на жительстве в родительском доме, даже когда Авдотьино принадлежало уже Лопухину, который поселился в нем. Это продолжалось около пятнадцати лет после Новикова, до смерти последнего из его детей.

Недавно случай доставил мне возможность исполнить без особых затруднений давнишнее желание видеть места, где все должно напоминать о необыкновенном человеке, которого личность и судьба представляют столько привлекательного. Мне надобно было ехать в Коломну, и я решился с дороги из Бронниц своротить в сторону и побывать в Авдотьине.

10 сентября, около 10 часов утра, я выехал из Бронниц по направлению к Коломне и у самого первого верстового столба повернул направо на проселочную дорогу. Погода была сухая, но ветреная и не ясная, дорога очень сносная и несмотря на довольно тяжелый мой экипаж, четверка добрых лошадей бодро везла меня по проселку. До Тихвинского считается около 18 верст, которые, разумеется, на деле оказываются добрыми двадцатью. На дороге проехал я через деревню Марьинку, г. Фон-Визина, село Ломачево, гг. Дубровских, село Заворово, г. Талызиной, село Микулино разных владельцев, деревню Агашкино гг. Анфорова и Одинцова и выселки князя Щербатова. Места по дороге довольно приятны, но далеко не так живописны, как местности около трактов серпуховского, калужского или ярославского. Версты три за выселками увидел я столб с надписью: «в село Авдотьино», и повернувши вправо, проехал мимо прекрасной старой сосновой рощи, далеко раскинувшей около себя молодые побеги, и стал спускаться с горы.

Глазам моим открылись в лощине три села, которых церкви находятся в очень близком друг от друга расстоянии и представляют чрезвычайно живописный вид. Два села налево от меня были большое и малое Алексеевское, принадлежащие г-же Мальцевой и г. Ковалькову и находящиеся уже в Коломенском уезде. Село направо было — Авдотьино, цель моего путешествия. Оно лежит в Бронницком уезде, на самой его границе, которую в этом месте составляют река Северка, остающаяся с горы почти незаметною по причине крутого берега и множества расположенных на нем жилищ.

Я приехал к околице Авдотьино мимо задов крестьянских дворов. Повернувши направо через околицу, я по-

ехал мимо каменных, белых крестьянских домов и проехав ряд их, напротив которого по левой стороне находятся огороды и фруктовый сад, поворотил опять налево по проспекту, ведущему к дому. Правее увидел я большой, каменный скотный двор и наконец, взявши опять налево, мимо каменного большого флигеля, подъехал с северной стороны к главному подъезду дома, в котором когда-то жил Новиков.

Благодаря обязательности г. президента комитета для разбора и призрения просящих милостыни А.Ф. Томашевского, у меня был с собою письменный приказ к управляющему села Тихвинского, тамошнему уроженцу Лебедеву, которому предписывалось подробно показать мне все, что я пожелаю. Управляющий повел меня прямо в дом и по желанию моему сейчас послал за камердинером Новикова Иваном Алексеевым. Он служил при нем с своего детства, и на руках его умер его господин. Ему теперь 66 лет, следовательно, ему было 26 лет, когда умер Новиков, по совету которого он был тогда уже три года женат. В последствии явился ко мне один из старейшин села, крестьянин Никифор Захаров, 75 лет. Несмотря на лета свои, оба эти спутника мои были бодры и свежи и казались годами пятнадцатью моложе, чем в самом деле. Церковь показывал мне дьякон, находящийся при ней в течении двадцати лет. Кроме того меня повсюду сопровождал фельдшер, племянник другого камердинера Новикова. Они показали и рассказали мне все то, что я теперь передам читателю.

В селе Авдотьине (оно называется в околотке Тихвинским) 36 дворов; избы все каменные, построенные Новиковым около 1800 года. Душ по десятой ревизии муж. 133, женск. 179. Крестьяне на запашке весьма умеренной. Если не ошибаюсь, чистого дохода с имения поступило в коми-

тет в 12 лет около 15 т. руб. сер. Дворовые находятся в богадельне, помещенной во флигеле. Таких призреваемых 8 женщин, бывших в услужении Новикова и его семейства, и кроме того богадельным положением пользуется известный уже читателю Иван Алексеев. Крестьянские мальчики по достижении 10 лет поступают в школу, помещенную рядом с богадельней, где их обучают дьякон и фельдшер: грамоте, письму и закону Божию. После такого общего взгляда на положение Авдотьины, приступаю к описанию личного моего обозрения.

Ныне существующий дом, принадлежавший Новикову, был третий в этом имении и построен им около 1800 года. Это довольно обширное, деревянное двухэтажное здание серого цвета с красною крышей, имеющее 12 сажен в длину и около 7 сажен в поперечнике. По длинным фасадам находится в каждом из них 8 окон и дверь в середине, которая вела на не существующие уже теперь балконы; в поперечных фасадах по 4 окна, так же с дверями в середине на такие же балконы. Нижний этаж довольно высок от земли: в него входят по десяти каменным ступеням главного подъезда. Из сеней ведет на верх прочная дубовая лестница. Взойдя по ней в верхний этаж, мы очутились в парадных комнатах, которые выходят в полдень. Тут-то жил Новиков. С особенным чувством вступил я в эти пустые покои, где столько лет жил человек, которого странная судьба всегда возбуждала во мне особое сочувствие и любопытство. Через залу и гостиную вошел я в комнату с желтыми стенами, в два окна. «Тут были кабинет и спальня Николая Ивановича, сказал мне Иван Алексеев. На этом самом месте, где вы сидите, скончался он на моих руках, в 1818 году, 31 июля, в 4 часа утра. Тут по стене против окон стоял диван, на котором он по-

чивал, а в головах его бюро с кипами бумаг и склянками лекарств, которыми он лечил крестьян. За кабинетом, вот эта угловая, зеленая комната, была его библиотекой». Из окон названных комнат видна река Северка, протекающая в шагах тридцати от дома; над другом ее берегу начинается Коломенский уезд. В противоположной анфиладе, прерываемой сенями, находятся комнаты для приседа гостей и где помещался сын Новикова, Иван, страдавший во всю жизнь болезненными припадками, так же как и старшая из сестер его, Варвара, чему причиной был, как говорят, испуг, причиненный им в детстве во время нашествия на Тихвинское военной команды, посланной князем Прозоровским для арестования их отца. Комнаты для служителей, буфет и проч. находятся по боковым фасадам дома.

Нижний этаж расположен точно так же как и верхний, но комнаты в нем ниже и полы не паркетные. Под комнатами сына Новикова помещались две его дочери; под кабинетом самого Новикова жила вдова умершего в 1784 году друга его И.Г. Шварца, Наталья Ильинична; под залой большая комната, в которой жил постоянно и умер, четыре года после Новикова, неизменный друг его, Семен Иванович Гамалея. Внизу же находятся комнаты для приезжих и под библиотекой угловая приемная комната, где обыкновенно собирались пить чай и беседовать гости Новикова. В нижнем этаже предполагают теперь устроить богадельню. Большие печи с голубыми изразцами возвышаются повсюду в комнатах обеих этажей.

Дом находится в совершенном запустении; мебели уцелело очень немного, потому что большая часть ее была распродана; из оставшихся вещей есть еще некоторые, принадлежавшие Новикову. В числе их три писанные на дереве и в деревянных рамках образа. Кроме того в гостиной

находится портрет (впрочем принадлежавший уже Лопухину) императора Петра II, во весь рост, в мантии и андреевской цепи; царские регалии лежат на стоящем близ него столе.

Иван Алексеев рассказывал нам следующие подробности об образе жизни Новикова. Он вставал в 4 часа утра, выпивал чашку чаю, садился к своему письменному столу, на котором зажигались четыре восковые свечи, и принимался за письмо и чтение; это продолжалось часов до 8. Обедали обыкновенно в первом часу: сам хозяин, Гамалея, г-жа Шварц и здоровая дочь Новикова Вера. (Другая дочь и сын, по болезни своей обедали особо и в разные часы). Сам Новиков был очень воздержен в пище и по большей части говорил за столом о том, что случилось ему утром прочесть. Часу в седьмом пили чай, а в десять Новиков ложился спать. Кроме того он постоянно отдыхал после обеда часа полтора или два, что делал не только дома, но и в гостях у друзей и соседей своих: Ключарева, Ладыженских, Бутурлиных и пр., всякий день гулял он по саду, который был расположен на 12 десятинах перед домом, или по деревне; ходил на гумно или на суконную фабрику, которая одно время существовала при его имени. За Новиковым ходил обыкновенно мальчик, с запасом мелких пряников, которые он раздавал крестьянским детям по дороге. Дети, издали завидя его, бежали к нему; он ласкал их и оделял лакомствами. При виде его раздавались веселые голоса: «барин идет», и это удовольствие разделяли и взрослые, которые любили горячо своего господина, и которых он всех лично знал. Все старики, которые помнят его, до сих пор говорят о нем с чувством. «Куда был ласков и добродушен наш Николай Иванович», повторял мне не раз старый крестьянин Никифор Захаров.

Старик этот был десяти лет отроду во время ареста Новикова; обстоятельство это так его поразило, что он живо помнит его и теперь. Пришедшая конная военная команда навела страх на всех; красные мундиры гусар поразили обывателей Тихвинского, когда они увидели отряд, спускавшийся с горы к селу: тогда видеть солдат было большою диковиной для деревенских жителей. Часа через два после их прибытия, Новикова повезли в Москву в небольшой кибитке. При вести об этом несчастии стал по всей деревне раздаваться громкий плач. Горесть эту разделяли не только все жители Авдотьино, но и соседи Новикова, которого они чрезвычайно любили и уважали. К нему ездили они за советами, просили его разбирать их ссоры, которые ему часто удавалось прекращать. Словом отбытие его было печальным происшествием для всего околотка.

По прочтении статьи моей в № 15 «Русского вестника» нынешнего года, Н.П. Рунич, которому я обязан сообщением стольких любопытных документов и сведений, касающихся до Новикова, передал мне известие, противоречащее рассказу многих других лиц о смерти Новикова, будто бы он был в полной памяти и читал перед кончиной на память Евангелие. Бывши соседом Новикова и состоя с ним в близких отношениях, Н.П. Рунич, при известии о его болезни, сейчас навестил его и имел потом случай узнать, что он умер не в полной памяти, а напротив того в совершенном забытьи. Вот что рассказал мне об этом Иван Алексеев: «Николай Иванович был болен 28 дней, вследствие удара, после которого он оправился очень мало, а через три дня совершенно потерял память. В этом положении скончался он на моих руках, в 4 часу утра, 31 июля, а 2 августа похоронен в сельской церкви». Восстанавливаю здесь

Могила С.И. Гамалеи

истину, которая всегда лучше всякой легенды, к тому же совершенно бесполезной: жизнь Новикова и без прикрас поучительна.

Осмотревши дом, мы отправились в церковь. Вокруг нее сельское кладбище. Направо от выхода из северных дверей похоронен последний владелец Тихвинского П.А. Лопухин; левее могила С.И. Гамалеи, на которой, по распоряжению бывшего председателя комитета для разбора и призрения просящих милостыни, сенатора С.Д. Нечаева, поставлен в прошлом году красивый черный гранитный памятник с бронзовым вызолоченным распятием. С одной стороны надпись: «Здесь покоится тело надворного советника Семена Ивановича Гамалеи. Родился 31 июля 1743 года. Скончался 10 мая 1822 года». С другой:

«Подвигом добрым подвизахся,
Течение скончах, веру соблюдох.
И посл. к Тим. гл. 4, ст. 7.»

Каменная церковь села Авдотьино, с высоким узким куполом, почти равным с колокольней, построенной над папертью, находится не более как в 200 шагах от дома. Церковь эта холодная и довольно просторная. Она сооружена во имя Тихвинской Божией Матери; в ней, кроме главного, еще два придела: направо от главного входа Св. Алексея митрополита, налево Василия, епископа Парийского. В последнем хранится старый

*Образ Николая Чудотворца
над местом захоронения
Н.И. Новикова
в Тихвинском храме*

деревянный крест; из надписи на нем видно, что церковь эта выстроена в царствование Елизаветы Петровны (год сооружения стерся). Строителем ее был отец Новикова. В главном алтаре есть такой же крест, на котором надпись совершенно явственна; из ней видно, что прежняя церковь (вероятно деревянная) была обновлена в настоящем виде и освящена 25 июня 1776 года, при преосвященном Феодосии, епископе коломенском и каширском. Кажется, что отец Новикова уже не был тогда в живых, и обновление храма приведено в исполнение его сыновьями.

Усердие Новикова к храму Божию подтверждается драгоценными, им сделанными, вкладами. Вся церковная утварь замечательна по богатству и вкусу, и лучшее из нее поступило в дар от Новикова: дорогая серебряная чаша и такой же престольный крест, Евангелие, напечатанное

в 1791 году in folio в серебряном же окладе, который весит до 30 фунтов. Оклад этот украшают изящные живописные изображения, оправленные камнями, в числе которых есть и настоящие драгоценные. Особенно замечательны четыре крайние медальоны с ликами евангелистов, осыпанные камнями и стоившие, по словам уже умерших старожилов. 500 рублей, сумму чрезвычайно значительную по прежним ценам.

Я очень любопытствовал видеть стенную живопись церкви, исполненную по проектам или рисункам Новикова. К сожалению, она уже не существует; мне сказали, что живопись эта была клеевая и писаная альфреско. Но в 1843 году сочли нужным расписать церковь вновь и исполнили это масляною краской, изобразивши на месте прежних сюжетов новые, не представляющие ничего особенного.

Направо от алтаря, у царских дверей, находится местная икона Тихвинской Божией Матери в богатом серебряном окладе. Налево другая икона Спасителя. Прямо против последней, сойдя с ступени, близ клироса, похоронен Новиков, в виду изображения Христа, закон которого он свято чтит и исполнял во всю свою жизнь. В ближайшей стене вделана, в прошлом году по распоряжению С.Д. Нечаева медная доска с надписью:

«Здесь покоится тело раба Божия Николая Ивановича Новикова. Родился 27 апреля, 1744, скончался 31 июля 1818 года, 73 лет от рождения».

После обозрения церкви, я пошел в каменный двухэтажный флигель, находящийся близ дома. Тут когда-то были кухня и службы и между прочим жил крепостной лекарь Новикова, лечивший его крестьян и дворовых под собственным его руководством. Теперь во флигеле бога-

дельня и школа, о которых говорено выше, аптека, которой занимается уже упомянутый мною фельдшер и контора. Бумаги и дела конторы относятся только ко времени нынешнего управления Авдотьиной с 1845 года; но в ней в виде исключения сохранилась ревизская сказка по имени

за 1816 год, когда в нем числилось душ муж. 112, жен. 107. Скрепя этой сказки и доверенность на подачу ее коллежскому секретарю Семену Ивановичу Иванову писаны рукой Новикова, уже дрожащим и нетвердым почерком, впрочем очень сходным с тем, которым писаны его бумаги более ранней эпохи, которые мне случилось видеть.

Я пробыл в Авдотьино три с половиною часа, обозревая все и разговаривая с моими спутниками. Отведавши превосходных ершей, которыми славится река Северка, поехал я обратно в Бронницы около 4 часов пополудни. Во время осмотра церкви, поднялась буря и пошел дождь, которые хотя скоро прекратились, но дорога успела местами испортиться, и я ехал обратно гораздо дольше чем утром. Впрочем около 7 часов я уже переменял лошадей в Бронницах и ехал по коломенскому шоссе, очень довольный поездкой своею в Авдотьино.

Посетив Авдотьино, я видел в этом уединенном уголке как бы особый маленький мир, в котором все живет до сих пор памятью о Новикове. Старики хранят воспоминания о добром своем господине, а потомки их беспрестанно слышат о нем, причем те и другие пользуются

Мемориальная доска
в Тихвинском храме

Новиковский флигель

плодами его заботливости, которые видимы ими на всяком шагу: дома, в которых они живут, богадельня, где призреваются их ближние, церковь, в которой все они молятся, — все это создано благотворительной рукой, когда-то им покровительствовавшей и, как бы в память прежнего их помещика, устроены нынешние их гражданские отношения и экономические порядки. Мудрено ли после этого, что в Авдотьино говорят беспрестанно: «Николай Иванович сделал это, у Николая Ивановича был то-то» и проч.? Словом о Николае Ивановиче Новикове, через сорок лет после его смерти, говорят как бы о человеке, живущем еще в своем Авдотьино, или по крайней мере умершем недавно. Едва ли встретим мы много таких примеров в наших деревнях...

Михаил Лонгинов».

В год 150-летия со дня рождения книгоиздателя по примеру Лонгинова в Авдотьино отправился Алексей Ярцев (1858—1907) — историк театра, театральный критик и кра-

евед. Его очерк, в котором можно отыскать ряд любопытных легенд «Поездка в родовую вотчину Н.И. Новикова» был опубликован в журнале «Исторический вестник». ⁴ В рамках программы книгоиздания Правительства Московской области в издательстве «Московия» в 2006 году вышел в свет сборник «Путешествия вокруг Москвы», где этот очерк был полностью перепечатан. Во второй половине XIX века к творчеству и деятельности Новикова по разным поводам обращались А. Герцен, Н. Огарев, В. Белинский, Н. Добролюбов, И. Киреевский, Г. Пекарский... Позднее блестящий очерк о нем написал знаменитый историк Василий Ключевский. В 1865 году П.А. Ефремов переиздал журнал «Трутенъ» отдельной книгой с портретом Новикова и двумя снимками с заглавных листов «Трутня» 1769 и 1770 годов. В начале XX века в серии «Дешевая библиотека» издателя А.С. Суворина были воспроизведены практически в натуральном формате журналы «Трутенъ», «Живописец» и «Кошелек». В 1916 году в московском издательстве М. и С. Сабашниковых вышел почти пятисотстраничный труд В.А. Боголюбова, «Н.И. Новиков и его время». Таковы лишь пунктирные вехи изучения жизни и деятельности Николая Новикова в дореволюционной период отечественной истории.

Справедливости ради нужно отметить, что и в советский период, вплоть до конца 1980-х годов, Н.И. Новиков не выходил из поля зрения писателей, журналистов, историков и филологов. Обзор основных книжных публикаций и событий, связанных с сохранением памяти о книгоиздательстве и просветительстве нашел отражение в моей книге «Мастер слова и дела». ⁵

Проходят годы, десятилетия, минуло уже два века со дня кончины просветителя-гуманиста. Но память о нем

продолжает жить. Открытие в городе Ступино памятника Н.И. Новикову и выход в свет этой книги — еще одно яркое тому подтверждение. Слово и дело Новикова остается актуальным и в эпоху Интернета и освоения человеком Космоса. Большое видится на расстоянии. И осмысливая события двухвековой давности, мы вновь обращаемся к мыслям гуманиста. В далеком 1783 году в «Прибавлениях к Московским ведомостям» Николай Иванович Новиков написал: **«История должна нас делать благоразумнейшими и лучшими, из нее должны мы научиться знать себя и других людей, когда надлежит ей действительно быть для нас полезною»...**

Такое завещание отправил своим потомкам в далекое будущее великий Просветитель. Стоит к нему прислушаться. По представлениям гуманистов прошлого, познавая окружающий мир, Вселенную, мы познаем себя. И пока мы стремимся к самопознанию — мы живем...

Примечания:

1. Карамзин Н.М. Записка о Н.И. Новикове // Новиков Н.И. Избранные статьи и письма. М., 1982. С. 139–140.
2. Русский вестник. 1858. Том XVIII. № 22. Разд.» Современная летопись. С. 175–182.
3. Москвитянин. 1849. Часть 4. II, кн. 6. Смесь. С. 24.
4. Исторический вестник. Т. 58. 1894. № 11–12. С. 459–490.
5. Нефедов А.В. Мастер слова и дела. Странности судьбы книгоиздателя Николая Новикова. М., 2010. С.185–216.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Замыкая круг

Только еще задумывая общую концепцию этой книги, автор поставил себе непростую цель: использовать в ее создании приемы, которые придумал в свое время главный герой повествования — Николай Иванович Новиков. Те, кто имеет непосредственное отношение к созданию современного информационного контента, — будь то статья в районной газете, пост в блоге во всемирной паутине, телесюжет на ведущем федеральном канале или издание книги — от тонкой брошюры с анекдотами до солидного научного фолианта — подтвердят такой не замечаемый многими факт: это труд сугубо коллективный. В процессе задействовано великое множество людей самых разных профессий. Писатель, журналист или режиссер в этой команде далеко не самые главные действующие лица. Да, зачастую именно они генерируют идеи и являются вдохновителями творческого процесса, но... Есть еще литредактор, корректор и верстальщик, бильд-редактор, художник и фотограф, выпускающий редактор, оператор, звукорежиссер и осветитель, стилист и визажист, всевозможные продюсеры и администраторы. Возглавляет всю эту команду генеральный директор. А разве не справедливо упомянуть еще и водителя и даже охранника и бухгалтера? Словом, любое СМИ или книжно-журнальное издательство — это работа большой команды часто просто одержимых своим делом людей. И заложил основы такого подхода создатель первого в России частного издатель-

ства, более того, одного из первых в нашей стране акционерных обществ — Типографической компании — Николай Иванович Новиков.

Напомним, что первый журнал для детворы, который он придумал — «Детское чтение для сердца и разума». Новиков пригласил редактировать молодого Николая Карамзина, издание «Экономического магазина» во многом зависело от трудолюбия Андрея Болотова — основоположника отечественной агрономической науки, который также тесно связан со Ступинской землей. Целый ряд других славных новиковских журналов, хоть и создавались зачастую малой группой авторов, но их выпуск был, вне всякого сомнения, трудом коллективным. Более того, документально подтвержден факт: Новиков-издатель заказывал переводы одного и того же произведения современных французских, немецких или английских авторов сразу нескольким переводчикам, в основном, студентам Московского университета. Платил всем за труд одинаково, а публиковал лучший на свой взгляд перевод. Это ли не яркий пример соборного участия в мистическом рождении Книги?

Конечно, за написание публикуемого далее историко-искусствоведческого расследования, посвященного иконографии Н.И. Новикова, автор этой книги вполне мог бы взяться и сам. Благо, за годы, даже десятилетия исследовательской работы, на эту тему накопился внушительный свод всевозможных материалов. Но... Но новиковская традиция, заложенная в структурное содержание книги с одной стороны и чувство справедливости (также, несомненно, всегда присущее Новикову) с другой — взяли верх над искушением исключительно единоличного участия автора в написании этого труда. В итоге, после

долгих уговоров Татьяна Михайловна Абрамова — заведующая отделом обслуживания Центральной городской библиотеки МБУК ЦБС городского округа Ступино согласилась поработать над темой, которая близка ей во многих отношениях. Библиотекарь-библиограф по образованию и роду деятельности, она еще и замечательный искусствовед по призванию. И ряд книг, которые она написала — яркое тому подтверждение. Кроме того она не просто земляк Новикова и знаток его эпохи, пропагандист его наследия. Она — Библиотекарь в сакральном понимании смысла этой профессии. И этот факт необычайно созвучен с духовным деланием Новикова на последнем отрезке его жизни, когда в авдотыинском уединении он совместно с Семеном Гамалеей создавал знаменитую Герметическую библиотеку. И уж если совсем глубоко уходить в эзотерику (чему не чужды были Новиков и его современники), то в Великом Делании, а создание любой книги — именно такой процесс, участие женщины имеет решающее значение.

Николай Иванович Новиков был автором-составителем первой российской литературной биографической энциклопедии. Его «Опыт исторического словаря о российских писателях» и спустя почти четверть тысячелетия не утратил своей актуальности. Сегодня мы предлагаем вниманию читателей своеобразный «Опыт» иконографии выдающегося издателя. Впервые в отечественной литературе под одной обложкой собраны репродукции практически всех известных на сегодняшний день изображений Новикова — от миниатюрных силуэтных и гравированных портретов до полотен, написанных маслом и скульптур. Не менее ценны и любопытны и комментарии к произведениям живописи, графики и мону-

ментального искусства, история создания и сохранения которых носит порой детективный характер. Надеемся, что и этот «опыт» найдет свой отклик среди всех, кто интересуется культурой XVIII–XIX столетий и станет мощным импульсом для продолжения изучения не столько «белых», сколько «темных пятен» эпохи Просвещения в России.

Татьяна АБРАМОВА,
библиограф

«Pour ses amis»: послание в будущее

В период своей бурной общественной и издательской деятельности Николай Новиков был человеком невероятно популярным. О нем и его делах говорили при дворе и в модных салонах, упоминали в письмах и мемуарах. Но ярче всего об интересе общества к этой публичной персоне говорит тот факт, что до наших дней сохранилось шесть копий с его известнейшего портрета кисти Дмитрия Левицкого, не говоря уже о портретах утраченных, упоминаемых только в письменных источниках, созданных неизвестными художниками или графических работах. Больше писали и рисовали разве что царствующим особ.

При системном подходе к изучению иконографии Новикова выяснилось, что его портретных изображений до нас дошло довольно много— и в живописи, и графике, и в монументальной скульптуре, и даже в мелкой пластике. Это неоднократно отмечали многие исследователи его биографии и иконографии. А значит, мы можем достаточно хорошо представить себе его внешность в разные годы жизни. Каждый художник или гравёр помимо характерных черт: высокий лоб, зачесанные назад длинные волосы, густые брови с крутым изломом, подмечал что-то особенное, связанное с возрастом, настроением и своим впечатлением от такой незаурядной личности, каким был «ревнитель русского просвещения». Вот как описывает свое впечатление от первой встречи с Новиковым княгиня Е. Р. Дашкова в письме сенатору и масону И. В. Лопухину: «Мне он

тотчас же бросился в глаза, и я бы тотчас же его узнала без всяких рекомендаций по одному его черному пасторскому кафтану, по его башмакам с черными особенно глянцевидами пряжками. Лицо его открыто, но не знаю, я как-то боюсь его, в его прекрасном лице есть что-то тайное». Это «что-то тайное» сказалось и в портретах Николая Ивановича, с которыми связано немало загадок.

В прошлом и позапрошлом веке исследователями предпринимались попытки разобраться с портретами и систематизировать все известные изображения просветителя. В 1892 году в журнале «Библиограф» появилась статья автора, скрывшегося под инициалами «Н.Л.», в которой он достаточно полно описал все известные ему изображения Новикова, объединив их по группам: живописные работы и графические.

Еще более четко и подробно систематизирована иконография Николая Ивановича в статье известного историка искусства В.Я. Адарюкова «Портреты Н.И. Новикова».¹ И здесь нельзя не подивиться прихотям истории и почти мистическим совпадениям: эта статья была написана ровно сто лет назад, к 100-летию юбилею памяти Новикова, в июле 1918 года в Петрограде, однако в хаосе революции и гражданской войны работа так и не вышла в печати. Но, поистине, «рукописи не горят», а являют себя в нужный момент. Сто лет спустя после написания, в год 200-летия памяти Новикова, когда из разных источников, по крупицам собираются материалы для этой главы, неопубликованная статья была обнаружена в Российском Государственном архиве литературы и искусства и помогла собрать воедино все разрозненные сведения, уточнить многие факты. Пожалуй, это наиболее полное и авторитетное исследование иконографии Новикова, ведь Владимир

Яковлевич Адарюков, в прошлом видный исследователь книги, действительный член Государственной академии художественных наук. В начале XX века он работал в отделе гравюр и рисунков Эрмитажа, историческом отделе Наркомпроса, отделе гравюр и рисунков Русского музея и прекрасно знал эту область искусства. Как все старые библиофилы, Адарюков с глубочайшим уважением относился к жизни, личности, духовному наследию просветителя. В контексте данного исследования впервые публикуются большие фрагменты статьи «Портреты Новикова», особенно в части, касающейся описания портретов книгоиздателя. Однако многие буквальные текстуальные совпадения позволяют думать, что В.Я. Адарюков был знаком с работой своего предшественника, скрывшегося за инициалами «Н.Л.», поэтому попытаемся объединить сведения из этих двух бесценных источников с современными нам знаниями.

Характерно, что во всех портретах Новикова можно подметить две совпадающие черты: во-первых, на большинстве из них он изображен либо разговаривающим с невидимым собеседником, либо обращенным к зрителю в позе, словно приглашающей к диалогу. Многие современники отмечали у Николая Ивановича редкий дар красноречия; он умел убеждать, склонять людей к своей точке зрения. Неудивительно, что ему удавалось собрать вокруг себя команду единомышленников, без которых продвижение его грандиозных проектов было бы просто невозможно. Во-вторых, среди портретов нет ни одного парадного, в рост, предназначенного для самодовольного любования, для украшения парадных залов. В основном все портреты погрудные. Недаром на многих имеется надпись по-французски «Pour ses amis» — для друзей: среди масонов

было принято обмениваться портретами в знак братской дружбы, да и стены помещений, где проходили собрания лож, украшались изображениями ее членов. Виноват ли здесь масонский мистицизм или есть другие причины, но многие изображения Новикова загадочны и разгадка их напоминает культурологический детектив. К примеру, тайна двух последних прижизненных портретов.

... В 1814 году автор одного из них, 26-летний художник Александр Витберг, с робостью ехал в подмосковное Авдотьино, чтобы показать конкурсный проект будущего храма Христа Спасителя на Воробьевых горах человеку, которого не просто глубоко уважал — перед которым преклонялся, как перед «... мужем гениальным, положившим основание новой эре цивилизации России, начавшим истинный ход литературы, деятелем неутомимым..., который всю жизнь воздвигал в ней (России) храм иной, колоссальный и великий!».² Село огорчило Витберга своей бедностью, но хозяин встретил тепло, с душевным расположением: «Я нашел Новикова старым, бледным, болезненным, но взор его еще горел и показывал, что еще может воспламениться и любить. Большой отрытый лоб и вид серьезный и длинные волосы сзади, но во время разговора его мина принимала вид чрезвычайно приятный... Речь его была увлекательна».³

«Авдотьинский затворник» дал начинающему архитектору несколько дельных советов, поддержал и ободрил. Обласканный Витберг, вероятно, вздохнул свободнее и с интересом стал расспрашивать хозяина о его жизни, о непонятных молодому художнику причинах опалы и заточения — с той поры минуло почти четверть века и новое поколение уже плохо представляло себе события вроде бы недавнего прошлого. В этот момент художник еще не

знал, что в его жизни будет похожий поворот: он будет так же несправедливо обвинен и отправлен в ссылку — в Вятку. Здесь он познакомится с другим ссыльным — Александром Герценом, таким же восторженным поклонником просветителя, который убедит опального архитектора взяться свои «Записки...», куда вошли и воспоминания о встрече с Новиковым в усадьбе Авдотьино.

*ил. 1 А. Витберг
Портрет Н.И. Новикова*

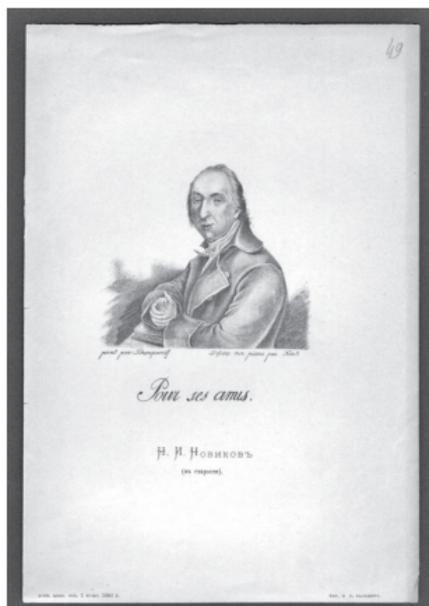
А пока Витберг, дорожа мнением своего старшего друга, еще несколько раз навещает его в Авдотьино и в один из приездов уговаривает позировать для портрета. Новиков соглашается. На быстром, легком, но тщательном карандашном рисунке Николай Иванович выглядит болезненно отекившим — абрис лица рыхлый, округлый, припухшие веки нависают на глаза (ил. 1). Но по-прежнему внимательный и спокойный взгляд в глаза собеседнику и, как и прежде, аккуратно зачесаны назад уже поредевшие волосы. Никакой небрежности в одежде, несмотря на домашнюю обстановку, никакого халата — темный кафтан с неизменным белым батистовым галстуком, собранность, опрятность. Судя по характерно согнутым в локтях рукам, представляется, что вовремя позирования он держал книгу. Через три года Новиков не станет, и молодой Александр Витберг, возмож-

но, окажется последним, кто успел сделать прижизненный портрет просветителя. А может быть и не последним... Примерно в то же время, когда молодой А. Витберг в Авдотьино с натуры рисовал Николая Ивановича, художник из династии Черепановых создает портрет Новикова для гравирования, вокруг которого до сих пор не утихают споры специалистов (ил. 2).

Черепановы числились по синодальному ведомству при Троице-Сергиевой Лавре, но занимались не только иконописью а, как и многие художники XVIII века, выполняли частные живописные заказы. Сидор Тимофеевич Черепанов познакомился с Новиковым в Москве и некоторое время был связан с ним по делам издательства. Профессионально Черепанов общался и с гравером И. Розановым (который тоже изготовил гравюру с портрета

Николая Ивановича, и оба мастера использовали один прототип — возможно, знаменитую живописную работу Д. Левицкого).

Правда, по мнению современного исследователя Т.В. Алексеевой, не Сидор Тимофеевич Черепанов, а его сын, художник-любитель, прапорщик Иван Сидорович Черепанов является автором и этой работы, и графического, но уже посмертного портрета Новикова, на котором она обнаружила авторскую

подпись «И.Ч.», расшифровав ее как «Иван Черепанов». О художественных дарованиях и работах этого молодого человека писал сам Новиков, и потому рассуждения Алексеевой кажутся вполне логичными.⁴

Косвенным, но допустимым подтверждением тому, что последним прижизненным является все-таки портрет Черепанова, служит мнение автора опубликованной еще в XIX веке статьи «Портреты Н.И. Новикова». Он полагает: «Весьма возможно, что Черепанов писал с натуры одно лишь лицо Новикова, а остальное дополнил по одному из портретов работы А. Осипова или И. Розанова». Новиков изображен Черепановым более пожилым, чем на рисунке Витберга, сильно исхудавшим, осунувшимся. Далее автор делает весьма остроумный вывод о времени появления этой работы в промежутке между 1815 и 1818 годами (интересно, что этот пассаж почти дословно повторяет в своей статье В.Я. Адарюков). Оба автора утверждают, что «... существует экземпляр, отпечатанный с водяным обозначением 1815 года; следовательно, ранее этого года литографии не могли быть напечатаны. Затем, если бы эти литографии появились после 1818 года (т.е. после смерти Новикова), то, вероятно, к дате рождения была бы прибавлена и дата смерти».⁵ Зато эта дата — 31 июля (12 августа)

*ил. 3 И. Черепанов.
Н.И. Новиков в гробу*

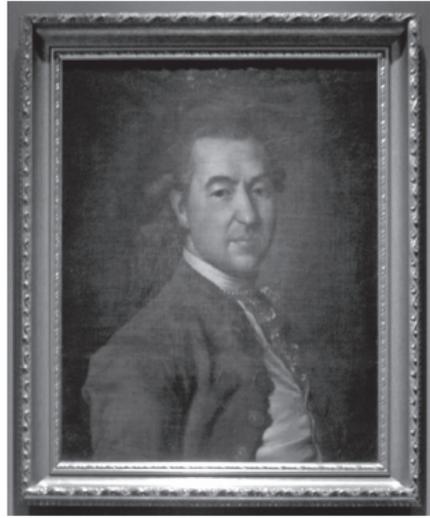
1818 — стоит на еще одном рисунке И.С. Черепанова, первом посмертном (ил. 3). Быстрый набросок тушью — Николай Иванович в гробу. То же исхудавшее лицо с за-

острившимися чертами, с печатью страдания, уже почти чужое, если бы не узнаваемый высокий лоб. Предположим, что рисунок Витберга был сделан в промежутке между этими двумя работами Черепанова, но тогда трудно объяснить, как человек мог так быстро изменить внешность: худой, так что нос заострился и проступают кости черепа — располневший до отечности — снова резко исхудавший. Логичнее предположить, что именно Черепанов видел Новикова и рисовал его прижизненный портрет последним. Но предположения — еще не доказательства, возможно время откроет и новые факты...

Интересно, однако, что владелец посмертного рисунка — коллекционер и издатель Николай Васильевич Губерти — родился в том же 1818 году неподалеку от Авдотьины, в Коломне, словно принимая эстафету книжного дела. Исследователь биографии Новикова А.В. Нефедов обнаружил в Государственном Историческом Музее письмо от 24.XII.1896 г. Н.Н. Губерти, адресованное выдающемуся коллекционеру-библиофилу той поры Владимиру Николаевичу Рогожину. Губерти предлагает купить у него книги отца, в том числе «... портрет Новикова, рисованный тушью и взятый из дома его в с. Авдотьино...».⁶

Еще больше загадок и неясностей оставили нам в наследство живописные портреты «ревнителя русского просвещения». Начнем с того, что большинство из них неизвестно кем написаны. Взять хотя бы тот, что был представлен в 2012 году на выставке «Национальная портретная галерея» в Историческом музее Москвы (ил. 4). Судя по каталогу выставки, на портрете неизвестный автор изобразил Н.И. Новикова в сравнительно молодые годы. Портрет написан в гармоничных теплых коричнево-золотистых тонах. Условный темный фон портрета, характер-

ный для XVIII века, словно «растворяет» аккуратно по моде причесанные волосы с буклями у висков, сосредотачивая внимание на молодежавшем высоколобом лице. Подтянутая фигура, поза спокойная, но собранная. Щеголеватый коричневый камзол; белые жилет и кружевной скромный галстук оживляют бликами округлые щеки, ямочку на подбородке, мягкие чувственные губы. Внима-

ил. 4 Портрет Н.И. Новикова
1780 г.

Анонимный автор.

тельный взгляд темных глаз под чуть сведенными густыми бровями не придает образу суровости — Новиков просто внимателен и приветлив. Портрет лишен драматизма и выразительности, но наполнен мягким лиризмом. Автор этого живописного произведения неизвестен. Но вот что пишет в своей неопубликованной статье такой знаток иконографии Новикова, как В.Я. Адарюков: «Первым по времени портретом Новикова надлежит считать портрет кисти Боровиковского. Установить точно год его появления довольно трудно. На этом портрете он изображен приблизительно в тридцатипятилетнем возрасте; по грудь, $\frac{3}{4}$ вправо в пудре, кафтане, белом жилете и жабо. Портрет этот был у графа Уварова и был на Московской портретной выставке 1868 года... С этого портрета Розановым сделана гравюра». ⁷ Описание портрета достаточно точно, чтобы его можно было перепутать с каким-то другим, но современным искусствоведам ничего неизвестно о портретах Но-

виков, принадлежащих кисти В.Л. Боровиковского! Да, если верить представленной каталогом выставки датировке картины — 1780 год, то Новикову на ней действительно 35 лет, это период знаменитого бурного «московского десятилетия». Но в это время предполагаемому автору портрета только 23 года, он живет в Миргороде на Украине и лишь начинает свою живописную историю. Пожалуй, только по образному строю портрета, отмеченного характерной для зрелого Боровиковского «нежной чувствительностью», работу можно было бы связать с его именем. Однако имя этого художника в связи с Новиковым с удивляющим постоянством то и дело упоминают разные специалисты-библиофилы позапрошлого века, что не может не наводить на размышления...

В гравированном с этой работы И. Розановым поясным портрете в овале Новикова легко узнать по характер-

*ил. 5 И. Розанов.
Гравюра с работы
неизвестного автора
Портрет Н.И. Новикова*

ному излому густых бровей, высокому открытому лбу, складке рта (ил. 5). Но в остальном гравюра заостряет характерные особенности оригинала: изображение представляет нам щеголеватого молодого человека в модном парике, с привычной гвардейской выправкой, хотя и несколько скованного, в хорошо сидящем камзоле, красивом светлом жилете и аккуратно повязанном галстуке. Возможно, именно таким

уверенным столичным чиновником, умницей-секретарем знали его в комиссии по составлению екатерининского «Нового Уложения...». Этот гравированный портрет считается крайне редким, и вот почему. В начале XIX века известный собиратель портретов, издатель и коллекционер Платон Петрович Бекетов задумал грандиозное начинание — издать собрание гравированных портретов российских литераторов и выдающихся деятелей русской истории под названием «Собрание портретов Россиян знаменитых». Тексты биографий писал его дальний родственник — историограф Н.М. Карамзин. Большую часть портретов изготовили граверы Иван Розанов и Алексей Осипов. О достоверности изображений в предисловии говорилось: «Мы собрали что могли. Ручаемся за сходство многих, но не всех. О работе художников пусть судит публика». К сожалению, как это нередко случается, судьба интереснейшего начинания сложилась несчастливо. Подписчиков не хватало для покрытия расходов на печать, и издание было прекращено, хотя уже было заготовлено более 300 медных гравировальных досок разных мастеров. При жизни своей Бекетов успел отпечатать только 50 портретов, среди которых был и портрет молодого Н.И. Новикова. Один из оттисков находился в собрании Петра Алексеевича Ефремова — знатока русской литературной истории XVIII—XIX веков, собравшего одну из замечательнейших в России библиотек и богатое собрание рисунков и портретов. А гравировальные доски вскоре были проданы за бесценок и переплавлены.

Перейдем теперь к самому, пожалуй, знаменитому, всем известному и многократно скопированному портрету из Третьяковской галереи в Москве. Даже если человек на вопрос: «Знаете ли Вы, кто такой Николай Иванович Но-

виков?» — начинает растерянно улыбаться, при виде этого изображения облегченно вздыхает: «А, да — этого помню, видел...». Портрет, действительно, запоминающийся, подкупающий теплым и простым отношением к модели и глубокой психологической характеристикой образа — так пишут дорогих, душевных друзей (ил. 6). И снова — весьма и весьма таинственный...

С него (или не с него, а с еще одного, несохранившегося?) в разное время, разными художниками было создано

ил. 6 Портрет Н.И. Новикова
из коллекции
Ф.И. Прянишникова.
Государственная
Третьяковская Галерея. Москва

шесть (или пять?) копий. С них, в свою очередь, сделано большинство известных гравюр. Портрет снова не подписан (что весьма странно для портрета, но не для копии) и, считается, но не всеми искусствоведами и с оговорками, что принадлежит кисти одного из известнейших живописцев «века портрета» — Дмитрию Григорьевичу Левицкому. Озадачивает то, что на одном рисунке, сделанном с этого портрета, есть надпись — «с портрета Боровиковского».

Такой вот культурологический детектив. Попробуем теперь пройти квест «Истории всех известных копий»...

«Третьяковский» портрет (который многими считается подлинником, а мы будем считать портретом № 1) еще при жизни Новикова принадлежал Федору Ивано-

вичу Прянишникову (1793–1867) — государственному и общественному деятелю XIX века, благотворителю, библиофилу... и, конечно, масону. Прянишников был членом нескольких лож, обладателем портретов братьев-масонов, в том числе Н.И. Новикова, как он утверждал — работы Левицкого. Да, об авторстве этой работы искусствоведы спорят до сих пор, дают обтекаемые формулировки, но в качестве наиболее вероятного автора признают, все же, одного из крупнейших и талантливейших художников XVIII века Дмитрия Левицкого — друга «ревнителя русского просвещения». Специалисты основываются на таких специфических моментах, как стиль, присущая именно этому мастеру манера письма. Но есть и другие намеки.

По немногим сохранившимся письмам Новикова можно сделать вывод, что его действительно связывала с Левицким долгая и сердечная дружба. В 1779 году оба жили в Петербурге, недалеко друг от друга на Васильевском острове. Как известно, круг культурных людей во все времена узок, а слой — тонок, поэтому легко представить журналиста и книгоиздателя частым гостем в открытом доме талантливого и модного художника. Вряд ли они занимались пустой светской болтовней: новиковские беседы всегда были содержательными, а интерес к личности собеседника — искренним. Левицкий, в свою очередь, читал полемические статьи в издаваемых Новиковым журналах «Трутень» и «Кошелек». Вероятно, под влиянием пламенного публициста живописец и пришел в масонское братство. В 1790-е годы художник написал портреты некоторых видных членов движения: вице-президента академии художеств и духовного воспитанника Новикова А.Ф. Лабзина, морского офицера капитана Г.А. Долгорукого (чей портрет по своей композиции мог

быть парным портрету Новикова), а также московского почт-директора сенатора Ф.П. Ключарева, у которого Новиков нашел приют в первое время после выхода на свободу из Шлиссельбургской крепости. В письмах Новикова к Лабзину постоянно мелькают просьбы о присылке портретов «братьев» и благодарности при получении их. Вот что он пишет 27 марта 1798 года: «О портретах, что получил, уже выше сказал. Поблагодарите л<юбезного> д<руга> Дмитр<ия> Гр<игорьевича> [Левицкого] и поцалуйте за меня... Ежели есть у него еще оконченные портреты, то он весьма бы утешил меня присылкою их».⁸ Сердечность и теплота строк, относящихся к художнику, дают основание думать, что они были знакомы давно и что Левицкий разделял убеждения друга. Знаменитый портрет был написан в том же году, когда Александр Лабзин принял художника «по поручению» Новикова в масонскую ложу. В это время художнику было уже 62 года, он старше своей модели — Новикову — 53. Левицкий стареет, и, хотя он по-прежнему талантлив, мода на его портреты проходит. Новиков, после освобождения из Шлиссельбургской крепости и перенесенных им жестоких испытаний, по свидетельствам современников, сильно постарел, живет в деревне, болеет. Но на портрете друга в его облике нет печати болезни и мученичества. Напротив, художником подчеркнута его живая энергия и спокойная твердость духа. Чуть смещенная от центра фигура придает композиции динамику, движение. Разворот фигуры, жест руки, полуоткрытые губы — с портрета просветитель обращается к зрителю, приглашает к разговору, спору, полемике. Он еще полон сил и достоинства. Изображение Новикова само по себе настолько глубоко и содержательно, что не нуждается в дополнительных комментариях.

ях, хотя художник не удержался от аллегии: за спиной книгоиздателя, в оконном проеме клубятся и сгущаются мрачные тучи, но мы уверены, что свет просвещения разгонит тьму. Поэтому напряженное, взволнованное звучание фона не передается самому портретируемому. Новиков без положенного по этикету парика, в простом суконном сюртуке, из-под которого виднеется черный жилет и белое жабо рубашки. «Демократичность» одежды будет прослеживаться и в других портретах, как узнаваемая черта человека деятельного, не склонного ни к праздности, ленивому сибаритству, ни к пустому щегольству. Сегодня он, несмотря на возраст, наверное, носил бы джинсы и свитер и жадно осваивал новые технологии. Но возраст сказывается в погруженнейшей фигуре, поредевших вьющихся волосах, открывающих высокий лоб мыслителя. Густые брови с крутым изломом станут характерной узнаваемой чертой внешности Новикова на всех портретах. Как передать одновременно простоту, естественность человека и, в то же время, его значительность? Дмитрию Левицкому, мастеру глубокому и проникновенному, это удалось; ведь он писал портрет не просто заказчика — друга.

Первый владелец этого портрета — Ф.И. Прянишников — передал его в частный Румянцевский музей Санкт-Петербурга, который позже переехал в Москву и вошел в состав коллекции Императорской Публичной библиотеки (ныне Российская государственная библиотека). В начале 20-х годов XX века коллекции расформировали, книги оставили в библиотечных фондах, а произведения живописи передали в Третьяковскую галерею. С описания этого портрета Михаилом Николаевичем Лонгиновым — автором книги «Новиков и московские мартинисты», одного из первых исследований русского масонства и биографии

*ил. 7. Фотография с портрета
Н.И. Новикова,
принадлежавшая
М. Лонгинову*

Н.И. Новикова и пошла с середины XIX века путаница с авторами. Вот как об этом говорит В.Я. Адарюков: «Описывая этот портрет, М.Н. Лонгинов ... говорит: «в 1797 году известный живописец Боровиковский написал превосходный портрет Новикова. Это мастерское произведение по красоте рисунка, тонкости кисти и живописи красок, не утратившее своего достоинства через 60 лет». Очевидно, почтенный Лонгинов смешал и ошибочно

приписал портрет работы Левицкого Боровиковскому. Далее Лонгинов добавляет: «С портрета Боровиковского... снято... несколько фотографических снимков, превосходно исполненных в Москве г. Бергнером. Одна из этих фотографий (ил. 7) досталась пишущему эти строки (т.е. Лонгинову — Т.А.)».⁹ Ошибка Лонгинова повторялась в работах разных авторов и фотографии эти до сих пор вводят в заблуждение коллекционеров.

Но что, если М.Н. Лонгинов описывал какую-то копию, действительно выполненную в 1779 году В.Л. Боровиковским? Про художника известно, что при переезде в Петербург в 1770-е годы он учился у Д.Г. Левицкого, который, вероятно, и ввел его в круг масонов. Боровиковский был посвящен в масонство в петербургской ложе

«Умирающего сфинкса», которой руководил А.Ф. Лабзин и членом которой был Д.Г. Левицкий. Не мог ли ученик действительно скопировать работу своего учителя? Вопрос этот еще не разрешен.

А где же другие копии? Еще одна качественная работа (будем считать — портрет № 2) хранится в Санкт-Петербурге в Эрмитаже, куда он поступил, в свою очередь, из Государственного Русского музея. К слову, в эрмитажном каталоге он значится как работа неизвестного художника, созданная после 1797 года. Портрет почти идентичен «третьяковскому» за исключением размеров («эрмитажный» на несколько сантиметров больше) и пейзажа (ил. 8). Здесь за спиной Новикова вместо мрачно клубящихся туч совсем уже грозо-

ил. 8 Портрет Н.И. Новикова
из семейного архива
Тургеневых.
Государственный Эрмитаж.
Санкт-Петербург

вое небо с неясным силуэтом какой-то башни у правого плеча. Несмотря на всю приблизительность и условность изображения, она очень напоминает колокольню главного собора Шлиссельбургской крепости, где томился просветитель. Сегодня этот собор уже не существует, но на старинных схемах Шлиссельбурга высокий тонкий шпиль этой постройки сразу бросается в глаза. Намек более чем прозрачный. И царская гроза, и мрачная тюрьма остаются позади, уходят в прошлое, уже смутно различимы. Да и не

так уж важны. Важен только наш темноглазый спокойный собеседник и призывный жест его руки...

Кто же был первым владельцем этого портрета, кому он должен был напоминать о превратностях судьбы, о стойкости и вере? На обороте холста имеется надпись на французском языке, из которой следует, что в 1902 году портрет передал в Русский музей (тогда он назывался Музей Александра III) Петр Николаевич Тургенев (1853–1912) — сын декабриста Николая Ивановича Тургенева и внук Ивана Петровича Тургенева, человека просвещенного, видного масона екатерининского времени. Иван Петрович был связан с Новиковым не только, как масон, но и как близкий друг, и как постоянный сотрудник в издательском деле. Когда Новиков подвергся преследованию в конце царствования Екатерины II, то и Тургенев отправлен был в ссылку и возвращен лишь при Павле I. Скорее всего, именно для него и была сделана копия с башней, которая позже передавалась в семье Тургеневых по наследству. Последний владелец портрета — скульптор Петр Николаевич Тургенев — родился, жил и умер в Париже. Но, не смотря на это, оставался большим знатоком и ценителем русской культуры.

Еще один портрет (будем считать его — портрет № 3) принадлежал историку русской литературы, книгоиздателю Петру Александровичу Ефремову (1830–1907). Ефремов был страстным коллекционером и собрал неповторимую по своей уникальности в России библиотеку объемом приблизительно 24 тысячи томов, которая помимо книг содержала гравюры, портреты, рисунки, оттиски, эстампы. Хорошо знавший Ефремова московский книжник С.П. Виноградов, упоминает, что среди них был и «большой масляный портрет Н.И. Новикова».¹⁰ В 1864 году Ефремов, в от-

чаянной борьбе с цензурой сумел переиздать новиковские журналы «Живописец» и «Трутень» (даже спустя сто лет их стиль казался чрезмерно отважным). Для этих изданий и были сделаны гравюры с живописного портрета, но с какого? Того что принадлежал самому Ефремову, или другого — того, который упоминает автор заметки «Портреты Н.И. Новикова» (назовем его — портрет № 4): «Грудной портрет, исполненный масляными красками неизвестным художником и находящийся теперь у Е.В. Якушкина в Ярославле. С него существует литографированная копия, напечатанная в Москве

ил. 9. Н.И. Новиков. Гравюра. Литография, мастерская А.М. Шелковникова. 1858 г.

в литографии Шелковникова и приложенная к «Библиографическим запискам» 1858 года (ил. 9). С того же оригинала исполнена была гравюра на стали, изготовленная у Брокгауза в Лейпциге и приложенная П.А. Ефремовым к третьему его изданию новиковского журнала «Трутень».¹¹

С владельцами этой копии портрета тоже не все понятно — кто такой Е.В. Якушкин? Младший сын декабриста Ивана Дмитриевича Якушкина — Евгений Иванович, действительно в 1859 году перешел на службу в Ярославль. Гордостью семьи была собранная им уникальная домашняя библиотека в 15 тысяч томов, включающая и произведения живописи. Его сына, который

был внуком декабриста и журналиста, звали Вячеслав Евгеньевич (1856—1912). Следуя благородной семейной традиции, он так же был страстным книголюбом. Кроме того, написал статью «Очерк жизни и деятельности Новикова».¹² Кого же имел в виду автор под инициалами «Е.В.»? Или это опечатка? Загадка разрешилась, благодаря разысканиям А.В. Нефедова. В архивных документах Отдела Письменных Источников Государственного Исторического Музея в делах издателя XIX века Павла Константиновича Симони он нашел такую запись: «Портрет масляными красками, писаный и подаренный дочерью Новикова, Верой Николаевной, Н.П. Руничу, по-видимому, впоследствии перешел к Евг. Ив. Якушкину и с него же была сделана в Лейпциге у Брокгауза гравюра для ефремовского издания «Живописца», «Трутня» и др. Цинкография с фотографии постоянно стояла на письменном столе у М.Н. Лонгинова...».¹³ Действительно, брат Николая Павловича Рунича и ученик Новикова Дмитрий Павлович, собирал масонские материалы и письма Н.И. Новикова, А.Ф. Лабзина, И.В. Лопухина, Ф.П. Ключарева. К концу жизни он делал попытки привести в порядок свой архив и даже продать его, но смерть помешала ему воплотить эти замыслы в жизнь. После смерти архив Д.П. Рунича был распылен, но большая часть его документов сохранилась в частных коллекциях, в том числе у Е.И. Якушкина, где оказался и портрет Новикова.

Еще один экземпляр копии портрета (назовем его портрет № 5) имелся у знаменитого букиниста старой Москвы Афанасия Афанасьевича Астапова (1840—1917). В его книжной лавке, по уверениям современников, побывал весь ученый мир столицы. Все знали, что здесь обяза-

тельно найдется необходимая книга. В своих воспоминаниях Астапов писал, что портрет «... подарила мне княгиня Белосельская-Белозерская, с условием, чтобы его никому не продавать. «Я Вам дарю его, — говорила она, — потому что мои года на уклоне, а я его почитала и верю Вам, что Вы так же его уважаете!...».¹⁴ Трудно сказать, кого именно из многочисленного рода князей Белосельских-Белозерских имел в виду старый книжник. По времени более всего подходит кн. Елизавета Эсперовна, в замужестве Трубецкая. Светская львица, всю свою жизнь прожившая за границей, знакомая с И.С. Тургеневым и Ф.И. Тютчевым, владелица обширной библиотеки, княгиня в старости больше времени стала проводить в своем имении в России. Елизавета Эсперовна умерла в 1907 году, накануне смерти старалась пристроить важные для нее раритеты в руки понимающих людей. После смерти старого букиниста портрет, по словам В.Я. Адарюкова, попал «к другому антикварию Константинову»¹⁵, сменил нескольких владельцев, пока не оказался в руках у Н. Смирнова-Сокольского, популярного в советское время артиста эстрады, а в писательских кругах известного больше как страстный библиофил-коллекционер и историк книги. В 1970-х годах книжная коллекция Смирнова-Сокольского вошла в состав нынешней Российской Государственной Библиотеки, а вот где сегодня находятся живописные и графические работы из его обширного собрания? Сведений о них найти не удалось.

К слову, в мемуарах писателя И. Белоусова «Ушедшая Москва» есть упоминание о том, что у Астапова было любимое старинное кресло карельской березы, которое, по его словам «принадлежало какому-то знаменитому человеку, чуть ли не Новикову».¹⁶

*ил. 10. Н.И. Новиков.
Гравюра в кн. Пыляев М.И.
Старая Москва. 1990*

*ил. 11. Гравюра с портрета
Н.И. Новикова из издания
1996 г.*

Еще две копии масляными красками были сделаны художниками Г. Беловым (портрет № 6) и К. Лебедевым (портрет № 7) для Московского Строгановского училища. Здесь с них изготавливали линогравюры для печати. Одна из гравюр была напечатана в двухтомном альбоме «Портретная галерея русских деятелей», в которую вошло 200 превосходных портретов с биографическими очерками, выпущенных литографом А. Мюнстером в 1865 и 1869 годах. И уже с этой литографии, в свою очередь, снята новая копия для труда А. Незеленова «Литературные направления в Екатерининскую эпоху», в котором автор — историк литературы — сделал попытку построить гипотезу

о законах развития русской литературы екатерининского времени.¹⁷ А далее — эти гравюры часто повторялись во многих источниках, посвященных истории XVIII века: и в популярной книге М.И. Пыляева «Старая Москва» московского издания, которую можно найти в любой би-

блиотеке (ил. 10); и в не менее часто встречающемся путеводителе по XVIII веку «Русская старина», выпущенному в Санкт-Петербурге (ил. 11).

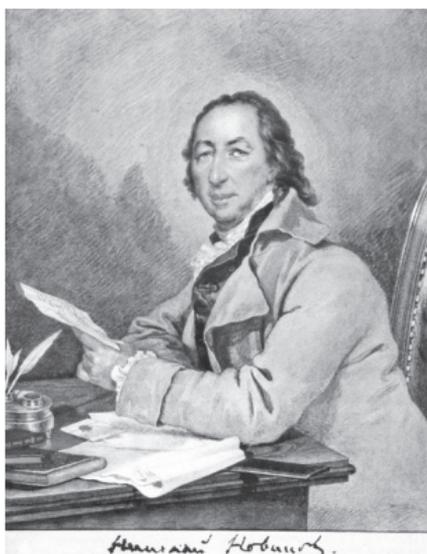
И сама личность Н. Новикова, и его портрет кисти Д. Левицкого, были столь популярны, что с хрестоматийного полотна делали не только профессиональные копии, но и любительские рисунки с вариациями. Одна такая интересная работа, выполненная на бумаге графитным карандашом и подкрашенная

акварелью, сегодня находится в собрании Всероссийского музея А.С. Пушкина в Санкт-Петербурге, а туда попала из известной коллекции Воейкова (ил. 12). И здесь вновь нельзя не подивиться причудам истории: коллекционер и библиофил Леонид Алексеевич Воейков (1818—1886) — внук Н.А. Львова

— архитектора, музыканта, поэта, художника конца XVIII века.

Портрет Николая Львова

и его жены Марии Дьяковой в Третьяковской галерее находятся в одном зале, поскольку так же принадлежат кисти их с Новиковым общего друга — Д. Левицкого. А племянником Л.А. Воейкова был художник Василий Дмитриевич Поленов. Всероссийскую известность Леонид Алексеевич снискал как собиратель русских гравированных портретов. Его коллекция по полноте и редкости листов была одной

ил. 12 Неизвестный художник с оригинала Д. Левицкого. Из собрания Л. Воейкова

из лучших, а собрание портретов Екатерины II не имело себе равных в России, поскольку ему дарили свои труды все известные знатоки гравюр.

Но вернемся к упомянутому рисунку. На его оборотной стороне имеются две надписи. Вверху: *«Подарено мне соседкою моею по деревни Софією Николаевною Ивановой дочерью профессора Сандукова — надпись внизу писана рукою ея отца*

Леонид Воейков»

Внизу:

«Николай Иванович Новиков

Ему обязаны хорошими русскими книгами для литературы...».

Видимо, профессор Сандуков глубоко уважал просветителя, если сделал такую надпись и хранил у себя этот необычный рисунок.

С портретом Левицкого его роднит только положение корпуса модели и элементы одежды. Неизвестный художник поместил Николая Ивановича в обстановку его рабочего кабинета: дорисовал стол с письменным прибором, бумагами и книгами, за спиной — угол спинки высокого кресла. Если на картине Новикова легко можно вообразить себе и сидящим за столом, и расхаживающим по комнате в процессе беседы, то на рисунке он лишь на миг оторвался от важных дел. В поле зрения полностью появляется левая рука (на картине — невидимая), в которой зажат листок бумаги, в то время как правая (у Левицкого — с жестом приглашения) на рисунке скрыта, опирается локтем на стол. Губы Новикова сомкнуты, корпус напряженно выпрямлен и несколько наклонен вперед, что придает фигуре большую собранность, решительность. Книгоиздатель работает — вычитывает гранки? Пишет статью? Ему сейчас

не до разговоров, он занят, но любезно оборотился к нам, зрителям, пересекая с нами взглядом.

Этот интересный, свежий вариант копии хорош и по сдержанному акварельному колориту: светло-охристый кафтан оттенен темно-коричневой поверхностью стола; гармонично перекликаются белые пятна бумаг, перьев в чернильнице и галстука, монотонность коричневого разбивают две красных детали — печать на бумаге и книжный обрез. Высокий лоб Новикова акцентирован световым пятном, а вокруг головы нимбом так же идет высветление, на котором ясно читается контур фигуры. Рисунок нельзя сравнивать с исходным портретом не только по технике или качеству. Это образ одного человека в двух разных состояниях — оживленный, внимательный собеседник и деловой человек за работой. Но этой интерпретацией он и интересен.

Образ с картины Левицкого был скопирован художниками и в миниатюрах: В.Я. Адарюков утверждает, что «В императорском Эрмитаже имеется миниатюра на кости Н.И. Новикова с портрета Левицкого, но, к сожалению, не установлено, чья это работа. Также неизвестно кем исполнена и вторая

миниатюра, находящаяся в Историческом музее в Москве (ил. 13). Миниатюра эта воспроизведена в труде велико-

155

Николай Иванович Новиков, 1744 — 1815 *Nikolai Ivanovitch Novikoff, 1744 — 1815*

ил. 13 Портрет Н.И. Новикова. Миниатюра. Государственный исторический музей. Москва.

го князя Николая Михайловича «Русские портреты» т. III, стр. 155. По-видимому, оригиналом и для этой миниатюры послужила одна из копий портрета Левицкого».

В 1980 году эмалевую миниатюру на тему портрета Левицкого создал художник О.И. Крылов (ил. 14). На

*ил. 14. О.Крылов.
Портрет Н.И. Новикова.
Миниатюра. 1980 г.*

круглой плакетке диаметром в 7см Новиков изображен на фоне моря с корабликом, заменяющими предгрозовую пейзаж знаменитого полотна. Видимо, это должно говорить о том, что жизнь просветителя была связана с Северной столицей (да и находится это произведение в Государственном музее истории

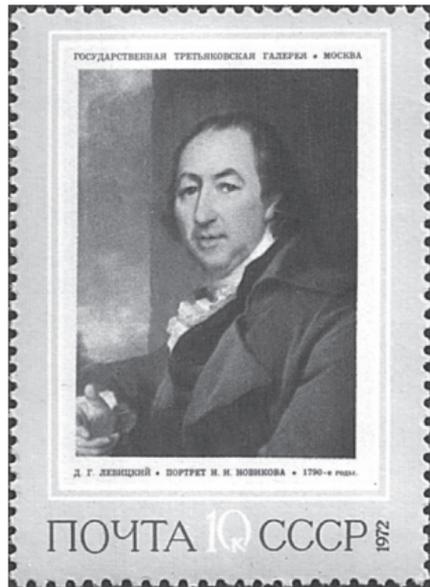
Санкт-Петербурга). Трактовка дополнительной символики на усмотрение зрителя: это может быть и мятежный лермонтовский «парус одинокий», и корабль в житейском море, и капитан «кораблей мысли» (так в старинной традиции называли книги), и многое другое. Туманный холодный серо-голубой цвет фона миниатюры оживлен теплым коричневым цветом кафтана и корпуса корабля, а наполненные ветром паруса и направленный концами в их сторону галстук Новикова словно сделаны из одной ткани. Миниатюра производит впечатление свежего прочтения знакомого сюжета.

Двадцатый век вообще обошелся с тиражированием знаменитого портрета с имперским размахом. В 1972 году к 150-летию памяти художника Д. Левицкого Почта СССР выпустила марку, на которой был воспроизведен

портрет Новикова (ил. 15). Из всех великолепных работ Левицкого выбрали именно этот — случайно ли? Образ — послание, портрет — собеседник помогал соединять людей летучим Словом, напоминал о человеке, которому русская культура, в том числе литература и искусство точно выражать свои мысли письменно обязана очень многим... Марка с портретом Новикова была выпущена в количестве 6 600 000 экземпляров!

Поскольку все вышеперечисленные портреты имеют один первоисточник, они похожи друг на друга, несмотря на разницу в технике и мастерстве исполнения. Зато следующие портреты оригинальны.

Особый интерес у исследователей вызывают графические изображения Николая Ивановича Новикова, сделанные для различных изданий. Созданы они в разное время и запечатлели русского просветителя, журналиста и писателя в разные периоды его жизни. Выше уже упоминалась библиографическая редкость и мечта любого коллекционера — альбом гравюр П.П. Бекетова «Собрание портретов Россиян знаменитых», для которого мастером И. Розановым была выполнена гравюра с портрета, изображавшего Н.И. Новикова в молодые годы.

ил. 15. Почтовая марка с портретом Н.И. Новикова из Государственной Третьяковской Галереи

Н. И. Новиковъ

ил. 16. Н.И. Новиков.

Гравюра А. Осипова

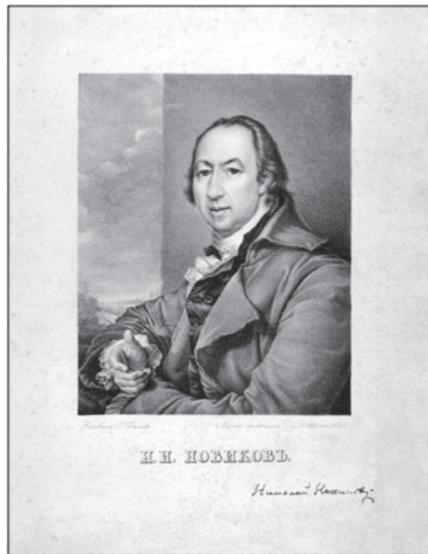
Отдельно от «Собрания...» были изданы четыре портрета и в их числе портрет Новикова уже в пожилых годах, гравированный А. Осиповым (ил. 16). Оригинал, с которого гравировалась доска так же, как и в случае с портретом в молодости, неизвестен. Очень может быть, что Осипов, точно также как и Розанов, гравировал с какого-либо портрета, исполненного масляными красками. По положению корпуса модели портрет

напоминает работу Левицкого. Высокий лоб Новикова уже избороздили морщины и годы согнули плечи, но поза стала свободнее, не так напряжена, как на гравюре Розанова. Руки спокойно сложены на груди или лежат на столе, удобный сюртук, отсутствие парика и аккуратно повязанный белый галстук-жабо выдают частного человека. Но мы видим: Новиков по-прежнему деловит и собран.

Уменьшенные копии этих двух портретов помещены и в «Подробном Словаре русских гравированных портретов» Дмитрия Александровича Ровинского (1824—1895). Это огромный труд по русской иконографии в пяти томах в настоящее время существует в репринтном издании.¹⁸ От других научных работ такого рода «Словарь...» отличается тем, что не претендует на полноту или определенную систему, зато написан ярким, образным языком, обращен-

ным к неспециалисту. Биографические заметки к портретам — это краткие, живые, остроумные характеристики самых разных персонажей и содержат богатый бытовой и исторический материал, в том числе — воспоминания современников. Сами же печатные листы с портретами Н.И. Новикова работ И. Розанова и А. Осипова — чрезвычайная редкость, ведь медные гравировальные доски, выполненные для «Собрания портретов Россиян знаменитых» были еще в середине XIX века уничтожены (проданы в переплавку) и оттисков с них сохранилось немного. В.Я. Адарюков сообщает, что: «Русские собиратели, ценя в Бекетовских портретах их достоверность, усиленно их собирали. Требинов платил по 25 рубл. за редкий лист, цена по тем временам совершенно невероятная».¹⁹

Современные коллекционеры также проявляют немалый интерес к поиску подобных гравюр. Так. На 43-м художественном аукционе, который прошел в декабре 2014 года, лот 26 представлял «Портрет издателя Н.И. Новикова... Литография школы Г.С. Строганова по копии Г. Белова с оригинала Д.Г. Левицкого». При начальной цене в 4,5 тыс. рублей, листочек бумаги 30,5 X 22,5 см был продан за 7 тыс. рублей (ил. 17).

ил. 17. Литографированный портрет Н.И. Новикова, проданный на аукционе 2014 г.

Помимо живописи и графики, образ нашего героя запечатлен еще в таком специфическом и прелестном виде изобразительного искусства, как силуэтный портрет. Вместе с модой на все китайское, однотонные черные изображения,

ил. 18 Ф. Сидо.

Н.И. Новиков. Силуэт

так называемые «китайские тени», проникли в Европу, где в середине XVIII века широко распространилась мода на силуэтные портреты. Россию это увлечение так же не обошло стороной. В 1782–1784 годах моду на силуэты завез в Петербург французский художник Ф. Сидо. В этой технике он изготовил портреты Екатерины II, членов ее фамилии и приближенных. Свои силуэты он чаще всего вырезал из черной бумаги и клеивал в гра-

вированные рамки. В это время Новиков пребывал уже в Москве, но деятельность его была настолько известна, что Сидо выполнил и его силуэтный портрет, как одного из знаменитых людей эпохи (ил. 18). Портрет помещен в красивую овальную рамку, та, в свою очередь, богато орнаментирована. В монотонном черном пятне профиль Новикова легко узнаваем. Силуэт очерчен уверенной, гибкой линией экспрессивной и подвижной. Сегодня этот вид прикладного искусства кажется пустячной затеей, им промышленляют любители на курортных пляжах. Но в XVIII веке на него смотрели, как на новинку, как на вполне серьезное занятие

и сравнивали рельеф силуэта с короткой остроумной фразой, афоризмом. А подробный рассказ оставляли на долю живописного полотна...

Последние изображения Н.И. Новикова, которые хочется упомянуть, скорее не портреты, а курьезы, но обойти их вниманием было бы несправедливо. В популярнейшем в начале позапрошлого века литературно-художественном журнале «Нива» в № 46 за 1900 год печатается исторический роман Г. Данилевского «Мирович» об эпохе дворцовых переворотов в России (этот авантюрно-приключенческий роман многократно переиздавался и сегодня его можно найти в любой публичной библиотеке). Наряду с прочими реальными и выдуманнными героями в романе фигурирует молодой Н.И. Новиков, которого автор сделал пламенным поклонником будущей императрицы Екатерины Великой. Вот как описывает автор их первую встречу в день дворцового переворота: «Карета миновала ближние роты Измайловского полка и остановилась на зеленом пустыре, у полковой съезжей. Здесь еще было тихо. Под сигнальным колоколом, у моста через ров, ограждавший полковой двор, с ружьем на плече стоял часовой. Екатерина вышла из кареты. Часовой сразу ее узнал. Не спуская с нее загоревшихся изумлением, страхом и радостью глаз, он вытянулся у входа на мост и молча взял на караул.

«Пропустит ли?» — подумала Екатерина. — «Что, как заступит дорогу, подаст неурочный сигнал к тревоге?».

Лицо ее покрыла краска.

Не спеша и не глядя на караульного, она мерным, спокойным шагом твердо направилась от кареты к мосту.

Часовой не шелохнулся. Только грудь его высоко поднималась да молодое, замиравшее сердце билось шибко и горячо.

«Вот спустит на перилы мушкет, ударит в колокол!» — мыслила Екатерина, в холоде и трепете неизвестности смело и бодро ступая по серым, стоптанным горбылинам мостовин.

«Проходи, умница, радость! — думал тем временем, смотря на государыню, часовой.— Угадываю... Вон они, орленки, сподвижники твои, смельчаки... Иди... Не на утеснения, не на гибель и бесцельную трату наших сил... На славу, честь и свободу патриотов шествуешь царствовать...» Екатерина беспрепятственно прошла за канаву, спутники следовали за ней.

— Имя твое? — на миг замедлясь и взглянув на бледное, умное лицо рядового, спросила Екатерина.

*ил. 19. Встреча
Н. Новикова с Екатериной II.
Иллюстрация
Е. Самокиш-Судковской
к роману Г. Данилевского
Мирович*

— Обожатель и верный раб вашего величества, Николай Новиков! — ответил, брякнув ружьем в честь давножданной гостьи, часовой»...

Именно к этому отрывку художник Е.П. Самокиш-Судковская сделала иллюстрацию, помещенную в журнале «Нива» (ил. 19). Лица персонажей условны, портретного сходства нет — здесь они не реальные исторические персонажи, а герои художественного произведения, но напряжение встречи чувствуется в этой картин-

ке: длинные утренние тени, стойким оловянным солдатиком вытянувшийся молодой измайловец, нервно стиснутые руки Екатерины, смутные фигуры ее спутников, точеные столбики и доски мостика. Иллюстрация подробная и живая, как кинокадр.

И, наконец, знаменитый высоколобый профиль встречает читателей Центральной библиотеки подмосковного города Ступино (ил. 20). На стене при входе в любимый Новико-

*ил. 20 Силуэт
Н.И. Новикова.*

*Книжная инсталляция.
Ступино. ЦГб.*

вым мир книг выложена инсталляция — своеобразный параврафраз силуэтной работы мэтра Сидо, только не черный, а в многоцветье составляющих его книжных корешков. Двухметровый профиль время о времени теряет один из кусочков своей мозаики — кто-то из читателей вытаскивает и уносит книгу. Николай Иванович не обижается, значит, книга нужна, пусть читают! А библиотекари терпеливо восстанавливают временно утраченное. Книги к Новикову всегда возвращаются...

Тайну еще одного портрета мы, вероятно, не узнаем уже никогда. В конце XIX века интерес к личности Новикова приводил в его родные края немало любознательных соотечественников, готовых ради встречи с миром просветителя и живыми еще свидетелями его жизни терпеть неудобства непролазного «туристического маршрута». Отчет о такой

поездке в Авдотьино был напечатан в журнале «Исторический вестник» за 1894 год. Его автор утверждает, что в конторе имения он видел поясной портрет масляными красками, на котором был изображен старик с длинными седыми волосами и седою бородой в кафтане темно-красного цвета. «Общее впечатление, которое производит портрет, свидетельствует в пользу того, что между изображенным на нем стариком и портретами Новикова есть общее сходство в чертах лица и в выражении».²⁰ Особенно автору показалась сходной одна сторона лица, и «при этом наибольшее сходство заметно при сравнении с портретом, писанным Черепановым с Новикова в старости, когда он уже возвратился из крепости. Не изображен ли на этом портрет сам Новиков, когда он приехал в Авдотьино «стар, дряхл и согбен» и, по словам помнящего его старика, «оброс», т.е. с бородою? По другим соображениям, портрет этот изображает отца Новикова, что тоже возможно, или старосту, служившего при Новикове».²¹ Но последнее допущение автор отбрасывает, как невероятное, исходя из того, что человек на портрете не выглядит простолюдином, скорее лицо его можно назвать аристократическим. Судьба этого изображения неизвестна, но хотелось бы надеяться, что где-то существует неизвестный портрет, который мог бы дополнить достаточно богатую, но без него неполную иконографию человека, который служил России «усердием и трудами». И не с него ли была выполнена миниатюра, о которой упоминает в своей статье В.Я. Адарюков? Вот что он пишет: «Вел. кн. Николай Михайлович в том же труде («Русские портреты» — Т.А.), т. IV, 197 воспроизводит имеющуюся у него миниатюру неизвестного старика с седыми волосами с медалью Екатерининской Комиссии для сочинения проекта нового уложения. На обороте миниатюры имеется французская монограмма

из букв В. и К. Автор высказывает предположение о том, что эта миниатюра изображает Н.И. Новикова». Специалисты позапрошлого века, видевшие эту работу, весьма осторожны в выводах — утверждать, что это Новиков не берутся, но и утверждать обратное не решаются. Та же двусмысленная ситуация, что и с авторством Левицкого — «с известной долей вероятности можно предположить...». Лукав оказался «ревнитель русского просвещения», много тайн загадок оставил потомкам. Даже история с его портретами напоминает любимую забаву его времени — садовые лабиринты: войти легко, а поиски выхода превращаются в увлекательный квест, полный неожиданных находок, сюрпризов и открытий...

В 1547 году основоположник современного искусствознания итальянский художник, архитектор и писатель Джорджо Вазари организовал диспут на тему о примате одного из двух видов искусства — живописи или скульптуры. Один из участников диспута — художник Аньоло Бронзино — отстаивал превосходство живописи, поскольку она, в отличие от скульптуры, способна воссоздать любое произведение любого искусства, включая произведения пластики. Спор оказался, как мы понимаем, абстрактно-теоретический, задачей его было не отрицать, а выявлять и подчеркивать достоинства каждого из искусств. Так, за скульптурой признавалась ее демократичность, способность «разговаривать» с народом на площадях городов. Чтобы познакомиться с картиной надо идти в галерею, музей, а скульптура (памятник) — вот она, на всеобщем обозрении, сама о себе рассказывает. Называется этот прием — монументальная пропаганда и его активно

использовали в нашей стране после Октябрьской революции, начиная с 1918 года, для утверждения новой идеологии. Так просветитель и книгоиздатель Николай Иванович Новиков, никогда не помышлявший о революционной смене власти, одним из первых удостоился проекта памятника в ряду тех, кого большевики считали «борцами с царизмом» (или пострадавшим от деспотизма самодержавия). Проект скульптуры взялась создать В.И. Мухина (автор «Рабочего и колхозницы» на ВДНХ). Она выбрала место для памятника — там, где когда-то находилась типография, основанная Новиковым — на углу Страстного бульвара и Большой Дмитровки. Сделала два эскиза: первый в рост, второй — полуфигура. Наступающая мода на скупые и выразительные обобщенные формы конструктивизма заставила скульптора отказаться от первого эскиза. Он был перенасыщен деталями и показался слишком декоративным и недешевым в исполнении. Необходимой мощью, монументальностью и выразительностью обладал второй — фигура в плаще, с книгой, листы которой тревожит ветер. Но послереволюционная разруха помешала довести дело до конца. Зимой, в неотапливаемом помещении мастерской глиняный эскиз промерз и растрескался, а потом и вовсе развалился на куски. По весне начать работу снова не хватило сил. Так первая попытка создания монументальной скульптуры успеха не достигла, а жаль — талант Мухиной мог бы подарить столице прекрасный памятник и, возможно, облегчить дорогу следующим скульпторам.

А может быть, время выхода Николая Ивановича на площади просто еще не пришло, ведь в том же 1918 году судьба улыбнулась ему в лице другого скульптора — керамиста Императорского фарфорового завода (потом не менее знаменитого под маркой «ЛФЗ» — Ленинградский фарфоровый завод)

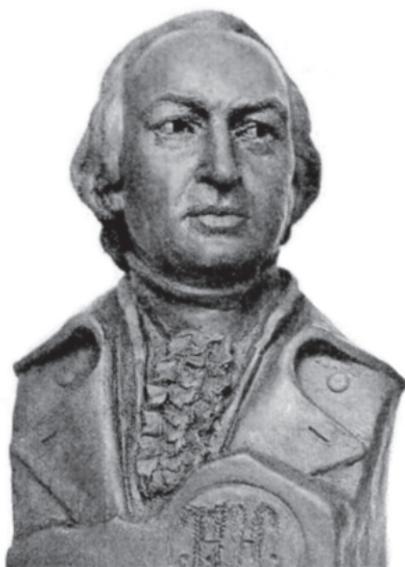
Натали Яковлевны Данько. В историю отечественного декоративно-прикладного искусства она вошла как один из самых замечательных мастеров — основоположников так называемого «агитационного фарфора». Советская власть использовала все, включая предметы быта, для пропаганды нового строя. Посуда, ткани и даже статуэтки, украшающие дома граждан — все должно было работать на новую идеологию. Включившись

*ил. 21 Н. Данько.
Н.И. Новиков, настольная
скульптура*

в творческий марафон плана «монументальной пропаганды», Данько создает бюст «Н.И. Новиков» (ил. 21). Это маленькая 25-сантиметровая скульптура (так называемая «кабинетная») — такие обычно держали на письменном столе или на книжном шкафу. Они без слов говорили гостю о вкусах, литературных, философских, политических взглядах хозяина. Бюст Новикова изготовлен из так называемого бисквитного фарфора. Его не покрывают глазурью и поверхность изделия остается матовой, передающей шелковистость и теплоту человеческой кожи. Это было, вероятно, одной из причин выбора техники. Другой причиной, возможно, был тот факт, что пик популярности бисквитного фарфора приходился как раз на эпоху классицизма, времени, в котором жил и работал «ревнитель русского просвещения». Скульптор тщательно изучала живописные и графические портреты просветителя, реконструируя его облик в объеме. Поворачивая бюст, рас-

смотря на него с разных ракурсов, можно подивиться смене эмоциональных состояний — в профиль Новиков строгий, в фас — выражение лица задумчиво — мягкое. Голова в лег-

ил. 22. Ф.Викулов.

*Н.И. Новиков настольная
скульптура*

ком повороте, левая бровь вопросительно приподнята, словно Николай Иванович размышляет о чем-то, ведет внутренний диалог. Это облик философа.

Совершенно по-другому трактовал образ книгоиздателя-гуманиста другой скульптор — Федор Васильевич Викулов. Ему, солдату Великой Отечественной войны и Новиков представлялся воином (ил. 22). Небольшой бюст из тонированного гипса изображает сильного человека, интеллектуала, не

мягкотелую жертву, а борца. Гордо вскинута голова, сурово сведенные брови и прямой, смелый взгляд. Во всей повадке вызов, он словно оценивает соперника. Даже широкие борта сюртука напоминают распахнутые шинели маршалов Победы, и только кружевной галстук возвращает нас в XVIII век... Трудно поверить, что эта скульптура небольшого размера — настольная, столько в ней мощи, внутреннего величия, заявок на монументальность.

Проектов настоящих городских памятников Новикову больше, чем установленных, и они, как и живописные, одновременно индивидуальные и чем-то похожи.

Поскольку в XVIII веке новиковское Авдотьино входило в Бронницкий уезд, руководители современных Бронниц еще в 80-е годы века XX решились на увековечивание памяти великого земляка и заказали изготовление его бюста скульптору Марку Григорьевичу Сальману. Двадцать с лишним лет готовый к установке отлитый в бронзе Николай Иванович, не находя себе места, наблюдал за работой городских чиновников в здании администрации, терпеливо ожидая выхода к людям. В 2003 году бюст, наконец, был установлен на невысокой квадратной колонне в городском сквере (ил. 23). Наверное, от долго ожидания вид у Новикова усталотрешенный. Слегка отвернув голову и поджав губы, он задумчиво смотрит куда-то вдаль, поверх голов прохожих, словно говоря: «Ступайте себе, потомки, о чем с вами беседовать, вы, чай, и книг-то теперь не читаете, в гаджетах все...».

Надпись на памятнике ничего не сообщает о делах и значении просветителя, полагая, что любой житель и гость Бронниц и так знает, кто такой «Новиков Николай Иванович (1744–1818)».

Зато, глядя на следующую скульптуру, наверняка не ошибешься, с кем имеешь дело (ил. 24). Пьедесталом бронзовому бюсту, установленному во внутреннем двореке Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы им. М.И. Рудомино в Москве, служат книги.

ил. 23 М.Сальман.
Памятник Н.И. Новикову
г. Бронницы

*ил. 24. И. Коржев-Чувелев.
Памятник Н.И. Новикову.
2012 год. Москва*

Прекрасный и вдумчивый мастер — Заслуженный художник России, скульптор Иван Владимирович Коржев-Чувелев создал памятник не столько конкретному человеку Николаю Ивановичу Новикову (его философии, жизненной позиции, его подвигу и его дару), сколько идее просветительства, пути человека Книги. Опорой всему памятнику служит Евангелие, открытое на странице, начинающейся фразой «В начале было

Слово» (ил. 25). Бюст Новикова установлен на стопку из трех книг. Первая — подшивка нравственно-религиозного журнала «Утренний свет»: книга преображает читателя, помогает заглянуть в собственную душу и постигать за-

*ил. 25 И. Коржев-Чувелев.
Памятник Н.И. Новикову
в Москве.*

Оборотная сторона.

мысл Творца. Книга так же дает силу и мужество, питает творчество, служит преемственности традиций и непрерывности знаний: следующий томик — «Аврора, или Утренняя заря в восхождении» — самое известное сочинение крупнейшего немецкого философа-мистика Якоба Беме,

в котором автор, основываясь на толковании библейских текстов, рассматривает широчайший круг вопросов — от натурфилософии до космогонии. Третья книга — «Химическая свадьба Христиана Розенкрейца» — символический опыт искателя вечной мудрости, который пытается осмыслить научное знание в свете синтеза Божественного Откровения. Как видно, все три книги намекают на принадлежность Новикова к масонству. Однако, как духовные опоры человека, они являются более широким символом интеллектуального поиска, не связанного никакими догмами, кроме нравственного ограничения.

Образ Новикова в этой скульптуре глубоко символичен. Ваятель не искадил его внешность, но выделил и акцентировал некоторые черты, превратив конкретного человека в символ. По сравнению с мягким и подвижным обликом с портрета Левицкого, здесь у Новикова очень правильное, «демонически» красивое лицо. Это суровый мистик, философ с пронзительным и требовательным взглядом. Складка между бровей выдает напряженную работу мысли, тень усталости лежит в горьком рисунке рта — силен мрак невежества, но тому, кто вступил с ним в бой, нельзя опускать руки. Это к нему сейчас относятся пушкинские строки:

Снова тучи надо мною
Собралися в тишине;
Рок завистливый бедою
Угрожает снова мне...
Сохраню ль к судьбе презренья?
Понесу ль навстречу ей
Непреклонность и терпенье
Гордой юности моей?

ил. 26.
И. Коржев-Чувелев.
Памятник
Н.И. Новикову. Москва.

Памятник был открыт в октябре 2012 года в Москве (рис.26), а вскоре копию его скульптор сделал для Библиотеки герметической философии Йюоста Ритмана в Амстердаме, где она и была установлена в марте 2013 года.

Бюсты для памятников сделаны в увеличенной пропорции — это памятники Личности, но у Ивана Коржева-Чувелева есть еще два проекта памятника Новикову где акцент сделан на его деяниях. Один из них — вариант для Библиотеки иностранной литературы — представляет фигуру книгоиздателя в полный рост, вознесенную на колоннообразный постамент, полностью сложенный из книг, собранных в две стопки (ил. 27). Новиков стоит в свободной позе, чуть отставив

ногу и придерживая рукой еще одну стопку книг. Чуть смещенная за край фигура уравнивает визуальную неустойчивую, кренящуюся конструкцию небрежно сложенных томов. Так опытный капитан стоит на палубе, не замечая качки корабля; слегка касается послушного руля и вглядывается в горизонт, отмечая ориентиры в безбреж-

ном просторе. И устремленный вдаль взгляд, и горделивая поза, и даже вполне штатская одежда Новикова почему-то вызывают ассоциации с подтянутым морским офицером парусного флота.

Еще одну свою многофигурную скульптурную композицию автор желал бы видеть в каком-нибудь многолюдном общественном месте, на просторной площади, потому что она обращена ко всем, кого коснулся свет просвещения (ил. 28). На широком постаменте, представляющем собой семиступенную лестницу из книг (семь — число символическое, имеющее много толкований) стоит просветитель, раздавая книги всем, кто тянется к знаниям — мужчине и женщине, ребенку и студенту. Никому не будет отказа, каждый должен найти для себя свою Книгу. Новиков словно подхватывает эстафету античных

ил. 27. И. Коржев-Чувелев.
Вариант памятника
Н.И. Новикову

ил. 28. И. Коржев-Чувелев.
Вариант памятника
Н.И. Новикову

гуманистов, предлагая нашим современникам присесть на ступени памятника со своей, еще не прочитанной книгой:

«Здесь ты иное прочтешь поутру, а иное — под вечер:
Каждому часу — свое, важное вместе с смешным.
В разные краски окрашена жизнь, и разный читатель
Книге сужден, и для всех что-то ко времени есть...»

(Сидоний Аполлинарий)

Итак, что мы имеем в итоге? Два известных оригинальных живописных портрета (с одного целых шесть копий) с вариантами и, возможно, существующий где-то неизвестный портрет из Авдотьино. Три рисунка. Пять оригинальных гравированных изображений, прижизненный силуэт, марка, три эмалевых плакетки, иллюстрация, инсталляция, кабинетная малая скульптура, три установленных городских скульптуры и три нереализованных проекта. Казалось бы, немало для одного-то персонажа... Но, вот и портреты известны, и памятники есть — а имя Новикова почти забыто. Мало кто из современников конца XX — начала XXI века вспомнит, кому «золотой век» русской литературы обязан своим взлетом, журналистика — началом, а педагогика — собственно названием. Страна помнит своих героев. Но не всех. Памятники государственным, политически деятелям и воинам-героям стоят по всей России. Писателей, поэтов не забыли. Того, чья «благородная натура постоянно одушевлялась высокой гражданской страстью — разливать свет образования в своем отечестве» знают гораздо меньше. Родина Н.И. Новикова — село Авдотьино — в результате изменения административных делений входила в состав разных уездов, потом — районов. Но достойно ли памяти великого человека впадать в местечковый патриотизм? «Усердием и трудами» прививал

он любовь к чтению россиянам, а не жителям Бронницкого уезда или городского округа Ступино. Не делить его память, но вместе разделять заботу о его наследии надлежит нам, потомкам. Пора отдать Николаю Ивановичу Новикову дань благодарной памяти. В Бронницах среди бюстов знаменитым землякам есть и новиковский, стоят памятники просветителю в Москве и в Амстердаме. Но именно с малой родины просветителя должно начаться возрождение его имени и его памяти. В 2018 году благодаря инициативе общественности и заботами администрации и местного депутатского корпуса было принято решение открыть памятник Новикову в самом центре Ступино. Имя гуманиста-просветителя должно стать известно каждому первокласснику города, а дела его — каждому, берущему в руки книгу. И я верю в то, что когда вы, любезный читатель, дойдете до этих строк, в России, в Подмосковье, уже будет стоять еще один памятник славному книгоиздателю, а вы станете еще одним равнодушным поклонником «ревнителя русского просвещения».

Примечания:

1. Адарюков В.Я. Портреты Н.И. Новикова // РГАЛИ, ф. № 603, опись № 6, ед. хр. № 86.
2. Записки академика Витберга, строителя храма Христа Спасителя в Москве / Примеч. П.Н. Петрова // Русская старина. 1872. Т. 5. № 1.
3. Там же.
4. Борисова В.И. Троице-Сергиева Лавра в истории, культуре и духовной жизни России. Материалы международной конференции. 29 сентября — 1 октября. М.: ИД «Подкова», 2000.
5. Н.Л. Портреты Н.И. Новикова // Библиограф. 1892, № 1. С.16.

6. ОПИ ГИМ, Ф.37, ед. хр. 813.
7. Адарюков В.Я. Портреты Новикова // РГАЛИ, ф. № 603, опись № 6, ед. хр. № 86.
8. Цит. по: <http://www.rtmuseum.ru/data/catalogue/canvas/rossiya/gtg5111.php>.
9. Адарюков В.Я. Портреты Новикова // РГАЛИ, ф. № 603, опись № 6, ед. хр. № 86
10. Цит по: Равич Л.М. Собиратели книг в России. Вторая половина XIX века. М.: Книга, 1988.
11. Н.Л. Портреты Н.И. Новикова // Библиограф. № 1. С. 15.
12. Покровский В.И. Николай Иванович Новиков. Его жизнь и сочинения. М., ГПИБ, 2010.
13. ОПИ ГИМ, Ф.37, ед. хр. 813.
14. Цит.по: Астапов А.А. Воспоминания старого букиниста. М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2009. С.48.
15. Адарюков В.Я. Портреты Новикова // РГАЛИ, ф. № 603, опись № 6, ед. хр. № 86.
16. Белоусов И.А. Ушедшая Москва. Воспоминания. М.: Русская книга, 2002.
17. Н.Л. Портреты Н.И. Новикова // Библиограф, 1892, № 1. С. 15.
18. Ровинский Д.А. Подробный словарь русских гравированных портретов: Изд. с 700 фототип. портр.: [В 4-х т.] / Сост. Д.А. Ровинский. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1886–1889.): Любимая книга, 2007.
19. Адарюков В.Я. Портреты Новикова // РГАЛИ, ф. № 603, опись № 6, ед. хр. № 86.
20. Ярцев А. Поездка в родовую вотчину Н.И. Новикова // Исторический вестник. 1894. Т. 58, ноябрь.
21. Там же.

Из архивных разысканий: Новиков и филокартия

Изучение самых различных документов, находящихся в богатейших отечественных архивах — занятие, чем-то напоминающее работу следователя или... аудитора. Порой простое сопоставление на первый взгляд одних и тех же фактов, изложенных разными свидетелями в разных источниках — например, в частном письме и в официальном отчете, раскрывает любопытную подоплеку судьбоносных событий. А чтение военных реляций XVIII века, донесений с полей сражений, отчетов всяких квартирмейстеров и иже с ними тыловиков, иногда приводят в полное недоумение. Например: в поход отправилось 10 тысяч солдат и офицеров, в течение месяца в боях участвовало 8 тысяч, погибло 7 тысяч человек и 10 тысяч лошадей, а продовольствия было доставлено для 12 тысяч человек и фуража на 12 тысяч лошадей на два месяца вперед. Не кажется ли вам, что с этой статистикой далеко не все в порядке?

Так и с портретами Николая Ивановича Новикова, история изучения которых так оригинально изложена в предыдущей главе. Много еще вопросов остается разрешить тем, кто придет на смену нынешним исследователям новиковского наследия вообще и его иконографии в частности. И сегодня специально для них, будущих историков и архивистов, библиографов и краеведов, писателей и журналистов автор этой книги делится лю-

бопытным наблюдением, внятное объяснение которому пока еще мною не найдено.

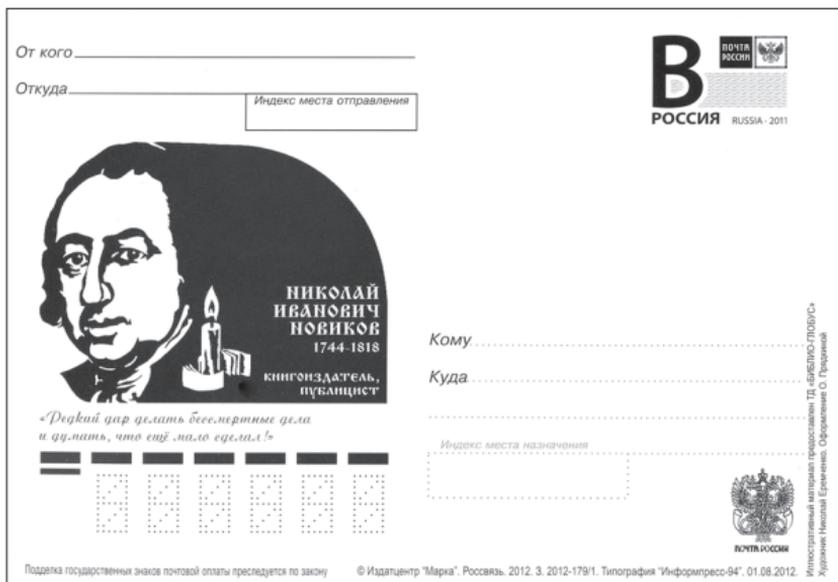
В справедливости крылатой латинской поговорки: «Qui quaerit, reperit» — «Кто ищет, находит» наверняка убеждался, и не раз, каждый, кто предпринимал тщательные, упорные поиски различных нужных документов или информации в библиотеках и архивах. Но справедливо и еще одно правило: в процессе поиска одного в архивах можно обнаружить и множество другого любопытного материала. Нередко случается так, что исследователь меняет даже тему своей будущей статьи или книги, обнаружив вдруг такое... Автор этих строк с намеченного пути не свернул, но на некоторое время стал... филокартистом поневоле. Оказалось, что в таких архивах, как Российский государственный архив литературы и искусства (РГА-ЛИ) или Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ), хранится немало различного изобразительного материала, непосредственно относящегося к Н.И. Новикову. Нигде и никогда мне еще не приходилось встречать столько портретов просветителя в виде почтовых открыток, различных карточек и т.п. Когда я заинтересовался этой темой, то выяснилось, что на протяжении двух веков после смерти Новикова его изображение тиражировалось бесчисленное количество раз. И не только в дореволюционных книгах или газетах и журналах, типа «Нового времени» и «Русских ведомостей», «Живописного обозрения» и «Нивы», где каждые пять — десять лет отмечались юбилеи и дни памяти просветителя. Его портреты расходились по империи на открытках, в виде лубков, литографий и гравюр.

В процессе изучения этого вопроса мне даже совершенно случайно посчастливилось приобрести на аукционе

Открытка 1

дореволюционную открытку в идеальном состоянии с изображением моего кумира (открытка 1). Вскоре моя коллекция пополнилась открыткой современной, выпущенной в 2012 году. Художник Николай Еремченко создал целую

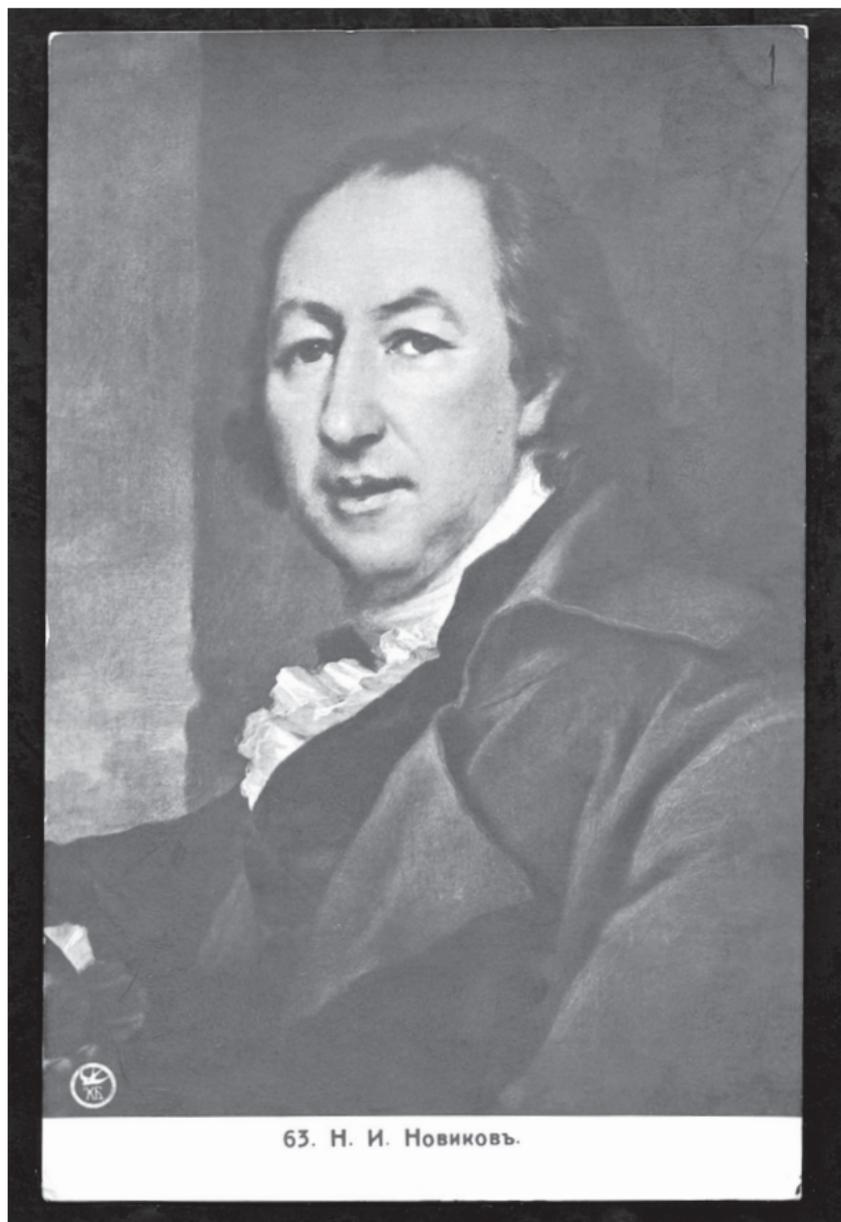
Открытка 2

аллегорическую композицию на тему «Новиков — просветитель» (открытка 2). Следом из антикварного магазина в мою коллекцию перекочевала дореволюционная литография достаточно известного портрета Н.И. Новикова работы Д.Г. Левицкого из собрания Русского музея.

Любопытный крупноформатный гравированный портрет, оттиснутый на дорогом пергаменте, мне удалось увидеть в ОПИ ГИМ. За основу изображения здесь также взят портрет работы Левицкого. Лист украшает изящная надпись «Издание I. Кнебель».

А теперь о моих находках в РГАЛИ: Фонд № 1270, опись № 2, ед. хр. № 2

Черно-белая открытка на фотобумаге. Надпись внизу на белом фоне: «БЗ.Н.И.Новиковъ» (Открытка 3). На портрете в левом нижнем углу маленький круг (эмблема белого цвета) с летящей птицей (ласточка?) под которой заковыченная аббревиатура старославянским шрифтом «ХБ» («ХВ»?). На обороте открыточные линейки.

Открытка 3

Гравированный, хорошо узнаваемый черно-белый портрет с текстом под подписью «Н. Новиковъ»: «Ник. Иван. Новиковъ, выдающийся деятель Екатерин. Эпохи (1744–1818) Изд. журн. «Трутень», а также и др.,

Открытка 4.
Лицо и оборотная
сторона

въ которыхъ обличалъ дурныя стороны рус. жизни, а въ особенности крепостн. право, служилъ и словомъ и деломъ просвѣщенію, изобличая гниль нашего государственнаго строя. Основатель «Дружеское ученое общество». Въ 1792 г. Общество было закрыто, члены привлечены к суду, а Новиковъ посаженъ въ Шлиссельбургъ. Освобожденъ он былъ только при Павле 1.» (Открытка 4). На обороте открыточная линейка. Вверху по центру красным цветом напечатано в две строки: «Почтовая карточка./ Cartepostale — Postcard. В правом верхнем углу красная круглая эмблема. По кругу надпись: «изд. совр. худож. произв.». В центре эмблемы два перекрещивающихся флага в центре которых вензелеобразная буква «Р». На полотнище правого флага на красном фоне белая буква «Н», на левом флаге — «Ю». Под флагами полукруглая надпись «торгов. знакъ». По центру карточки перпендикулярно надпись в две строки, разделенные тонкой двойной волнистой линейкой (все красным цветом): «Издание Ю.Ю. Резникова» / «П-градъ. Пет. Ст.Б-пр. 17. т. 1—82—29». В правом верхнем углу вертикальный квадратик красного цвета пунктиром для наклейки мар-

ки. В правом нижнем углу вертикально красным цветом напечатано: «*Перепечатка воспрещена» (Открытка 4, оборотная сторона). Мое предположение: открытка была отпечатана в 1918 году, когда отмечалось 100-летие памяти Н.И. Новикова.

... На картонном паспорту формата немногим более А4 серовато-голубого цвета наклеено фото размером примерно 15 x 20 см. Верхняя часть фото обрезана в виде полукруга. Фото с портрета Новикова работы Левицкого. Под фотографией на паспорту фирменное тиснение. Каллиграфическим шрифтом отгиснуто в две строки: «К. Фишеръ /бывш. ДЪЯГО-ЕНКО Москва». Ниже фиолетовыми чернилами стилизованная подпись «Новиков». (Открытка 5). На обороте паспорту пометки архива. На листе использования документа, среди других подписей, заметил хорошо знакомую: «13.03.1981. В. Болдин».

Открытка 5

Славный ступинский краевед Валерий Иванович Болдин посвятил многие годы изучению новиковского наследия. Вспоминая его сегодня, мы отдаем дань уважения этому неутомимому исследователю.

... А между тем, пока версталась эта книга, открытки с изображением Н.И. Новикова продолжали «находиться». Как продолжают приоткрываться новые архивные папки, отыскиваются новые удивительные документы.

И эти факты наводит на очевидную мысль: изучаемая нами Тема — неисчерпаема. Да, биография любого человека, каким бы великим он ни был, заканчивается. И заканчивается она неизбежно ... плохо. Но начинается посмертное существование ушедшего в мир иной человека: жизнь в памяти людей. Память о Николае Ивановиче Новикове существует уже два века. И пусть эта небольшая книга станет не просто маленьким мостиком, соединяющим прошлое с настоящим, а передаст будущим поколениям эстафету Памяти.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Новиков Н.И. Избранные сочинения. — М.; Л., 1951.
2. Новиков Н.И. Избранное. — М., 1983.
3. Новиков Н.И. Избранные педагогические сочинения. — М., 1959.
4. Новиков Н.И. Опыт исторического словаря о российских писателях. Факсимильное воспроизведение. — М., 1986.
5. Новиков Н.И. Письма Новикова. — СПб., 1994.
6. Н.И. Новиков и его современники. Избр. соч. // Под ред. И.В. Малышева. Подбор текстов и примеч. Л.Б. Светлова. — М.: Издательство академии наук СССР, 1961
7. Антология педагогической мысли России XVIII в. — М., 1985.
8. Антонова Н.Л. Авдотьино. — М., 1991.
9. Арсеньев В.С. Воспоминания. Дневник. Материалы семейного архива. Генеалогия рода Арсеньевых. — СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, 2005.
10. Афанасьев Н. Русские сатирические журналы 1769—1774 гг. — М., 1859.
11. Бабкин Д.С. К раскрытию тайны «Живописца» // Рус. лит., 1977. — № 4. — С. 109—117.
12. Барановская М.Ю. Два неизвестных портрета Николая Ивановича Новикова // Прометей. — 1966. — № 1.

13. Белявский В.С., Богданов А.В. Поиски «особого» масонства и дело Н.И. Новикова // Происхождение Ордена вольных каменщиков. Масонство в XVII—XVIII веках. Взгляд посвященных. — М., 2015.

14. Белявский М.Т. Опись селу Тихвинскому, Авдотьино: Археографический ежегодник за 1973 г. — М., 1974.

15. Белявский М.Т. Новиковское Авдотьино в 1792 году: Сб. Проблемы истории общественного движения и историографии. — М., 1971.

16. Белявский М.Т. Московский университет — Н.И. Новиков — Авдотьино // Вестник московского университета. Серия «История». — 1968. — № 1.

17. Безсонов П.А. Типографская библиотека в Москве. — М., 1859.

18. Берков П.И. История русской журналистики XVIII века. — М.; Л., 1952.

19. Беспалов Ю.В. Андрей Тимофеевич Болотов — испытатель природы. — Пущино, 1988.

20. Бешенковский Е., Мартынов И. По следам библиотеки Н.И. Новикова // В мире книг. — 1976. — № 3. — С. 80—82.

21. Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Тимофеевича Болотова, описанные самим им для своих потомков (1738—1795). В 4-х т. — СПб., 1871.

22. Боголюбов В.А. Николай Иванович Новиков и его время. — М., 1916.

23. Брикнер А.Г. История Екатерины Второй. — М., 2007.

24. Будяк Л.М. Новиков в Москве и Подмосковье. — М., 1970.

25. Вернадский Г.В. Заметки о литературно-издательской деятельности Н.И. Новикова. — Пг., 1919.

26. Веселовский Ю.А. Н.И. Новиков (Жизнь и деятельность). Биографический очерк. 2-е изд. — М., 1918.

27. Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование Екатерины II. — СПб., 1999.

28. Власов П.В. Благотворительность и милосердие в России. — М., 2001.

29. Власть. Общество. Культура. Из истории общественных инициатив в России XVIII-XX в. /Сост. Леонов В.Г. — М., 2006.

30. Воробьевский Ю., Соболева Е. Пятый ангел вострубил. Масонство в современной России (с продолжением). — М., 2009.

31. Гаршин Е.М. Мартинист и филантроп прошлого века (О Г.М. Походяшине) // Исторический вестник. — 1887. — № 9. — С. 629–639.

32. Громько М.М. Г.М. Походяшин в «Дружеском ученом обществе» Н.И. Новикова // Города Сибири. — Новосибирск, 1974. — С. 259–299.

33. Дебров Л.А. Общественно-политические и исторические взгляды Н.И. Новикова. — Саратов, 1974.

34. Долгова С.Р. «Сокровище российских древностей» Н.И. Новикова // Книга: Исследования и материалы. — 1975. — Сб. 31. — С. 141–147.

35. Ермилов В.Е. Гордость века Н.И. Новиков: (Биогр. очерк). — М., 1898; 2-е изд. М., 1912.

36. Ешевский С.В. Несколько замечаний о Н.И. Новикове // Материалы для истории русского общества XVIII века. Московские масоны. Изд. 3-е. — М., 2017.

37. Жилин П.А. Отечественная война 1812 года. — М., 1988.

38. Западов А.В. Новиков. — М., 1968.

39. Западов А.В. Русская журналистика XVIII века. — М., 1964.
40. Западов В.А. Краткий очерк истории русской цензуры 60—90-х годов XVIII века // Русская литература и общественно-политическая борьба XVII—XIX веков. — Л., 1971. — С. 38—60.
41. Земенков Б.С. Авдотьино. Литературные места. Вып. II. Подмосковные. — М., 1968.
42. Земенков Б.С. Памятные места Москвы. — М., 1959.
43. Иванов М. Северские перекрестки // Москва. — 1966. — № 7.
44. Иванов В.Ф. Русская интеллигенция и масонство: от Петра I до наших дней. — М., 1997.
45. Карамзин Н.М. Записки о Н.И. Новикове (20 дек. 1818) // Карамзин Н.М. Неизданные сочинения. — СПб., 1862. — Ч.1. — С. 223—226.
46. Кацпржак Е.И., Толстяков А.П. Из неизданных писем Николая Ивановича Новикова. // Книга: Исследования и материалы. — М., 1984. — Сб. 49.
47. Кисилев Н.П. Из истории русского розенкрейцства. — СПб., 2005.
48. Ключевский В.О. Воспоминание о Н.И. Новикове и его времени // Рус. мысль. 1895. — Кн.1. Отд. 2. — С. 38—60.
49. Кондаков Е.Ю. «Рыцарские» системы масонства в России: 1772—1822. — М., 2017.
50. Кондаков Е.Ю. Эзотерическое движение в России конца XVIII — первой половины XIX вв. — М., 2018.
51. Кондаков Ю.Е. Орден золотого и розового креста в России. Теоретический градус соломоновых наук: монография. — СПб.: Астерион, 2012.

52. Кондратьев А. Новиковские издания // Книги в России. М., 1924. Т. 1. С. 289–356.

53. Крестова Л. В. Из истории журнальной деятельности Н. И. Новикова: (Кто был автором «Отрывка путешествия в*** И*** Т***» и «Писем к Фалалею»?) // Ист. зап. — 1953. — № 14. — С. 282–284.

54. Крестова Л. В. Традиции русской демократической сатиры в прозе Н. И. Новикова // Тр. отд. древнерусской лит. / Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом) АН СССР. — 1958. — Т. 14. — С. 487.

55. Лепехин М. П. «Опыт исторического словаря о российских писателях» Н. И. Новикова. (Некоторые проблемы изучения). XVIII век. Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. Сб. 16. — Л., 1989.

56. Лихоткин Г. А. Оклеветанный Коловион. — Л., 1972.

57. Лихоткин Г. А. Проблема «писем читателей» в творчестве Н. И. Новикова // Рус. лит. — 1981. — № 2. — С. 149–158.

58. Лонгинов М. Н. Новиков и московские мартинисты. — М., 1867.

59. Лонгинов М. Н. Новиков и Шварц. — М., 1885.

60. Лонгинов М. Н. Посещение села Авдотьино - Тихвинского, принадлежавшего Н. И. Новикову // Русский вестник. — 1858. — Т. 18. — № 22. — С. 175–182.

61. Любченко О. Н. Андрей Тимофеевич Болотов. — Тула, 1988.

62. Макогоненко Г. П. Николай Новиков и русское просвещение XVIII века. — М., Л., 1951.

63. Мартынов И. Ф. Библиографическая информация в периодических изданиях Н. И. Новикова // Сов. библиогр. — 1974. — № 3. — С. 43–56.

64. Мартынов И.Ф. Книгоиздатель Николай Новиков. — М., 1981.

65. Материалы об описи имения Н.И. Новикова в селе Авдотьино 1768—1780 гг. / Публ. М.Ф. Прохорова // Сов. архивы. — 1984. — № 3. — С. 43—47.

66. Мацарина Л.В. Пародия в журнале Н.И. Новикова // Традиции и новаторство в Русской литературе XVIII—XIX вв. — М., 1976. — Вып. 1. — С. 22—38.

67. Мельникова Н.Н. Издания, напечатанные в типографии Московского университета. XVIII век. — М., 1966.

68. Молева Н.М. Загадки Рокотова, или Жизнь великого портретиста времен Екатерины. — М.: Новая реальность, 1994.

69. Молева Н.М. Тайны золотого века Екатерины. Царедворцы, масоны, фавориты, М.: КРПА Олимп, Эксмо, 2007.

70. Моряков В.И. Кушелева М.Л. Н.И. Новиков и Рейналь о торговле [XVIII век] // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. — 1983. — № 5. — С. 46—58.

71. Незеленов А.И. Николай Иванович Новиков, издатель журналов 1769—1785 гг. — СПб., 1875.

72. Незеленов А.И. Новиков в Шлиссельбургской крепости (по новым документам) // Исторический вестник. — 1882. — № 12. — С. 481—500.

73. Неизданный документ об аренде Н.И. Новиковым типографии Московского университета / Публ. А.В. Маштафарова // Книга: Исслед. и материалы. — 1974. — Сб. 28. — С. 152—156.

74. Некрасов С.М. Сквозь жар души, сквозь хлад ума. — Л., 1987.

75. Некрасов С.М. Апостол добра. Повествование о Н.И. Новикове. — М., 1994.

76. Нефедов А.В. Жемчужное ожерелье Подмоскoвья. — М.о.,2006.

77. Нефедов А.В. Загадка авдотьинских подземелий // Отечество. Краеведческий альм. Подмоскoвье. — М.,1996. — С.211—231.

78. Нефедов А.В. Мастер слова и дела. Странности судьбы книгоиздателя Николая Новикова. — М.,2010.

79. Нефедов А.В. Силуэты. Прошлое Подмоскoвья в лицах. — М.,1997.

80. Нефедов А.В. Торжество слова и дела. Книгоиздатель Николай Новиков: возвращение из небытия. — М., 2015.

81. Николай Иванович Новиков: Его жизнь и соч. Сб. ист. лит. ст. / Сост. В. Покровский. — М.,1907.

82. Новиков В.И. Масонство и русская культура. — М.,1998.

83. Н.И. Новиков и общественно-литературное движение его времени. — Л.,1976 (XVIIIв.; Сб.11).

84. Осокин В.Н. Жемчужины Подмоскoвья. — М.,1972.

85. Острцов В.М. Масонство, культура и русская история. Историко-критические очерки. — М.,1998.

86. Памятники архитектуры Московскoй области: В 2 т. — Т. 2. — М.,1975.

87. Подгородников М.И. Восьмая муза. — М.,1978.

88. Подмоскoвные памятные места в истории русской культуры XVII—XIX вв. — М.,1962.

89. Покровский В.И. Николай Иванович Новиков: его жизнь и сочинения: сб. ист. — лит. ст. Государственная публичная историческая библиотека России. — М., 2010.

90. Полонская И.М. Новые материалы о издательской деятельности Н.И. Новикова // Зап. Отд. Ру-

кописей Гос. б-ки СССР им. В.И. Ленина. — 1977. — Вып. 38. — С. 215—223.

91. Попов А.Н. Новые документы по делу Новикова // Сб. рус. ист. об-ва. — 1862. — Т. 11. — С. 96—158.

92. Портреты Н.И. Новикова // Библиограф. — 1892. — № 1. — С. 14—17.

93. Премудрость Астреи. Памятники масонства XVIII — первой трети XIX века в собрании Эрмитажа: каталог выставки / Государственный Эрмитаж. — СПб.: Изд-во гос. Эрмитажа, 2013.

94. Проблемы русского просвещения в литературе XVIII века: Сб. — М., Л, 1961.

95. Пухов В.В. Кто же издавал журнал «Смесь» (Из истории рус. лит. XVIII века) // Рус. лит. — 1981. — № 2. — С. 159—162.

96. Пыляев М.И. Старая Москва. — СПб., 1891.

97. Пыпин А.Н. Русское масонство. — Петроград: Огни, 1916.

98. Рычкова Г.П. Некоторые особенности композиции журналов Н.И. Новикова «Трутенъ» и «Живописецъ» // XXIX Герценовские чтения. Литературоведение. Науч. докл. — Л., 1977. — С. 6—10.

99. Сакулин П.Н. Н.И. Новиков (1744—1818). М., 1894.

100. Самарин А.Ю. Типографщики и книгочелты: очерки по истории книги в России второй половины XVIII века. — М.: Пашков дом, 2013.

101. Санктпетербургския ученые ведомости на 1777 год Н.И. Новикова. Изд. второе А.Н. Неустроева. — СПб., 1873.

102. Сатирические журналы Н.И. Новикова / Сост. П.Н. Берков. — М., 1946.

103. Сахаров В.И. Иероглифы вольных каменщиков. Масонство и русская литература XVIII — начала XIX века. — М.: Жираф, 2000.

104. Сахаров В.И. Русское масонство в портретах. — М.: ООО «АиФ Принт», 2004.

105. Семенников В.П. Книгоиздательская деятельность Н.И. Новикова и Типографской компании. — Пг., 1922.

106. Светлов Л.Б. Издательская деятельность Н.И. Новикова. — М., 1946.

107. Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1 (А-И). — Л., 1988.

108. Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2 (К-П). — С. — Пб., 1999.

109. Собиратели книг в России. Вторая половина XIX века / Сост. Л.М. Равич. — М., 1988.

110. Соловьев О.Ф. Русские масоны. От Романовых до Березовского. — М., 2004.

111. Сокровище российских древностей. Факсимильное воспроизведение единственного сохранившегося экземпляра издания Н.И. Новикова. — М., 1986.

112. Статья Е.К. Бетгера 1944 г. о заметках Евгения Болховитинова на книге Н.И. Новикова «Опыт исторического словаря о российских писателях». Археографический ежегодник за 2005 г. — М., 2007. — С. 515—533.

113. Судьбы религиозно-философских исканий Николая Новикова и его круга. / Сб. Трудов Международной научной конференции «Россия и гнозис». — Т. 2. — М., 2015.

114. Тебиев Б.К. Тайны книжных переплетов. Из записок книжника. — М., 2008.

115. Университет для России: Взгляд на историю культуры XVIII столетия. — М., 1998.

116. «Утренний свет» Николая Новикова. — М.: Центр книги Рудомино, 2012.

117. Усова С.Г. Н.И. Новиков, его жизнь и общественная деятельность. — СПб., 1892.

118. Цикото И.А. Как изменилась жизнь в селе Авдотьино за 30 лет. — М., 1947.

119. Шварц И.Г. Лекции / Сост. А.Д. Тюриков. — Донецк: Вебер, 2008.

120. Шварц И.Г. Беседы о возрождении и молитве. Записки. Речи. Материалы для биографии / Сост. А.Д. Тюриков. — Донецк: Ноулидж, 2010.

121. Шмидт С.О. Подвиг первого интеллигента (О Н.И. Новикове) // Шмидт С.О. История Москвы и проблемы москвоведения: в 2 кн. — Кн.2 — М.: Книжница: Русский путь, 2013

122. Штранге М.М. Демократическая интеллигенция России в XVIII веке. — М., 1965.

123. Щербатова И.Ф. Николай Новиков в русской культуре. — М.: Прогресс-Традиция, 2011.

124. Щипанов И.Я. Философия русского просвещения: Вторая половина XVIII века. — М., 1971.

125. Ярцев А.А. Поездка в родовую вотчину Н.И. Новикова // Исторический вестник. — 1894. — № 11.

126. Мультимедийное издание. «Ревнитель русского просвещения» / МУК «ЦБС». Ступино, 2009. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

127. Alex Lazar-Ovtchinnikov. Novikov Nikolai Ivanovich in: Dictionary of Gnosis & Western Esotericism, edited by Wouter J. Hanegraaff in collaboration with Antoine Faivre,

Roelof van den Broek, Jean-Pierre Brach, Koninklijke Brill NV. — Leiden, 2006.

128. Jones, W. Gareth. Nikolay Novikov, Enlightener of Russia. Cambridge, U.K., 1984.

129. H. Keipert, Neue Quellen zu Novikov's «Utrennyi svet», Sonderdruck Zeitschrift für slavische Philologie. — Heidelberg, 1984.

130. Slavica-reprint Nr. 53. Sanktpeterburgskija ucenyja vedomosti na 1777 god N.I. Novikova. Izdanie vtoroe, S. — Peterburg 1873/ Unveränderter fotomechanischer Nachdruck der Originalausgabe/ Coproduction: Brucken-Verlag — Dusseldorf — Germany / Europe — printing — Vaduz — Liechtenstein, 1970.

*Памятник Н.И.Новикову
открыт в городе Ступино 18 сентября 2018 года.
Скульптор Иван Коржев-Чувелёв*

Благодарности

В 2018 году в замечательном подмосковном городе Ступино в сквере на ул. Андропова, 44 был открыт памятник просветителю-гуманисту Н.И. Новикову. Автором бюста стал Заслуженный художник России, известный скульптор-монументалист Иван Коржев-Чувелев. А создавалась мемориальная композиция на средства неравнодушных людей, которые понимают важность сохранения тонкой нити времен, необходимость передачи памяти поколений, ценят тот вклад, который сделал их земляк в духовное развитие нашего Отечества. И будет справедливо, если в завершении нашего повествования мы опубликуем в этой книге их имена. Совершенно неважно, кто и сколько пожертвовал на создание памятника. Существенно то, что организации и конкретные люди откликнулись на зов, продемонстрировав тем самым, что Малая Родина и россияне прошлого, прославившие родной край — не пустой для них звук...

СПИСОК
Благотворителей на установку
памятника Н.И. Новикову
в городе Ступино Московской области.

1. Юридические лица

№ п/п	Наименование	Ф.И.О. руководителя
1	ЗАО «Ступинский Химический завод»	Гавриков Василий Павлович
2	ООО «Сити-телеком»	Сухачев Александр Николаевич
	ООО «КОМСЕТ»	
	ООО «РИА «РИКОНА»	
3	ООО «ТРЕЙЛЕР»	Кириенко Сергей Юрьевич

4	Ступинское районное потребительское общество	Савосин Анатолий Владимирович
6	ООО «Паритет»	Филиппов Александр Владимирович
7	ООО «ССМУ-58»	Котов Александр Владимирович
8	Южная торгово-промышлен- ная палата	Фалин Владимир Анатольевич
9	ЗАО «Сотниковское»	Акишин Сергей Николаевич
10	ООО «Долина-Сервис»	Сахаров Борис Анатольевич
11	ООО «Ступинская Управляющая Компания»	Овчинников Роман Сергеевич
12	ООО «СТАРТ-В»	Провоторов Петр Владимирович
13	ООО «ПРЕМЬЕР-СТ»	Коновалова Юлия Николаевна

14	ООО «ЭкоМАК»	Ванина Надежда Викторовна
15	ООО «С-ПРОФИТ»	Нечипоренко Тарас Николаевич
16	ООО «Леда-СТ»	Матвеев Андрей Михайлович
17	ООО «Агентство новой жизни»	Николаев Владимир Анатольевич
	ООО «ЭКСТРАПАК»	
18	ООО «Инерросс»	Помазунов Игорь Владимирович
19	ООО «Интеграл»	Корнев Виктор Михайлович
20	ООО «Эталон и К»	Гавриков Алексей Павлович
21	ЗАО «Леонтьево»	Колабкин Алексей Иванович

22	ООО ЧОП «Барс-Л»	Литвинова Ольга Валентиновна
23	ООО «Эгида»	Голиков Геннадий Васильевич
24	ООО «Объектив»	Чепурняк Вячеслав Иосифович
25	ООО «Рябинушка»	Кузнецов Михаил Александрович
26	ООО Юридическая Фирма «Помазков и партнеры»	Помазков Владимир Васильевич
27	ООО «РосАрт»	Кузнецов Владимир Анатольевич
28	НО Благотворительный фонд «Грант-Ступино»	Цаплина Валентина Дмитриевна
29	ООО «Перспектива и Право»	Нечипоренко Оксана Тарасовна

2. Физические лица

№ п/п	Ф.И.О.
1	Зайцев Александр Петрович
2	Сухоросов Сергей Юрьевич
3	Сухачев Александр Николаевич
4	Савосина Елена Евгеньевна
5	Ильина Наталья Михайловна
6	Зотова Татьяна Александровна
7	Бондарева Людмила Алексеевна
8	Мавроматис Венера Аристотелевна
9	Крынина Ольга Ивановна
10	Гандилян Мнацакан Паруйрович
11	Шахназарова Елена Сергеевна
12	Макаренко Любовь Николаевна
13	Смекалкина Людмила Петровна

14	Носова Ирина Александровна
15	Терехина Татьяна Николаевна
16	Новоселов Владимир Анатольевич
17	Семенова Нина Алексеевна
18	Зими́на Татьяна Александровна
19	Челпан Павел Иванович
20	Апалькова Елена Евгеньевна
21	Рассказова Надежда Алексеевна
22	Костин Андрей Николаевич
23	Сигалин Юрий Алексеевич
24	Галявин Алексей Алексеевич
25	Букин Виктор Александрович
26	Жуков Сергей Николаевич

**Общая сумма благотворительных пожертвований
составила 1 585 400 рублей.**

СОДЕРЖАНИЕ

ВИДЕНИЕ. Сонет. Роман Гацко-Славацкий.....	5
От автора.....	6
Глава 1. На берегу Северских вод	10
Глава 2. В начале славных дел	30
Глава 3. Хранитель древностей	59
Глава 4. Московское десятилетие	74
Глава 5. От печали до опалы	114
Глава 6. Однажды в Авдотьино	135
Глава 7. Согласием и трудами	162

Глава 8.	
Познать самих себя.....	204
Приложения	225
Приложение № 1.	
Татьяна Абрамова	
«Pour ses amis»: послание в будущее.	229
Приложение № 2.	
Из архивных разысканий:	
Новиков и филокартия	275
Приложение № 3.	
Библиография	283
Благодарности	295

ISBN 978-5-907132-17-7

Научно-популярное издание

НЕФЕДОВ
Александр Викторович

ЖИЗНЬ ВО БЛАГО ОТЕЧЕСТВА
К 200-летию памяти книгоиздателя
Николая Новикова.

Компьютерная вёрстка — Юлия Берестовая
Корректор — Любовь Дудова

Подписано в печать . .2018 г.
Формат 70x100¹/₃₂. Бумага офсетная
Гарнитура Academy
Усл. печ. л. 12,25. Тираж 1000. Заказ № 791

Отпечатано в обществе с ограниченной ответственностью
«Тамбовский полиграфический союз»
392000, г. Тамбов, Моршанское шоссе, 14А
Тел. 8(4752) 53-26-27
E-mail: info@tps68.ru
www.tps68.ru

В 2018 году исполнилось 200 лет со дня кончины книгоиздателя, титана эпохи российского Просвещения Николая Ивановича Новикова (1744 – 1818). Основоположник отечественной журналистики и педагогики, писатель-публицист и филантроп, стал одной из немногих исторических персон, которому установлено сразу несколько памятников: в центре столицы России, в подмосковных Бронницах, в ...Амстердаме. Скоро памятник нашему земляку появится и в городе Ступино.

В чём же загадка такого отношения к человеку, бурная деятельность которого протекала четверть тысячелетия назад? Почему мы помним о Н.И. Новикове, сохраняем его духовное наследие и отдаём ему дань памяти?

Многие ответы на эти вопросы уже дал нам Александр Нефедов в своих предыдущих книгах: «Мастер слова и дела. Странности судьбы книгоиздателя Николая Новикова» (2010) и «Торжество слова и дела. Книгоиздатель Николай Новиков: возвращение из небытия» (2015). Венцом своеобразной трилогии стала эта книга, на страницах которой читатели найдут много интересного, порой удивительного, расширяющего наши границы познания отечественной истории.

Впервые в книге воспроизводятся репродукции всех известных на сегодняшний день портретов Н. И. Новикова. А очерк о том, как на протяжении почти двух веков собиралась и изучалась эта уникальная иконография, представляет собой настоящий культурологический детектив.